

SELECTA

XI

SELECTA. Программа серии гуманитарных исследований, 2003–2012

1. *О. Р. Айратетов.* Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.
2. *В. А. Козлов.* «Где Гитлер?» Повторное расследование НКВД–МВД СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера. 1945–1949. М., 2003.
3. *В. И. Молчанов.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М., 2004.
4. *Кирилл Шевченко.* Луицкий вопрос и Чехословакия: 1945–1948. М., 2004.
5. *Кирилл Шевченко.* Русины и Чехословакия: 1919–1939. К истории этнической инженерии. М., 2006.
6. *Ирина Глинка.* Дальше — молчание. : Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой. 1933–2003. М., 2006.
7. *И. В. Дубровский.* Институт и высказывание в конце Римской империи. М., 2009.
8. *Вугар Н. Сеидов.* Архивы Бакинских нефтяных фирм (XIX–начало XX века). М., 2010.
9. *Ю. А. Наумова.* Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2009.
10. *Ольга Эдельман.* Следствие по делу декабристов. М., 2010.
11. *Горан Милорадович.* Карантин идей: Лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010.
12. *И. В. Дубровский.* Очерки социальной истории средних веков. М., 2010.
13. *Л. Ф. Кацис, М. П. Одесский.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М., 2010.
14. *В. Б. Каширин.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.
15. *Анна Резниченко.* О смыслах имен: От философии языка — к языку философии. Русский контекст. М., 2011.
16. *М. А. Колеров.* Труд и война: Военнопленные в экономике СССР (1944–1949). М., 2011.
17. *Украина в 1918 году: Сборник воспоминаний.* М., 2011.
18. *Сборники «Малая Русь» (1918): Репринт и исследование.* М., 2011.
19. *Алексей Тимофеев.* Партизаны, четники, комиты: Один век повстанческих традиций Западных Балкан. М., 2012.
20. *Кирилл Шевченко.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины (XIX–1 пол. XX вв.). М., 2012.
21. *Брюс Меннинг.* «Пуля — дура, штык — молодец»: Русская имперская армия, 1861–1914. М., 2012.
22. *М. А. Колеров.* Измена: «Вехи» и коммунизм: Очерки по истории русской мысли (1918–1923). М., 2012.
23. *М. Йованович.* Над обломками Академии: Русский научный институт в Белграде (1928–1941). М., 2012.
24. *М. М. Шевченко.* Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. как проблема внутренней политики и стратегии России. М., 2012.

В 2012 году издание серии прекращается

Горан Милорадович

КАРАНТИН ИДЕЙ

**Лагеря для изоляции «подозрительных лиц»
в Королевстве сербов, хорватов и словенцев
в 1919–1922 гг.**

*Авторизованный перевод с сербского
Евгении Потехиной*

*Под редакцией
М. А. Колерова*

Москва
REGNUM
2010

УДК 94(497.1) "1919/1922"
ББК 63.3 (4Югo)61-361
М60

Серия SELECTA
под редакцией М. А. Колерова

Редакторы русского текста
О. В. Эдельман и М. А. Колеров

Горан Милорадович.

М60 Карантин идей: Лагерь для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М.: REGNUM, 2010. 228 с. (SELECTA. XI)
ISBN 987-5-91887-005-1

Перевод с издания: Горан Милорадовић. Карантин за идеје. Логори за изолацију «сумњивих елемената» у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца 1919–1922. Београд, 2004.

На обложке: Группа югославских участников Октябрьской революции в России в дни их пребывания в Одессе. Слева направо: сидят — Милан Мушицки из Деча, неизвестный, неизвестный баначанин из Мечаша, стоят — Жива Батаньски из Баната и Славко Обучински из Баната. Фото: Военный музей, Белград. Фототека. Р-4500.

УДК 94(497.1) "1919/1922"
ББК 63.3 (4Югo)61-361

ISBN 987-5-91887-005-1

© Горан Милорадович. Текст
© Евгения Потехина. Перевод
© Сергей Зиновьев. Оформление серии
© Бороздинская Елена. Оформление обложки

«Я встретил одного своего хорошего друга, вернувшегося с войны. Когда я его спросил, откуда он приехал, он мне ответил:

— Из Бухары!

Мать у него умерла, соседи её похоронили. Кто-то украл из его дома мебель. Даже постели, говорит, нет! А на мой вопрос, как он добирался, он мне сказал:

— Через Японию и Англию, где меня арестовали.

— Что теперь думаешь делать? — поинтересовался я.

— Понятия не имею. Ты ведь знаешь, что я был помолвлен. Она уехала куда-то. Может, писем моих не получала. Кто знает, что её ждет?

А потом я сел в поезд и отправился дальше... Вглядываясь в запотевшее окно, я вспоминал, как мой друг описывал мне заснеженные горы Урала, где он год провёл в плену... Помню, как он мне рассказывал о какой-то женщине. Из его описаний в моей памяти осталось только её бледное лицо. Он несколько раз повторил, что в последний раз видел её очень бледной.

...Позднее в гостиничном номере в Новом Саде я написал стихотворение, всем этим навеянное.

Белград, 1920 г.»

Милош Црњански
Объяснение Суматры

Предисловие к русскому изданию

Тема этой книги оставалась «невидимой» для исследователей в течение долгого времени — более восьмидесяти лет. Но, появившись из забвения, она продемонстрировала свой полный объём и значение. Начав с одной тонкой ниточки, историк обнаружил остатки обширной сети по изоляции политических неприятелей, которая, как постепенно выяснилось, была частью намного более объёмного и глобального феномена: системы массового насилия и не-свободы, которые уже более двух веков распространяются по планете Земля. Для русского читателя это не совсем новая и не такая уж неизвестная тема: такой сетью, наиболее разветвленной и длительно существовавшей, был ГУЛАГ.

В ходе работы над рукописью книги постепенно осознавалось значение новых открытий о периоде после окончания Первой мировой войны, а также их глубокая связь с современными явлениями и процессами современной истории. Эта война внезапно втолкнула миллионы людей, чьи предки веками не покидали своих сел, в круговорот всемирной истории, причем иногда, чтобы вернуться домой, этим людям приходилось совершать кругосветное путешествие. Современная история перестала быть историей отдельных народов и их правителей, вся история теперь стала частью всемирной истории. Читая о судьбах отдельных людей, невидимых в миллионных массах разных армий и народов, русский читатель неизбежно узнает что-то и о своей стране, о своём народе, о самом себе: вследствие технологического развития и демографической экспансии, в мире все меньше вещей, которые нас не касаются.

В то время, когда автор начал работать над этим исследованием (в 1994 году), Югославия распалась в кровавой гражданской войне, а её части были подвержены различным санкциям и изоляции. Венцом всего этого была ещё одна война и бомбардировка Сербии и Черногории блоком НАТО в 1999 г., а потом и новый передел границ государства. Текст этой книги дописывался между двумя сигналами сирены, между двумя авиационными налетами. Ясно, что на эту книгу, порой помимо воли автора, сильно повлияло и то драматическое время, в которое она создавалась.

Сегодня, десять лет спустя после появления рукописи, книга представляется русской публике. Если бы она писалась сегодня, вероятно, она бы выглядела по-другому, не только потому, что изменился сам ее автор, но, и прежде всего, потому, что изменились обстоятельства: и общественные, и политические, и научные. Сейчас стала доступна новая научная литература, опубликованы новые исследования, архивы теперь в лучшем состоянии, нежели в 1990-х, можно путешествовать. Однако существует что-то, что и сегодня существенно не изменилось, поэтому внутренняя структура книги, продиктованная характером самого феномена массовой изоляции, осталась бы той же. Кроме того, способ изложения изучаемых фактов, на который решающим образом повлияло состояние сохранившихся архивов и характер темы, по существу не мог бы быть иным. В книге есть твердое ядро, определённое, с одной стороны, теоретическими знаниями о феномене лагеря для изоляции политических противников и, с другой стороны, общим характером сохранившихся и доступных источников. В этом до сего времени не было значимых изменений.

Наконец, хотя это и выходит за рамки исторической науки, мы могли бы ещё раз задаться вопросом, который, суммируя опыт XX столетия, ставили перед собой многие: были ли принесённые жертвы неизбежными или бессмысленными? Часть ответа лежит в признании того, что нельзя «выйти» из истории, историей нельзя управлять, как это обещали народным массам вожди и идеологи. Люди создают историю, но история формирует их. Мы всегда «внутри» истории, которая всегда приходит из одного источника — из нашего сознания. Вторая часть ответа кроется в том факте, что история никогда не кончается. Кончается лишь человеческая жизнь. Те, кто поймёт и объяснит протекшую фазу истории, откроют новые возможности. Если не себе, то другим, тем, кому суждено прийти. С учётом того, в какое время мы живем, — это уже немало.

Горан Милорадович

Белград, ноябрь 2009 года

Предисловие

Исследуя историю Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС), историк может оказаться в ситуации, когда перед ним вдруг открываются новые, практически неизведанные области. Так и в данном случае трудно было представить, что за разрозненными и не связанными между собой данными о существовании «лагерей», «интернирования» и «карантина» на территории Югославии то тут, то там мелькавшими в сербской историографии, простирается колоссальный неисследованный пласт, достойный монографического труда. Намеки на научную значимость этой темы прослеживались в работе доктора Мирослава Йовановича, посвящённой истории русской диаспоры. Он предложил автору настоящей работы прояснить смысл довольно туманной фразы Вука Винавера: «В мостарской крепости содержалась группа русских эмигрантов, подозревавшихся в принадлежности к коммунистам»¹. И, хотя сначала большое исследование не планировалось, тем не менее работа над ним началась в 1994 г. по настоянию научного руководителя, профессора доктора Андрея Митровича, посчитавшего, что здесь достаточно материала для написания кандидатской диссертации. И действительно, выяснилось, что исходные данные составляли лишь верхушку высочайшего айсберга. Постепенно обнажались истоки проблемы и многочисленные нити, связывающие её с другими близкими темами².

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАМКИ ТЕМЫ

Первую мировую войну, Русскую революцию, мирную конференцию в Париже и ряд исторических событий, которые им предшествовали и непосредственно за ними следовали, можно с полным правом считать истори-

¹ См.: *Vinaver, Vuk. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929 // Istorija 20. veka. Zbornik radova. VII. Beograd, 1965. S. 110.*

² Защита кандидатской диссертации состоялась 14 марта 2000 г. на кафедре Общей современной истории Философского факультета в Белграде. Члены приёмной комиссии: проф. д-р Андрей Митрович (председатель), проф. д-р Милан Ристович и проф. д-р Любодраг Димич.

ческим рубежом двух столетий³. Во втором десятилетии XX в. многие рукава реки истории изменили свое русло, другие превратились в подземные потоки, а какие-то пересохли. Поток, составляющий предмет данного исследования, представляет собой практически неизученный фрагмент известного и широко распространенного явления массовой изоляции, которой завершился процесс возвращения бывших солдат австро-венгерской армии, военнопленных в России и Италии, на родину, во вновь образованное Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС).

Речь идёт об организации целой сети лагерей для приёма вернувшихся, их временной изоляции и психологической обработки спецслужбами и полицией из-за подозрения, что их политические убеждения и недавняя деятельность некоторых из них могут представлять угрозу для молодого государства. Явление массовой изоляции имеет богатую предысторию в других странах, а непосредственным образцом в данном случае послужили методы, применявшиеся в бывшей Австро-Венгерской империи. У армии и правительства Королевства Сербии опыт такого рода был только в отношении военнопленных, но он не был соразмерен масштабу идеологического конфликта и не предлагал адекватного решения в сложившихся условиях.

В общем виде, речь идет о весьма распространённой в Габсбургской монархии практике интернирования собственных граждан, на которых пало подозрение в нелояльности, а также мирных жителей оккупированных территорий — это тема значимая и интересная, но систематически ещё не исследованная. Литература, посвящённая этому вопросу, крайне скудна и по большей части представлена мемуарами⁴. Помимо австро-венгерских лагерей для мирного населения, непосредственным образцом, вероятно,

³ Митровић, Андреј. Време нетрпеливих. Политичка историја великих држава Европе 1919–1939. С. 12. Мысль о хронологическом рубеже подкрепляет тот факт, что Королевство СХС перешло со старого, юлианского, на новый, григорианский, календарь. К датам документов, использовавшихся в данной работе и датируемым до 1 января 1919 г., следует прибавлять 13 дней.

⁴ См.: Ђоровић, Владимир. Црна књига. Патње Срба Босне и Херцеговине за време Светског рата 1914–1918. Београд-Сарајево, 1920; Стојанчевић, Владимир. Цивилни интјернирци у логорима Аустро-Угарске и Бугарске у време Првог светског рата // Стварање југословенске државе 1918. Године. Београд, 1989. С. 403–407; Кривокапић, Душан. Сећања из нежидерског лагера 1914–1918. године. Матарушка бања, 1976; Арадска тврђава — аустроугарски логор за истребљење Срба 1914–1918/Подг. Б. Панић и др. Темишвар, 1994; Станковић, Ђорђе. Концентрациони логор Плетерница // Изазов нове историје. I. Београд, 1992. С. 57–75; тот же автор: Изум Немаца — логор за српску децу // Там же. II. Београд, 1994. С. 173–177; Исписивање историјских белина // Там же. II. Београд, 1994. С. 224–233; Велика историјска превара // Там же. II. Београд, 1994. С. 234–239; Николић, Миладин-Расински. Нежидерска епопеја. I. Нови Сад, 1919; Пандуровић, Бранислава. Стихови и проза. Београд, 1965. С. 51–53; Јиндриховице, Маузолеј српских заробљеника и интернираца из Првог светског рата. Праг, 1996; Искруљево, Тоша. Распеће српског народа у Срему 1914. године и Маџари. Нови Сад, 1936; Defrančeski, Joso. С. i kr. ratni logori 1914–1918. Osijek, 1937.

могла послужить существовавшая в империи практика изоляции собственных военнослужащих, бывших военнопленных в России, заподозренных в приверженности большевизму. Их заключали в так называемые санитарные карантинные, истинным предназначением которых являлось предотвращение распространения революционных идей⁵.

Не все вернувшиеся в Королевство СХС прошли через лагеря, это зависело от того, в какой момент и из какой страны они возвращались. Вернувшиеся из болгарского, австро-венгерского, немецкого плена и турецкого рабства не подвергались изоляции из-за возможности распространения большевистских идей, впрочем, как и самые первые вернувшиеся из России, хотя по отношению к ним все же применялись меры предосторожности, и весьма успешно. Первая попытка вернувшихся создать революционную организацию (так называемые пелагичевцы)⁶ закончилась арестом подпольного руководства через пять месяцев, в августе 1919 г., как раз накануне формирования первого приёмного лагеря для репатриантов в Королевство СХС⁷. Однако эти первые вернувшиеся находятся вне сферы основных интересов автора данной работы. С началом возвращения бывших пленных из Германии, где только что было подавлено восстание «спартаковцев», появляются и первые подозрительные лица, а с началом массовой репатриации из России, когда было зафиксировано появление большевистских организаций, и из Италии, когда между возвращавшимися обнаружили пропагандисты нежелательных политических взглядов, политика государства разительно изменилась. Изоляция попавших под подозрение поборников деструктивных идей в Югославии проводилась тогда впервые, а комплекс проблем, связанных с этим социальным явлением, составляет основу исследования данной монографии.

Значение этой темы многогранно: 1) она позволяет восполнить историческую картину, добавив сюжет, до сих пор недостаточно изученный;

⁵ История Югославии. Том II/Под редакцией Л. Б. Валева, Г. М. Славина, И. И. Удальцова. М., 1963. С. 22; *Milenković, Toma*. Stav jugoslovenske vlade prema povratnicima iz Sovjetske rusije // *Vojnoistorijski glasnik*. 2. 1968. С. 205, 206; *Vidmar, Josip*. Prilozi građi za povijest 1917–1918. s osobitim obzirom na razvoj radničkog pokreta i odjeka Oktobarske revolucije kod nas // *Arhivski vjesnik*. I. Zagreb, 1958. С. 47, 54, 74, 75; *Škorić, Drago*. Uloga povratnika iz ruskog zarobljeništva u razvoju događaja u Hrvatskoj potkraj godine 1918 // *Starine JAZU*. 46. Zagreb, 1956. С. 14; *Očak, Ivan*. Jugosloveni u Oktobru. Beograd, 1967. С. 325, 326.

⁶ *Пелагичевцы* — члены Югославской коммунистической революционной группы «Пелагич», сформированной в 1919 году. Это была одна из многочисленных тайных революционных организаций, возникших в Королевстве сербов, хорватов и словенцев под влиянием Октябрьской революции. Своим названием они выразили уважение к Васе Пелагичу (1838–1899), одному из первых сербских социалистов и народных просветителей.

⁷ *Milenković, Toma*. Uticaj oktobarske revolucije na koncepcije i delatnost Jugoslovenskog komunističkog revolucionarnog saveza pelagičevaca // *Istorija XX. veka*. Zbornik radova. X. 1969. С. 232; *I. Očak*. Jugosloveni. С. 334.

2) прием массовой изоляции был распространенным и длительным явлением как в рассматриваемом случае (1919–1922 гг.), так и на протяжении дальнейшей истории Югославии и её преемников, сыграл важную и отчасти определяющую роль в обстоятельствах возникновения и характере этого государства; 3) данное социальное явление нередко встречается во всемирной истории, что подразумевает наличие в нём универсального аспекта; 4) чрезвычайно важен интересующий нас исторический период, и то, что данное явление имело в нём место, лишний раз подтверждает тезис о Первой мировой войне (и событиях, непосредственно с ней связанных) как о рубеже в мировой истории и в истории сербского народа; 5) исследуемая тема дает обилие материала для новых областей исследования (например, в сфере истории идей и истории ментальности), которые позволят всесторонне обозреть прошлое; 6) тема представляет и методологический интерес, так как дает возможность междисциплинарного подхода, в процессе работы использован преимущественно свежий материал, а также материал, до сих пор привлекавшийся совершенно в других целях; 7) данное явление затронуло огромное количество людей, а потому оставило глубокий след в обществе, несмотря на то, что впоследствии было практически предано забвению и до сих пор не предпринималось попыток более или менее обстоятельно его изучить.

О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСТОЧНИКАХ

До сих пор об этих лагерях в научной (да и любой другой) литературе имеются труды всего одного исследователя, заложившего фундамент в освещении социального явления, важного для понимания и времени, в котором оно появилось, и общества, его породившего⁸. Но он из всего множества лагерей подробно остановился лишь на двух (единственных, кажется, ему известных), однако и их исследовал не на всем протяжении существования и не во всех аспектах их функционирования. Кроме того, по обыкновению, принятому в тогдашней литературе, он акцентировал внимание на *классовом*⁹ аспекте, что известным образом исказило его выводы. С другой стороны, в научной литературе доказано, что образ действий политической и военной верхушки Королевства СХС по отношению к большевистской угрозе был продиктован

⁸ Т. Milenković. Povratnici. S. 205–214, а также: Т. Milenković. Radnički pokret u Vojvodini 1918–1920. Beograd, 1968. S. 118, 119.

⁹ «Органы власти новообразованного югославского государства принимали против репатриантов почти те же меры, что и в Австро-Венгрии, руководствуясь при этом интересами преимущественно господствующего класса» (Т. Milenković. Povratnici. S. 207, а также 213 и 214).

прежде всего *государственными*¹⁰ причинами. Методологически было бы лучше анализировать данную проблему с позиции интересов и поступков главных вершителей тогдашних событий, то есть государственного аппарата Королевства СХС, нежели с точки зрения маргинальных политических групп, каковыми являлись нелегальные организации репатриантов.

Других авторов, занимавшихся близкой тематикой, первые лагеря, возникшие в Югославии, интересовали значительно меньше. В научной и публицистической литературе, посвящённой истории первых лет существования Королевства СХС, а также в сборниках публикаций проскальзывают отдельные данные, но не более того. Вук Винавер упоминает лагерь в Мостаре в статье «Югославско-советские отношения в 1919–1929 гг.»¹¹, но неточно приводит источник¹². Лагерь в Смедерево упоминают публицист Любомир Милин¹³ и Фердо Чулинович¹⁴. В публикации Касима Исовича¹⁵ упоминается интернирование в Ливно (S. 466), а также лагерь в Субботице и интернирование в Валево (S. 543). Изоляция репатриантов из России упоминается в сборнике воспоминаний¹⁶. Лагерь в Мариборе упомянут в материале, опубликованном Дивной Албуль¹⁷. Лагерь в Субботице упоминает Вук Винавер¹⁸. Карантин и лагерь в Мариборе многократно упоминается в подготовленной Николой Поповичем книге¹⁹. Лагеря интернирования упоминаются также в сборнике «Участие югославянских пролетариев в Октябрьской революции и гражданс-

¹⁰ В отношении большевистской Венгрии, с которой сотрудничали югославские большевики. «Югославские политики идею интервенции рассматривали не с точки зрения общих интернациональных классовых интересов. Скорее можно сказать, что эта идея воспринималась с позиции узко государственных интересов» (Mitrović, Andrej. *Jugoslavija na Konferenciji mira 1919–1920*. Beograd, 1969. S. 178, более подробная аргументация на S. 178–181. В служебной переписке в это время в основном фигурирует выражение «антигосударственные элементы», в то время как классовый дискурс представляли прежде всего сами большевики и им симпатизирующие. О сотрудничестве югославских и зарубежных большевиков см.: T. Milenković. *Povratnici*. S. 208, а также: T. Milenković. *Pelagićevci*. S. 229.

¹¹ *Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929 // Историја XX века*. VII. Beograd, 1965. С. 110.

¹² «Политика» от 13. XII, 12. XII, 22. XII. 1920, тогда как правильно: 4. VIII. С. 3; 13. XI. С. 3; 22. XII. С. 1 (все — 1920); 13. I. 1921. С. 1.

¹³ *Ljubomir Milin*. *Beli teror*. Novi Sad, 1959. S. 279.

¹⁴ *Ferdo Čulinović*. *Odjeci Oktobra u jugoslavenskim krajevima*. Zagreb, 1957. S. 439.

¹⁵ *Kasim Isović*. *Odjeci i uticaji oktobarske revolucije na prilike u radničkom pokretu Bosne i Hercegovine (1917–1921) // Glasnik arhiva i Društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine*. 7. Sarajevo, 1967.

¹⁶ *Četrdeset godina*. I. 1917–1929. Beograd, 1960. S. 32.

¹⁷ *Divna Albulj*. *Грађа за историју радничког покрета и КПЈ у Војводини, Сремски Карловци 1966*. С. 220.

¹⁸ *Vuk Vinaver*. *Југославија и Мађарска 1918–1933*. Beograd, 1971. С. 101.

¹⁹ *Nikola Popović*. *Jugosloveni u oktobarskoj revoluciji. Zbornik sećanja jugoslovena učesnika oktobarske revolucije i građanskog rata u Rusiji 1917–1921*. Beograd, 1977. S. 16, 128, 162, 181, 184, 195, 200, 244, 425, 427, 450, 454, 463, 577.

кой войне в СССР» (под редакцией Милорада Симоновича)²⁰. Лагерь в Субботице, Мариборе и Мостаре упоминает и Мирослав Йованович²¹. Однако до сих пор никто не попытался связать воедино все имеющиеся данные, всесторонне проанализировать и обобщить проблему.

Материалов сербских архивов и изданных источников достаточно, хотя по отдельным вопросам приходится обращаться и к зарубежным архивам. В Архиве Югославии (АЈ) наиболее информативными оказались: фонд Министерства внутренних дел Королевства Югославии, занимавшегося организацией изоляции и политическим дознанием в отношении пленных, вернувшихся из России и Италии, а впоследствии следившего за их дальнейшей деятельностью; коллекция «Югославы в Октябрьской революции», содержащая тематически подобранные материалы из российских партийных архивов, а также документы о работе югославских учреждений, ведавших делами репатриантов; мемуарный фонд, где находится свыше 1300 воспоминаний участников Октябрьских событий в России, некоторые из которых являются прекрасным дополнением к другим видам источников²²; фонд Министерства иностранных дел Королевства Югославии, а также отдельных его представительств, в особенности фонд Посольства Королевства Югославии во Владивостоке, документация которого по содержанию составляет единое целое с документами фонда Посольства Королевства Сербии в Петрограде из Архива Сербии, и, кроме того, великолепно дополняет фонд того же архива «Югославские добровольцы в России». Исключительно ценные сведения содержатся также в фондах белградского Военного архива (ВА): Верховного командования, архивах армий и армейских округов, дивизий и дивизионных округов, отрядов, частей и командования в 1914–1921 гг., а особенно в архиве Добровольческого корпуса СХС в России.

Архивный материал дополняют публикации. Это тематические сборники документов: «Участники Октябрьской революции и отзвуки октября

²⁰ *Milorad Simonović*, *Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR*. Beograd, 1979. S. 343, 344, 387.

²¹ *Miroslav Jovanović*. *Kraljevina SHS i antilobševička Rusija 1918–1924 // Tokovi istorije*. № 1–2, 1995. S. 98, 112.

²² Многие репатрианты были необразованными, неосведомлёнными, неспособными справиться с пережитым, однако были среди них и отдельные личности, такие как Леопольд Шмольц, впоследствии ставший библиотекарем Конституционного суда в Любляне (АЈ. 516. МГ-1144), житель г. Баня-Лука Мирко Йованович, впоследствии профессор Призренской Духовной Семинарии (АЈ. 14. Ф-211. 70–75), Иосиф Шмайзл из г. Осиек (АЈ. 516. МГ-1145) или Оскар Шлезингер, инженер из г. Босански Нови (АЈ. 14. Ф-149. 288–291), которые были внимательными, образованными и интеллигентными наблюдателями, чьи сведения неоценимы, невзирая на то, что это более поздние воспоминания или это показания, данные полиции непосредственно по возвращении из России.

по документам исторического архива Панчево 1917–1967 гг.»²³; Касим Исович «Отзвуки и влияние Октябрьской революции на рабочее движение в Боснии и Герцеговине (1917–1921)»²⁴; «Югославские добровольцы в России в 1914–1918 гг.» (подготовил Никола Попович)²⁵; «Участие югославских пролетариев в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов и материалов» под редакцией Милорада Симоновича (Белград, 1979), а также публикации документов о работе ряда государственных учреждений: Стенограммы заседаний Временного народного представительства²⁶ Королевства СХС, Загреб, 1919 и 1920 гг.; Стенограммы заседаний Учредительного собрания Королевства СХС, Белград, 1921 г.; Стенограммы заседаний Народной Скупщины Королевства СХС, Белград, 1921 г. Кроме этого, использовались и публикации мемуаров: Йован Д. Миланкович «Воспоминания о Сибири 1918–1919 гг. и путь через океан на родину в 1920 г.»²⁷; Никола Грулович «Югославы в войне и Октябрьской революции»²⁸; Лазар Вукичевич «Воспоминания об Октябрьской революции»²⁹; публикации Н. Поповича.

В отдельных случаях информацию приходилось искать в прессе, в этом отношении следует указать на югославские газеты, выходившие в России: «Объединение» («Уједињење»), позднее названную «Югославянское объединение» («Југословенско уједињење»), выходившее в Челябинске и Красноярске; «Югославянинъ», издававшуюся в Екатеринбурге, а также белградские еженедельники: «Политика», «Рабочая газета» («Радничке новине») и «Свободное слово» («Слободна реч»).

В данной монографии не совсем обычным образом использовалась справочная литература: она служила не только для создания общей картины и обозначения основных направлений исследования, но и для констатации отношения авторов упоминаемых справочных изданий к явлению массовой изоляции, её отдельным фазам и системам лагерей.

Особое место среди собранного материала занимают интернет-презентации различных научных и образовательных учреждений, а также отдельных энтузиастов, которые, исследуя прошлое своей семьи или просто в качестве хобби, собрали и сделали доступными огромное количество фактов и документов о лагерях. Однако к этим сведениям необходимо подходить с особой

²³ Učesnici u oktobarskoj revoluciji i odjeci oktobra prema dokumentaciji istorijskog arhiva Pančevo 1917–1967 // Informator. № 7. Pančevo, 1967.

²⁴ Glasnik arhiva i Društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine. № 7. Sarajevo, 1967. S. 283–570.

²⁵ Jugoslovenski dobrovoljci u Rusiji 1914–1918. Beograd, 1977.

²⁶ Привременно народно представништво (ПНП).

²⁷ Миланковић, Јован Д. Успомене из Сибира 1918–1919. и пут океаном у домовину 1920. Београд, 1926.

²⁸ Груловић, Никола. Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962.

²⁹ Зборник Матице српске за друштвене науке. 22. 1959. С. 129–145.

осторожностью: иногда обнаруживается некомпетентность тех, кто их использует, а иногда их трактовки представляют собой попытки переиначить суть исторических событий. Впрочем, качество такого рода информации легко проверить путем сопоставления с другими источниками.

Помимо трудностей, с которыми пришлось столкнуться при сборе материала, определенные сложности возникали и при его использовании. Это, во-первых, сильная фрагментарность и разрозненность сведений — как в разных архивах, так и в разных архивных фондах; нередко также документы в фондах оказывались неупорядоченными. Не существует ни одного фонда, который содержал бы более или менее систематизированную тематическую подборку документов.

Другая большая сложность проистекает из того факта, что репатриацией бывших пленных занималось большое количество различных организаций, как югославских, так и зарубежных, которые в чём-то действовали параллельно, в чём-то дополняли друг друга, в чём-то сотрудничали, а в чём-то и чинили друг другу препятствия.

Разумеется, подобная ситуация с подбором источников существенно осложняла работу исследователя, понимавшего, что результат его труда напрямую зависит от этого.

Наконец, самой большой трудностью была недоступность зарубежной документации. Наиболее остро эта проблема вставала, когда требовалось установить точное число репатриантов, то есть количество людей, прошедших через лагерь. В данном случае наиболее существенным было число вернувшихся из России из-за их массовости, а также вероятной приверженности идейным течениям, ради которых и применялись меры предосторожности в Королевстве СХС. Революционные события и гражданская война в России усугубляли ситуацию, когда никто не знал, что происходит за линией фронта, а подданные Королевства СХС находились по обе её стороны. Отчасти недостаток данных компенсируется наличием документации дипломатических и военных представительств Королевства СХС на территории России, Добровольческого корпуса СХС, мемуаров и копий русской документации (хоть её недостаточно, она может послужить отправной точкой для дальнейшего исследования)³⁰.

В связи с изложенным встала необходимость обращения к фондам русских архивов, прежде всего к фонду Центропленбежа (Центральной коллегии о пленных и беженцах), позднее переименованного в Центроэвак (Центральное управление по эвакуации населения) Российского государственного во-

³⁰ Историю добровольческого движения сербов в России можно выделить в отдельную тему, заслуживающую монографического труда. В документах есть указания, что Корпус был экспериментом по созданию югославской армии, из чего следует, что его значение больше, чем принято считать.

енно-исторического архива в Москве, за период с 1914 по 1923 гг.³¹. Важный материал имеется и в местных архивах, например в Государственном архиве Томской области, в фонде Томского губернского управления по эвакуации населения (Губэвак), охватывающем период 1920–1921 гг., особенно важным потому, что в Томском лагере происходила концентрация югославских подданных перед эвакуацией³². В Омском архиве также имеется объемный, но, к сожалению, неупорядоченный материал об эвакуации из Сибири, часть которого касается военнопленных из Королевства СХС³³. И этим список архивов, содержащих важные для понимания темы источники, не исчерпывается. Особенно большой поток «военнопленных», как их называли русские, шел через Украину, Туркестан и Кавказ, поэтому и в тамошних архивах должны содержаться какие-то сведения о них. К процессу репатриации привлекались и международные организации, например Красный Крест и Лига Наций, следовательно, и в архивах этих организаций должны содержаться ценные сведения. Но поскольку целью данной монографии является исследование не всего процесса миграции военнопленных, а только завершающего этапа их возвращения, включавшего и заключение в лагерь, то наиболее важны были все-таки югославские архивы.

Определенной трудностью была и нехватка материала по отдельным важным вопросам, прежде всего это касается процесса принятия решений в высших политических кругах страны; данных о количестве людей, прошедших через лагерь; и, наконец, подробностей внутреннего устройства лагерей и положения в них. Тем не менее в итоге можно заключить, что материала оказалось достаточно для того, чтобы составить довольно отчетливое представление о том, как и почему происходило в первые годы существования Югославии на её границах и в отдельных внутренних областях.

Пробелы в материалах официального происхождения не всегда возможно восполнить мемуарной литературой. Причину можно показать на примере того, как разные авторы писали о расстреле группы коммунистических агитаторов в Одессе, Жанны Ляурб и её соратников. Так, автор, стремившийся возложить ответственность за этот акт на Военную миссию Королевства СХС на юге России, утверждал, что распределительный лагерь в Одессе миссия превратила в «чистилище грешников от "большевистской ереси"», а затем, описав арест группы агитаторов-подпольщиков, заключил, что «Жанну Ляурб

³¹ Путеводитель по Центральному государственному военно-историческому архиву. М., 1941. С. 60.

³² Государственный архив Томской области. Путеводитель/Под редакцией В. С. Флерова. Томск, 1960. С. 77.

³³ Государственный архив Омской области и его филиал в г. Таре. Путеводитель. I. Омск, 1984. С. 99, а также: Там же. II. Омск, 1987. С. 183, 184.

и остальных... расстреляли. Наша буржуазия, как и буржуазное правительство Югославии, боялась тех, кто приезжал из Советской России»³⁴. Таким образом, автор усмотрел непосредственную причастность правительства Королевства СХС к этому происшествию. Между тем современник, известный французский коммунист Андре Марти, указывал, что арест был произведен «пятью белогвардейскими офицерами, четырьмя французскими офицерами и одним гражданским лицом», а «начальником пыточной команды был полицейский Андре Бенуа, с 1915 по 1919 г. занимавший пост шефа безопасности Восточной армии»³⁵. Супруг Жанны Лябурб, коммунист Вукашин Маркович, сказал Душану Заричу из города Дрвар, с которым вместе возвращался из России, что его жену убили французы³⁶. Почему сведения столь противоречивы, трудно догадаться. Не найдя документального подтверждения преступлений своего главного «врага», элиты бывшего Королевства Югославии, некоторые авторы пытались литературными средствами переделать картину прошлого в угоду господствовавшей идеологии.

О ТЕРМИНОЛОГИИ

Прежде чем перейти к самой теме, необходимо оговорить употребление терминов и понятий. Одни понятия будут употребляться в более узком или более широком значении, чем обычно принято, в то время как другие с течением времени изменили свой смысл, поэтому либо их использование в прежнем значении оказалось невозможным, либо же они стали совершенно неприемлемыми. Что касается терминов, то они делятся на две группы: те, которые непосредственно относятся к идеям, вызвавшим применение чрезвычайных мер, и специальные термины, связанные с технологией проведения этих мер. Понятия из области крамольных идей относятся к двум типам: правые (лояльность Габсбургам и национализм) и левые (большевизм, коммунизм, социализм и анархизм).

Национализм и лояльность Габсбургам. Первую и относительно малочисленную группу граждан, в основном гражданских лиц, подвергшихся изоляции, составляли приверженцы национализма. Как правило, это были

³⁴ Грулович, Никола. Югословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962. С. 314, 315. «Мемуары» этого репатрианта, а впоследствии функционера КПЮ и государства, которым компартия управляла, суцая галиматя произвольно и неуклюже связанных между собой источников, воспоминаний самого автора и идеологических флоскул, где одна-единственная линия прослеживается четко и непрерывно: деление на «хороших» и «плохих» согласно большевистским критериям.

³⁵ *Andre Marti. Iz uspomena // Oktobarska revolucija. 40 godina.* Zagreb, 1957. S. 178–181.

³⁶ AJ. 14. Ф-106. 42.

представители национальных меньшинств на территории Королевства СХС (венгры, румыны и австрийцы), хотя в отдельных случаях и представители союзных народов, хорваты и словенцы, на которых падало подозрение в нелояльном или «ненадежном» образе мыслей. Их временно изолировали или сразу по возвращении из плена, или из-за их политической деятельности в новообразованном государстве. Национализм в Королевстве СХС не являлся вопиющей крамолрой, если только не призывал к пересмотру существовавшей геополитической ситуации.

Помимо сепаратистки настроенных националистов, существовала еще одна, совсем небольшая, группа подвергшихся изоляции — это так называемые *преданные монарху* (*лояльные Габсбургам*), являвшиеся в высшей степени маргинальной политической силой. Так, 4 января 1919 г. командующий Первой армией воевода Петар Бойнович отдал приказ командиру Моравской дивизии: «Дабы предотвратить опасность... для порядка и стабильности... строжайшим образом отслеживать передвижение и работу финансовых жандармов, католических попов, франковцев³⁷ и общинных делопроизводителей... употребив для этого все доступные средства»³⁸. Наряду с бывшими офицерами эти категории считались самыми близкими к свергнутому режиму. Их политические взгляды обычно подразумевали некую форму монархизма, что само по себе не возбранялось на территории Королевства СХС, если только этот монархизм не носил ревизионистского характера. А их монархизм был именно ревизионистским.

Будь эти две названные категории подвергшихся изоляции единственными, это явление, вероятно, исчерпало бы себя в первые послевоенные годы. Между тем именно в 1919 г. началось массовое возвращение бывших пленных из России, среди них были и большевистские агитаторы. Кроме того, между приверженцами правых и левых идей иногда устанавливался своеобразный прагматический контакт, вопреки теоретической непримиримости некоторых их взглядов.

Большевизм, коммунизм, социализм, анархизм. Левые идеи, нашедшие плодородную почву в довоенной и послевоенной Европе, стали главной причиной распространения мер массовой изоляции. Понятия, весьма свободно употребляющиеся в источниках, требуют разъяснения и согласования, что достаточно непросто сделать в силу природы вопроса. Известно ведь, что у Ле-

³⁷ *Франковцы* — последователи хорватского политика адвоката Иосифа Франка (1844–1911), лидера крайне правой хорватской *Чистой партии права* в Австро-Венгрии. В рамках этой партии сформировались лидеры организации усташей. Ставший в 1941 г. вождем «Независимого государства Хорватии» усташский «поглавник» (фюрер) Анте Павелич был секретарём *Хорватской партии права*, как ее переименовали в Королевстве сербов, хорватов и словенцев.

³⁸ ВА. П-6. К-523. Ф-1. № 7/5. 3.

нина, «как и у любого марксиста, желание внезапно научно обосновывается ценой философской неразберихи»³⁹. Во всяком случае, в некоторой степени это обусловило терминологическую и понятийную неразбериху, зачастую становившуюся проблемой при работе с литературой и источниками. К примеру, чтобы усилить представление об угрозе существующему порядку вещей, авторы документов в исследуемый период употребляли понятия *социализм*, *коммунизм* и *большевизм* (а иногда, хотя и реже, даже *анархизм*), но большевизм используется значительно чаще других. Вероятно, это понятие легче всего было увязать с конкретной угрозой «мировой революции»⁴⁰ и её главным «рассадником» — большевистской Россией.

Если говорить в общем виде, то взаимосвязь данных терминов можно представить в виде концентрических кругов⁴¹. Первый и самый широкий круг составляет понятие *социализм*, на теоретическом уровне объединяющее как сторонников, так и противников доктрины Маркса. В Королевстве СХС у *социализма* были в основном парламентские сторонники. Более узкий круг составляет понятие *коммунизм*, которое Маркс и Энгельс взяли для обозначения своей трактовки социализма, затем его использовали различные группировки, направления и партии (в том числе партия Ленина), и оно, по крайней мере поначалу, не было несовместимо с парламентской системой Югославского Королевства. Третий, самый узкий, смысл имеет понятие *большевизм*, обозначающее специфический ленинский синтез марксизма и русской революционной традиции и ни теоретически, ни практически несовместимое с парламентской системой. Именно это последнее понятие и олицетворяло собой угрозу, ставшую основной причиной основания лагерей изоляции, поэтому его следует рассмотреть подробнее.

Понятие *большевик* в названии своей партии Ленин сохранил из-за его популярности и узнаваемости, хотя оно ему не нравилось. Будучи практичным политиком, он рассуждал следующим образом: «У нас есть действительная партия, она развивается отлично; «сойдет» и такое бессмысленное, уродливое слово, как «большевик», не выражающее абсолютно ничего, кроме того, чисто случайного, обстоятельства, что на Брюссельско-Лондонском съезде 1903 года мы имели большинство»; с другой стороны, «июльские и августовские пресле-

³⁹ Fire, Fransa. Prošlost jedne iluzije. Komunizam u dvadesetom veku. Beograd, 1996. S. 181.

⁴⁰ *Boffa, Giuseppe*. Povijest Sovjetskog Saveza. I. Opatija, 1985. S. 29, 95.

⁴¹ В качестве отправной точки для этой типологии взята статья Мирослава Йовановича «Сталинизм» (Сталинизм): Историјски гласник. 1–2. 1993. С. 103–118. Однако термины, которые там рассматриваются, не соответствуют содержанию монографии. Сталинизм не подходит, так как данная работа занимается периодом до прихода Сталина к власти. Хронологически скорее применим ленинизм, хотя в исследуемый промежуток времени и он не в ходу, так как возник позднее. Марксизм чересчур обширен, и к нему апеллируют поборники различных и порой противоборствующих политических группировок.

дования нашей партии республиканцами и «революционной» мешанской демократией сделали слово «большевик» таким всенародно-почетным»⁴². В марте 1918 г. Российская *социал-демократическая партия (большевиков)* сменила название на Российскую *коммунистическую партию (большевиков)*. Первым важным моментом для нашей темы стало основание Коммунистической партии (*большевиков*) СХС 5 ноября 1918 г. в Москве. Тем самым образовалась непреодолимая пропасть между большевиками и социал-демократическими партиями в Королевстве СХС, так как последние, согласно большевистским взглядам, «предали интересы пролетариата, сложили оружие в классовой борьбе и перешли на сторону национальной буржуазии»⁴³. Резкость формулировки и явная воинственность, читающиеся в этих строках, могли вызывать подозрение и рассматриваться в Югославском Королевстве как угроза. Что и произошло и, более того, по всей видимости, было целью.

В апреле 1919 г. в Белграде была образована *Социалистическая рабочая партия Югославии (коммунистов)*, ставшая частью парламентской системы. Однако ни провозглашение её *коммунистической*, ни её деятельность не побудили правительство к применению против её членов чрезвычайных мер предосторожности, каковые применялись к репатриантам. Напротив, некоторые социалисты состояли в двух правительствах Любомира Давидовича⁴⁴ в то время, когда создавались лагеря для подавления большевизма⁴⁵. Столь разительно отличающееся отношение, бесспорно, связано с основополагающим тезисом Ленина о роли насилия в политической борьбе⁴⁶, приверженность которому большевики рьяно демонстрировали, в то время как позиция социалистов в Королевстве СХС изначально не давала повода говорить об их агрессивной настроенности. Например, председатель Совета Министров Стоян Протич подчеркивал разницу: «Уже были доказательства, господа, что среди

⁴² *Lenjin, Vladimir Ilić. Država i revolucija. Beograd, 1967. S. 82, 83.*

⁴³ *Gl'gorijević, Branislav. Komintern, jugoslovensko i srpsko pitanje. Beograd, 1992. S. 31. См. также: Popović, Nikola, Jugoslovenska centralna komunistička organizacija u Rusiji (1918–1921. godine) // Prilozi za istoriju socijalizma. 5. 1968. S. 237–318.*

⁴⁴ Любомир Давидович (1863–1940) — окончил естественно-математическое отделение философского факультета Великой школы в Белграде. В мае 1901 основал Независимую радикальную партию. В 1904, 1914–1917, 1918–1919 гг. — министр просвещения. В 1905 — председатель Сербской народной скупщины. В 1919 основал Демократическую партию. В 1919–1920, 1924 возглавлял правительство. После военно-монархического переворота 6 января 1929 г. — в оппозиции. — Прим. переводчика.

⁴⁵ Протоколы заседаний двух правительств Давидовича с августа 1919 г. по февраль 1920 г.: *Zapisnici sednica Davidovićeve dve vlade od avgusta 1919. do februara 1920/Hrabak, Bogumil // Arhivski vjesnik. XIII. Zagreb, 1970. S. 9, 10.*

⁴⁶ «Государство... должно смениться особой силой для подавления буржуазии пролетариатом... рабочий класс должен разбить, сломать готовую государственную машину... Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо сломить сопротивление эксплуататоров капиталистов больше некому и иным путем нельзя» (В. И. Ленин. Государство и революция).

нашего рабочего люда есть такие, — с этим вполне согласен господин Кочач, — кто не является хорошими или настоящими социалистами, а называют себя коммунистами, большевиками, или как там они себя ещё зовут»⁴⁷. Другая причина, возможно, кроется в том, что все наиболее значительные фигуры партии социалистов уже были известны полиции, а прибывших извне необходимо было распознать (в том числе и как потенциальных врагов).

В силу сказанного понятие *большевизм* в дальнейшем будет нами использоваться для обозначения внешней идеологической и политической угрозы, носителями которой, по мнению руководства Королевства СХС, могли быть и свои граждане, и иностранцы. Это новое течение искало поддержку среди идейно и политически близких ему подданных Королевства для создания ядра, которое приняло бы новую радикальную программу и попыталось претворить её в жизнь. Подходящие кадры вербовались среди вернувшихся из плена, переселенцев (особенно из России), а также среди членов существующих партий. Наряду с созданной партией нового типа продолжали существовать и партии парламентского типа, которым более соответствует понятие *социалистические*. Позднее, в 1920-х гг., по мере развития процесса большевизации КПЮ, различия в типе организации, программе и способах её реализации, которые в начале десятилетия наблюдались между *большевиками* и *социалистами*, постепенно таяли, а оба эти понятия вытеснялись понятием *коммунизм*. Параллельно менялось отношение государства к коммунистам, приобретшее законодательную форму в декрете Обзнана от 30 декабря 1920 г.⁴⁸, а затем в так называемом Законе о защите государства от 2 августа 1920 г.⁴⁹.

⁴⁷ Стенограммы заседаний Временного народного представительства Королевства сербов, хорватов и словенцев II: Stenografski zapisnici Privremenog narodnog predstavnštva Kraljevstva Srba, Hrvata i Slovenaca II. Zagreb, 1920. S. 693 (ПНП: 26 очередное заседание Временного народного представительства от 27 мая 1919 г.).

⁴⁸ *Обзнана* — приказ Совета министров Королевства сербов, хорватов и словенцев, принятый в ночь с 29 на 30 декабря 1920 года. Этим документом была запрещена любая деятельность Коммунистической партии Югославии, распущены все её организации и конфисковано имущество и архив. За нарушение пунктов *Обзнаны* грозило тюремное заключение. Этот документ носил временный характер и действовал до принятия новой конституции.

⁴⁹ Решающую роль в этом смысле сыграло крепнущее влияние большевистского течения на программу и методы работы партии, особенно после Вуковарского конгресса (20–24 июня 1920 г.), когда название партии сменилось на Коммунистическую партию Югославии. См.: Историја савеза Комуниста Југославије. Београд, 1985. С. 76–79; B. Gligorijević. Kominternu. S. 38–43; Николић, Коста. Большевизација КПЈ 1919–1929. Историјске последице. Београд, 1994. *Закон о защите государства* — сокращенное название *Закона о защите общественной безопасности и порядка в государстве*, принятого 2 августа 1921 года. После неудачного покушения на престолонаследника Александра Карагеоргиевича и убийства бывшего министра внутренних дел М. Драшковица летом 1921 года этим законом было усилено преследование коммунистов со стороны государства, вплоть до введения смертной казни за некоторые преступления. КПЮ с тех пор перешла в подполье, где и оставалась до 1941 года.

Вероятно, спорный вопрос, насколько понятие «большевизм» применимо к вернувшимся из немецкого плена и по стечению обстоятельств соприкоснувшимся с новыми идеями. В тогдашней Германии существовал целый спектр партий левого толка, чьё влияние в конце 1918 г. — начале 1919 г. могло ощущаться и в среде военнопленных бывшего Королевства Сербии. Ближе всего к большевикам были Союз Спартака и левое крыло Независимой социал-демократической партии Германии, однако в идейном плане они в известной мере расходились с большевиками, что видно из позиции Розы Люксембург, в которой чувствуется явная примесь анархизма: «Главная ошибка Ленина–Троцкого именно в том, что они диктатуру... противопоставляют демократии... Ленин–Троцкий выступают за... диктатуру горстки людей, то есть за диктатуру по гражданскому образцу... Историческая же задача пролетариата, придя к власти, вместо гражданской демократии создать демократию социалистическую, а не уничтожить любую форму демократии»⁵⁰.

Впрочем, в Королевстве СХС анархизм приветствовался не более большевизма, при том, что немецким революционерам удалось избавиться от влияния товарищей из Москвы. Между тем «из советского государства поступала непосредственная помощь людьми, напутствиями и, по мере возможности, вооружением. Карл Радек, один из предводителей революционных событий в Берлине, и Эуген Левине, вождь революции в Мюнхене, были тесно связаны с центром Третьего Интернационала в Москве»⁵¹. Для определения своей позиции и принятия мер предосторожности в Югославском Королевстве достаточно было известий о событиях, происходивших на улицах Берлина и других немецких городов в конце 1918 и первой половине января 1919 г. Все это очень напоминало недавний переворот в России, к тому же было достоверно известно, что некоторые из репатриантов «обуяны социалистическими и большевистскими идеями» и «подвержены большевистской агитации», источником которых считался немецкий национализм, а также ревизионистские и реваншистские настроения⁵². Показателен отчет Верховного командования Министерству армии и флота Королевства СХС с характеристикой Филиппа Шейдемана: «Известна политическая неискренность этого немецкого социалиста, который раньше был близким другом кайзера Вильгельма. Его

⁵⁰ *Luksemburg, Roza. Budućnost svuda pripada «boljševizmu» // Marksizam — misao savremene epohe. II. Antologija tekstova. Beograd, 1976. S. 698.* Хотя разница во взглядах Розы Люксембург и Ленина очевидна, Ф. Фюрер всё же чересчур превозносит её «анархический гений», скорее отдавая тем самым дань собственным восторженным идеологическим воззрениям в молодости, нежели подходу с научной точки зрения: F. Fire. *Prošlost. S. 107–110.*

⁵¹ *A. Митровић. Време нетрпеливих. С. 107–108.*

⁵² См. показания румынского военного врача (ВА. П-3а. К-11. Ф-1. № 3/1. 176, 177) и отчёты военного атташе Королевства СХС в Голландии военному министру, датированные декабрем 1918 г.: ВА. П-6. К-270. Ф-6. № 18/7; К-303. Ф-10. № 19/1; № 19/2; К-54. Ф-4. №55/1.

прежняя политическая деятельность лишней раз доказывает, что он прежде всего — немец, а уже потом социалист вроде Бебеля. Цель сегодняшней политики Германии заключается в том, чтобы самым безжалостным способом задушить любую попытку революционного движения внутри страны и направить все силы на разжигание большевизма в союзнических государствах. Для нее это единственный способ помешать заключению мирного договора»⁵³. И хотя к вернувшимся из немецкого плена меры изоляции не применялись, соответствующий вывод, несомненно, был сделан и угроза считалась очень серьёзной. Поэтому правомерно, следуя терминологии документов, распространяемую репатриантами из Германии опасность называть большевизмом, имея при этом в виду, что существовали определенные различия в доктринах с русским его вариантом.

Разумеется, властные структуры Королевства СХС не страдали параноидальным синдромом. Положение в России и Германии беспокоило элиты и в Западной Европе. Речь Уинстона Черчилля, государственного секретаря по военным делам, являет собой впечатляющий пример того, как смотрели на большевизм в кругах, близких британской короне: «Белая книга, изданная британским правительством, даёт яркую и основанную на веских доказательствах картину зверств большевиков... Тирания большевиков во много крат хуже, губительнее и унижительнее, чем все тирании в истории... Германия пытается не свергнуться в большевизм... Однако, произойди это, и последствия, без преувеличения, скажутся даже в Китае»⁵⁴. Если о большевизме так отзывались на далёких Британских островах, то странам Восточной и Юго-Восточной Европы предстояло держать гораздо более серьёзную оборону.

Третьим местом, откуда активно прибывали репатрианты, была Италия, там самым мощным политическим течением был либерализм, а вторым после него социализм. Италия противостояла революционным искушениям значительно успешнее, но из-за последствий войны волна левого радикализма, захлестнувшего Европу, достигла и её границ. Ближе всех к большевизму стояло также крайне левое крыло социалистов под предводительством Антонио Грамши, они «свои политические идеи заимствовали у Маркса, Энгельса и Ленина. Тогда не было ни одной европейской страны, где бы имя большевистского вождя чаще называлось с признанием и воодушевлением»⁵⁵. Между тем обстоятельства сложились так, что к тому времени, когда летом 1920 г. настало их время и они от слов решили перейти к делу, репатриация подданных Королевства СХС из Италии уже закончилась. Единственное,

⁵³ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 21/1: строго Пов. Бр. 404 от 28 августа 1919.

⁵⁴ W. Churchill. The Bolshevik Menace: An Aggressive and Predatory Form // The Speeches of Winston Churchill/Ed. with an intr. by David Cannadine. L., 1990. P. 88, 91.

⁵⁵ А. Митровић. Време нетрпеливих. С. 174–175.

что действительно могло представлять идеологическую угрозу, — это предшествовавшие попытки итальянского правительства внедрить своих агентов для распространения революционных настроений среди югославских пленных накануне их возвращения на родину. Эти старания не принесли желаемых результатов, за исключением того, что между двумя государствами усилилось взаимное недоверие.

Наконец, говоря о термине «большевизм» в качестве обозначения угрозы, ликвидировать которую были призваны меры массовой изоляции на территории Королевства СХС в начале 1920-х гг., нельзя забывать и о сильном психологическом воздействии, которое Октябрьский переворот в России оказал на сознание представителей политической верхушки, военного и чиновничьего аппарата Югославского Королевства. Они видели большевизм, прежде всего, через его поверхностные проявления (речи и поступки большевиков или почти «большевиков»), не вникая в его идеологию, не задумываясь о его реальной мощи и обстоятельствах, способствующих его привлекательности. В силу этого их отчеты зачастую сбивчивы, эмоциональны и некомпетентны.

Как неопровержимо явствует из источников, председатель Совета Министров Стоян Протич был одним из немногих представителей политической элиты Королевства, способным дать определение большевизму, о котором так много говорили и которого так боялись: «Русский царизм, господа, и русское самодержавие — это одно цельное, национальное явление, потому и русская революция, и все, что творится в России, есть национальная особенность. И русский социализм, именно потому, что он взращен в этой стране, отличается от тех, что появились в других государствах. Большевизм же мог возникнуть только в России... Русские социалисты еще в 1860-х гг., под воздействием идей немецкого философа Гегеля, создали теорию о возможности миновать отдельные ступени развития и теперь доказывают всем, что именно они суть истинные представители социализма... И привнесли они эту теорию, которая, в сущности, не нова (это старая якобинская теория), в социализм для того, чтобы навязать свою диктатуру, только свою, воображая, что... диктаторским декретом они в состоянии решить социальный вопрос»⁵⁶. Но соратники, а особенно подчиненные Протича, были далеки от такого понимания.

Таким образом, на основании сказанного, понятие «большевизм» в данной работе будет употребляться в очень широком смысле, обозначая и то, что считали большевизмом репатрианты из России, Германии и Италии, и то, что принимали за него органы власти в Югославском Королевстве, и то, чем он являлся на самом деле.

⁵⁶ ПНП. II, 1919. С. 693. Из обращения Стояна Протича к Скупшине на 26-м очередном заседании, 27 мая 1919 г.

Понятие массовой изоляции. Первое значение понятия «масса» — большое количество, крупное скопление чего-либо, в данном случае — людей. Но, когда речь идет о возвращавшихся из России и Италии, то имеется в виду множество людей с особым умонастроением, среди которых находились поборники и распространители идей, считавшихся опасными для государства. Это люди, возвращавшиеся из лагерей военнопленных, пережившие долгие годы войны, в течение которых они подвергались многочисленным стрессам и эмоциональным потрясениям. Многие из них были физически и душевно истерзаны, прошли через ужасы окопной войны и унижение плена. Для этих людей моральные барьеры пошатнулись, уважение к авторитетам рухнуло, а ситуация в стране, которую они застали по возвращении, давала мало шансов быстро прийти к себе, во всяком случае, не было больше прежних идеалов, на которые можно было опереться. Наконец, все они находились в состоянии эмоциональной взвинченности от мысли о возвращении домой. Но возвращались они в среду, сильно изменившуюся, изменились и сами репатрианты. Эти вынужденные эмигранты становились превосходной средой для пропаганды и манипулирования, особенно когда находились в больших обезличенных группах, в которых манипулятор был надежно защищен боевыми друзьями и товарищами по несчастью⁵⁷.

Места, предназначенные в Югославском Королевстве для содержания доставленных и их изоляции, в документах фигурируют как «сборный пункт», «карантинный лагерь» и «концентрационное место»; несколько чаще используется выражение «концентрационный лагерь», а также «приёмный лагерь», «место интернирования» и «лагерь интернирования», однако чаще всего — просто «лагерь». Первые три термина слишком туманны и редки, поэтому их употребление в данной работе не представляется целесообразным. Понятие *концентрационный лагерь* в настоящее время обычно связывается с явлением, появившимся во времена тоталитарных государств, особенно же с лагерями, организованными нацистской Германией. Среди них, помимо *трудовых лагерей* и *лагерей строгого режима*, выделяется особый тип лагерей, известный как *лагеря смерти* или *мельницы для перемалывания костей*, появление которых придало термину *концлагерь* страшный семантический оттенок, в силу чего этот термин нередко использовался в целях политической пропаганды. В устах же историка он обретает сокрушительную силу: «Каждая цивилизация оставляет свои характерные памятники: Рим гордился гладиаторскими аренами, в средние века возводили кафедральные соборы, в XIX. в. появились фабрики и сеть железных дорог. Монументом Немецкой цивилиза-

⁵⁷ Šušnjić, Đuro. Ribari ljudskih duša. Ideja manipulacije i manipulacija idejama. Beograd, 1995. S. 57–66.

ции стал лагерь смерти в Аушвице»⁵⁸. Неправомерно отождествлять эти лагеря со всеми разновидностями мест массовой изоляции, поскольку речь в данном случае идет о совершенно особых лагерях, каких не знала предшествующая история и каких в 1919–1922 гг. нигде не было.

Поскольку понятие «концентрационный лагерь» с течением времени изменило значение, оно исключается из списка терминов, используемых в данной монографии, кроме тех случаев, когда оно встречается в тексте документов. В более старой югославской историографии крепость Смедерево, использовавшаяся в 1919 г. как место заключения, иногда именуется «концентрационным лагерем», хотя ни в одном источнике в применении к ней этот термин не встречается⁵⁹. Подобным же образом словосочетание «концентрационный лагерь» употребляется в широком смысле для обозначения отношения властей в Королевстве СХС к репатриантам⁶⁰. Этот же термин встречается в публикациях при описании содержания документов, относящихся к некоторым видам изоляции в Югославском Королевстве, хотя в самих документах этот термин отсутствует⁶¹. Упорство, с которым этот термин увязывается с режимом в Королевстве СХС, является следствием так называемого классового подхода к истории некоторых авторов, их стремления отождествить *post factum* тогдашнюю власть с нацистами и предъявить ей соответствующий моральный счет. Причина этого в том, что коммунисты для оправдания своего незаконного прихода к власти постоянно сравнивали две Югославии: негативные стороны Югославского Королевства (преувеличенные и приукрашенные) противопоставлялись успехам и преимуществам коммунистического государства.

Значение термина *приёмный лагерь*, который также встречается в документах, изменилось не столь разительно, но его недостаток в том, что он слишком узок. Он относится лишь к одному виду лагерей, находившихся на основных железнодорожных и морских направлениях в приграничной

⁵⁸ Taylor, Alan J. P. From Sarajevo to Potsdam. L., 1966. P. 169. Заклеймить нацистскими преступлениями все предшествующие и последующие поколения немцев и их совокупные достижения, как это сделал Тэйлор, по меньшей мере, несправедливо и чрезмерно. С другой стороны, утверждение некоторых историков, что ответственность за холокост лежит на психопате Гитлере, нацистской верхушке и «эпохе» (см.: Nolte, Ernst. Fašizam u svojoj erohi. Beograd, 1990. S. 296–303), серьезно оспаривают новейшие научные изыскания (см.: Goldhagen, Danijel. Hitlerovi dobrovoljni dželatli. Obični Nemci i holokaust. Beograd, 1998). Но и Голдхаген в некоторых своих выводах чересчур экстремален и подвержен стереотипам. Лагерная тема порой напоминает ментальную «чёрную дыру», до невероятия деформирующую научный метод и разрушающую логику научной историографии.

⁵⁹ Čulimović, Ferdo. Odjeci Oktobra u jugoslovenskim krajevima. Zagreb, 1957. S. 439, 483; Milin, Ljubomir. Beli teror. Novi Sad, 1959. S. 279.

⁶⁰ T. Milenković. Povratnici. S. 209.

⁶¹ Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji građanskom ratu u SSSR. Zbornik dokumenata i materijala/Redaktor Milorad Simonović. Beograd, 1979. S. 343, 344, 387.

зоне Югославского Королевства. В силу этого данный термин мало соответствует нашему исследованию и в дальнейшем будет использоваться только в применении к нескольким пограничным лагерям.

Следующее понятие, *лагеря интернирования*, или просто *интернирование*, более приемлемо, но и оно слишком узко для рассматриваемой темы. Термин *интернирование* в Королевстве СХС, как правило, относился к лицам, обоснованно подозреваемым в политической неблагонадежности. Эти люди содержались в физической изоляции, поскольку того требовала государственная безопасность, обычно в течение нескольких месяцев. С другой стороны, *интернирование* порой обозначало ограничение перемещений данного лица путем наложения обязательства пребывать в определенном населённом пункте, но без запрета контактов с местными жителями, то есть без полной изоляции. Это относилось к сравнительно малому числу людей, и можно сказать, что такова была начальная стадия формирования лагерей, из которой позднее развилась изоляция в полном смысле этого слова. Очень редко понятие *интернирование* применялось к *приёмным* лагерям.

Чаще всего через сеть лагерей, которую мы рассматриваем, проходили лица, вина которых не была доказана, а попадали они туда ради контроля и содержались в течение срока, соответствующего нуждам карантина; за это время устанавливались их личности, проверялись лояльность и политические пристрастия. Нельзя сказать, что эти люди были *интернированы*, но какое-то время они были *изолированы*. А поскольку именно они составляли большинство прошедших через лагерь, термин *изоляция*⁶² представляется наиболее оптимальным. Кроме прочего, он содержит определённый медицинский оттенок, что вполне уместно, так как зачастую применение карантина объясняли необходимостью профилактики заразных болезней.

Что касается самого термина *лагерь*, то в основном речь шла об импровизированных объектах, особенно если это были крупные пункты изоляции на приграничных территориях. Документы изобилуют этим термином. Иногда с этой целью использовались уже имеющиеся фортификационные объекты, но тогда внутри них выделялись особые помещения для содержания изолированных лиц.

Принимая во внимание всё сказанное и притом памятуя, что авторы документов не всегда были последовательны и точны в использовании терминологии, целесообразнее всего было бы придерживаться словосочетания *лагеря изоляции*. В документах это выражение отсутствует, однако будет ис-

⁶² «ИЗОЛЯЦИЯ [лат. isolatio] — обособление, отделение кого-либо или чего-либо, лишение связи с окружающей средой» (Вујаклија, Милан. Лексикон страних речи и израза. Београд, 1991. С. 316). В основе выражения лежит слово «изола (итал. isola, лат. insula) — остров». История массовой изоляции полностью оправдала эту этимологию.

пользоваться в данной работе в силу своей ясности, широты и возможности полностью охватить рассматриваемое явление, охарактеризовать его во всем многообразии, не подпадая под власть стереотипов и предрассудков. К сожалению, справочная литература, к которой приходилось обращаться, в основном оперирует понятием *концентрационный лагерь*, что зачастую приводит к терминологической и понятийной путанице, не всегда случайной. Показательно, что авторы энциклопедических статей, посвященных исследуемой теме, осведомлены только о зарубежных лагерях.

К приведённым терминам в той или иной степени близки понятия *индейская резервация*, *исправительная колония* и *карантин*, но их значение уже. Но явления, обозначаемые этими понятиями, привнесли опыт, использованный при осуществлении массовой изоляции по политическим причинам, поэтому полезно иметь их в виду. Теоретически основной задачей *индейской резервации* была защита тех, кто находился в её пределах, а не вне её, неважно, что на практике оказалось иначе. Впрочем, это явление свойственно исключительно американскому континенту и связано с попытками решить специфический вопрос индейского населения. *Исправительная колония* подразумевает предшествующее уголовное преступление. Политическая составляющая в данном случае если вообще присутствует, то не на первом месте. Распространённое понятие *карантин* касается мер по предотвращению распространения заразных болезней. Иногда оно приобретает и политический смысл, однако не обязательно, поэтому это понятие не в состоянии вместить все смысловые оттенки такого социального явления, как лагерь. И все-таки оно присутствует в заглавии данной книги. Почему? Во-первых, эпидемиологическая коннотация хорошо передает то, как именно элита Королевства СХС воспринимала идеологическую опасность. Во-вторых, указывает на взаимосвязь идей и масс как на ядро проблемы. В-третьих, абсурдность словосочетания *карантин для идей* характеризует гротескность самого явления и подчеркивает необходимость соблюдения разумной дистанции по отношению к предмету исследования.

ЧЕТЫРЕ ОТПРАВНЫЕ ТОЧКИ

Поскольку исторический контекст, в котором получило развитие рассматриваемое социальное явление, в целом известен, уже при беглом ознакомлении с упоминаниями о лагерях в документах возникает мысль, что они являлись частью более общей стратегии борьбы против крамольных идей. Дальнейшие исследования подтверждают, что речь идет о разветвленной и относительно структурированной сети лагерей и других мест изоляции внутри границ Королевства СХС, которую поддерживали дипломатические и военные

представительства за границей, определенные государственные учреждения, а также некоторые зарубежные и международные организации.

Другая идея, которая возникла, а позднее нашла подкрепление, состоит в том, что эти меры были лишь одним из аспектов некоей более масштабной политики, включавшей и другие виды борьбы (экономическую, политическую, военную и т. д.) новообразованного государства за существование. В дальнейшем мы будем касаться их по мере необходимости для освещения основной темы, а также выявления связи между различными методами противостояния идеям, грозившим Королевству СХС и системе ценностей, которую оно отстаивало.

Третий, еще более широкий круг размышлений, наметившийся в процессе исследования, порождён впечатлением, что подоплекой массовой изоляции в Королевстве СХС на заре его существования являлась первая попытка большевистской революции в Югославии. Данная работа посвящена лишь одной стороне этой темы, но в то же время дает отчасти ответ на важный вопрос: почему эта попытка провалилась?

Четвертый, самый широкий, круг проблем вытекает из анализа территориального расположения лагерей и других мест для изоляции «антигосударственных элементов». Дело в том, что большинство их находилось на территории бывшей Дуалистической монархии, за исключением нескольких небольших объектов в северных областях бывшего Королевства Сербии. Это совпадает с расположением Первого, Второго и Четвертого армейских округов, включавших в себя в основном новые территории с центрами в Новом Саде, Сараеве и Загребе. Третий военный округ с центром в г. Скопле охватывал довоенную территорию Королевства Сербии, и в этом округе интернирование граждан не проводилось. Подавляющее большинство изолированных лиц были родом из областей, ещё недавно принадлежавших Габсбургской монархии, где в течение войны применялись аналогичные меры к вернувшимся из плена. Остальные были иностранцами. Кроме того, заметны преемственность и цикличность в применении мер массовой изоляции на одном и том же пространстве до, во время и после существования Югославии. Таким образом, вышесказанное свидетельствует о наличии связей между типами общества и государства и предрасположенностью к определенным процессам и явлениям.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

С формальной точки зрения, данная тема является одним из аспектов военной истории, причем таким, который в исторической науке, как правило, остается обделенным вниманием — судьбой военнопленных. В этот отноше-

нии данная монография дополняет уже имеющиеся исследования и делает попытку сделать следующий шаг.

Одновременно тема относится и к истории дипломатии, поскольку в ней отражаются отношения нескольких государств. Прежде всего, это Королевство СХС, Россия, Италия и Германия, в меньшей степени главные страны-участницы Антанты, транзитные страны, через которые осуществлялась репатриация, соседние государства, некоторые международные институты, как Лига Наций и Международный Красный Крест.

Кроме того, исследование затрагивает и сферу истории идей, без них такого явления, как лагерь, вообще могло бы не быть. Полюса здесь составляют две противоположные идеологии, сторонники и поборники которых находились в двух государственных центрах: в Белграде, столице государства, отстаивавшего государственную целостность и суверенитет, либерализм, монархию, демократию, национализм и религиозность; и в Москве, столице «родины всех пролетариев», и за пределами своих границ пытавшейся насаждать большевистскую систему ценностей и концепцию государства, подразумевавшего плановое хозяйство, эгалитаризм, однопартийную систему, диктатуру, республику, интернационализм и атеизм.

Речь идёт также о столкновении двух элит: старой, которая составляла верхушку общественной пирамиды и определяла управленческую структуру государства, и новой, зародившейся внутри того же самого общества и пытавшейся захватить власть при поддержке извне. Обе эти элиты возникли внутри тонкой гражданской прослойки Королевства СХС, а между ними находились массы общества, вокруг которых, через которые и посредством которых велась их борьба. Данная тема отчасти представляет собой исследование одной великой миграции, заключительного этапа массового переселения, последовавшего после Первой мировой войны, что означает и неизбежный выход в область социальной истории.

Учитывая относительную краткость рассматриваемого периода и специфичность темы, классический историографический подход, подразумевающий хронологическое изложение событий, будет использоваться очень осторожно и только там, где это возможно. Прежде всего, здесь имеется в виду политическая и военная история. Как оказалось, социологический подход значительно более удобен для описания процесса возвращения военнопленных и массовой изоляции с её комплексностью и многослойностью, когда сквозь внешнюю оболочку военно-политического вопроса проступает явление, теснейшим образом связанное с длительными общественными процессами, продукт культурной и интеллектуальной истории той территории, где оно получило развитие.

В масштабах всеобщей истории и в рамках истории Югославии, сети лагерей возникали порой последовательно, а порой синхронно, существуя и пе-

ресекаясь в пространстве и во времени. Лагерь в Королевстве возникали один за другим в сравнительно небольшие промежутки времени, затем какое-то время они функционировали параллельно, чтобы потом так же последовательно исчезнуть с исторической сцены и из нашего поля зрения опять-таки за очень короткий отрезок времени. Линеарная манера повествования не в состоянии отобразить этот процесс. Читатель может заметить, что кое-где применялась мозаичная структура, дабы вымостить линейное полотно основного изложения. Насколько это было оправданно и успешно, покажут последующие исследования.

Как уже было отмечено, из-за недостатка работ на эту тему и неудовлетворительного состояния документальных материалов исследование выполнено на основании фрагментарных источников. Эти крупницы позволяли порой достаточно ясно увидеть эпизоды общей картины, но порой их едва хватало, чтобы кое-как восполнить пробелы, да и то не всегда. Поэтому прежде всего необходимо было выстроить общие и частные границы явления (история лагерей в мировом масштабе и на территории Югославии), а затем через «изучение примеров» приступить к исследованию собственно лагерей в Королевстве СХС. В качестве двух наиболее ярких «примеров» выбраны лагерь в Смедереве и Мариборе. Но и основная тема данной книги — сеть лагерей в Королевстве СХС — представляет собой «изучение примеров» из числа лагерей, существовавших на территории Югославии с 1914 по 1920 гг. Наконец, эти лагеря, имеющие свои «общие знаменатели», можно представить как особый «югославский случай» в рамках более широкого явления, каковым является процесс массовой изоляции в последние два века всеобщей истории.

Такой подход, на практике оказавшийся в высшей степени плодотворным, сделал возможной научную свободу в широком понимании, которая культивируется на Кафедре общей современной истории. Особая благодарность выражается профессору др. Андрею Митровичу за ряд побуждающих бесед и полезных рекомендаций при определении темы и при решении спорных вопросов методологии и терминологии на последующих этапах работы. Неоценимую помощь во время многочисленных консультаций оказал доцент др. Мирослав Йованович, чьи комментарии и советы значительно облегчили решение многих конкретных проблем, ускорив завершение монографии. Автор благодарен психологу, доценту др. Йовану Миричу за его квалифицированную помощь в разъяснении многих вопросов, неизменно возникавших, как только работа затрагивала область психологии. Помогли в создании этой книги сотрудники Архива Югославии, Архива Сербии, Военного Архива, Народной библиотеки, Университетской библиотеки, Библиотеки исторического отделения Философского факультета в Белграде и Библиотеки Исторического института в Белграде.

Введение

*Лагеря изоляции:
возникновение, развитие,
стереотипы, типология*

Для того, чтобы определить значение и истинный смысл того или иного исторического явления на конкретной территории в конкретное время, следует сопоставить его со схожими явлениями, как предшествовавшими, так и последующими. Но прежде всего стоит посмотреть, что питает это явление, что влияет на его периодические всплески и мутации. Это поможет лучше понять, чем именно было явление, имевшее место в Королевстве СХС в первые годы его существования.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЛАГЕРЬ»

Одна из первых устойчивых ассоциаций, возникающих при мысли об истории XX века — это места массовой изоляции политических противников; кажется, что, лучше поняв это явление, можно точнее охарактеризовать и исторический период, в который оно возникло. Важный шаг — определение критерия для квалификации исследуемого процесса, что значительно облегчает ориентацию в конкретных случаях его проявления. В качестве отправной точки может послужить тезис, что главным (однако не единственным) генератором массовой изоляции служит влияние, которое на *массы* оказывают *идеи*, приобретающие политическое значение и в данной среде считающиеся противоречащими существующему порядку вещей. Пока дело касается отдельных личностей, исповедующих эти идеи, меры, предпринимаемые обществом или режимом против них, не выходят за рамки классических мер пресечения, независимо от формальной мотивировки и процедуры изоляции⁶³. Од-

⁶³ В конце XVIII—начале XIX вв. наказания через отбывание срока потеснили преобладающие до этого наказания путём публичного унижения, нанесения увечий и физических мучений. Это объясняется стремлением к «гуманизации» карательной процедуры, дабы достичь воспитательного эффекта посредством «моральной ортопедии» и приспособиться к ценностям, типичным для гражданского общества, поскольку «человек попадает в тюрьму, чтобы *заплатить* свой долг» (курсив автора). (См.: Фуко, Мишель. Надзирати и кажъавати. Настанак затвора. Нови Сад, 1997. С. 11–13, 223–225). Как мы увидим, указанной хронологической границе способствовало и явление массовой изоляции.

нако по мере того, как возрастала роль масс в исторических событиях⁶⁴, меры индивидуальной изоляции оказывались недостаточными для предупреждения нежелательных последствий. Назрела потребность в развитии новых *технологий* физической изоляции, применимых для контроля над массами.

Доказательством тому, что основную причину практики создания лагерей следует искать на технологическом уровне, служит факт появления лагерей в странах с совершенно противоположными идеологиями: лагеря создавали и большевики, и демократы, и фашисты, и нацисты. История Югославии как раз великолепно иллюстрирует, как в пределах одной страны сменяются режимы, к власти приходят и от власти отстраняются люди различных политических взглядов и моральных устоев, а лагеря постоянно обновляются, нередко в одних и тех же местах. Следовательно, они не являлись самоцелью, неотъемлемой частью той или иной идеологии, а только *инструментом* для достижения цели.

Применение такого инструмента возможно при наличии в обществе ряда условий: присутствие по меньшей мере двух достаточно многочисленных борющихся за лидерство групп, убежденность в недостаточности обычных мер, а также в том, что само существование данного общества напрямую зависит от устранения из политической или общественной жизни значительного числа людей и даже от их физического устранения. Это наводит на мысль, что заключение в лагерь, в сущности, представляет собой специфический *вид общественных отношений*, проявляющихся по преимуществу в политической сфере, но иногда выходящих далеко за её пределы. Поэтому невозможно дать определение лагеря только на основании его описаний, описаний его внутреннего распорядка, какими бы красочными и ужасающими они ни были, но, прежде всего, требуется определить его функцию в данной среде.

Характерной чертой лагерей следует признать то, что в большинстве своём они возникали в качестве чрезвычайной меры, поэтому носили относительно *импровизированный* вид и *были лишены формальностей*. Они появлялись в самых различных местах и формах, а продолжительность их функционирования не была заранее определена. Недостатки документального оформления порождали массу ошибок (не всегда случайных) при квалификации отдельных случаев. Можно назвать разные причины этого, но одна из важнейших в том,

⁶⁴ В начале XIX в. «народные массы играют исключительно минорную роль, сведенную к репертуару, который пишут элитные крути... Ситуация меняется в конце века. Ни развитие национализма, взрыв демократического антисемитизма, ни появление растущего числа массовых партий, таких как немецкая социал-демократическая партия, никоим образом нельзя постичь, не признав дотоле невиданного внедрения народных масс в политику современных государств. Между тем этот феномен лучше всего можно наблюдать после окончания Первой мировой войны». F. Fire, Prošlost. С. 30. Периодизация, которую дает Фюре, относительно увеличения роли масс в истории соответствует и качественным переменам в лагерной практике, что явствует из обзора истории массовой изоляции в дальнейшем тексте.

что понятие «концентрационный лагерь» обладало огромным пропагандистским воздействием и охотно использовалось. В новейшие времена этот термин утратил свое раннее значение «сборный пункт» и стал обозначать массовое место казни. Однако история массовой изоляции показывает, что высокая смертность в большинстве лагерей была *сопутствующим*, а не *первичным* эффектом. Замысел, как правило, состоял в заключении и изоляции, иногда эксплуатации и, возможно, перевоспитании узников. Исходно, если проанализировать данные за два последних столетия, лагеря уничтожения были скорее исключением, чем правилом, а современное понимание термина «концентрационный лагерь» — суть стереотип, возникший после Второй мировой войны.

Лагеря в силу своего чрезвычайного и временного характера относятся скорее к эпохам перемен — революциям и войнам, нежели к периодам, когда властвует закон и порядок. Их легитимность базируется не на правовых и моральных нормах, а на суждениях политической воли, они суть продукт государственной и политической системы, которая, в сущности, посредством лагерей доказывает свою неспособность обычным путем, через нормальные институты разрешить те или иные проблемы. Многие авторы указывают на Французскую революцию как исходную точку крупных перемен, произошедших за последние два века, включая и возникновение лагерей⁶⁵. Здесь следует сослаться на мнение тех историков, кто, как Эрик Хобсбаум, считает, что *Долгий девятнадцатый век* начинается двумя революциями 1780-х годов — промышленной в Англии и политической во Франции, а заканчивается Первой мировой войной. А *Короткий двадцатый век*, начинаясь этой войной, заканчивается крахом коммунистических режимов в Европе в 1991 г. Франсуа Фюре также выделяет эти три события как важнейшие хронологические разделители последних двух веков, которые, помимо прочего, отмечены еще и феноменом массовой изоляции. Джон Шварцментел отодвигает эти хронологические рамки немного назад, до Американской революции 1776 г., однако и он рассматривает последние два столетия как историческое целое, обозначенное «идеологиями современности», ведущими начало от просветительства⁶⁶.

Стереотипное представление о *коллективном враге* вне или внутри какого-либо народа родилось в ходе событий Великой французской революции:

⁶⁵ Для поисков в этом направлении весьма инспиративным стало место в книге А. Митровича (А. Митровић, *Време нетрпеливих*. С. 63–66), где автор отмечает, что миф о «вожде» существовал задолго до «вождей» первой половины XX в., во время правления которых наступила кульминация лагерной практики, и что особенно он был предвосхищен мифом о Наполеоне. Упоминание Наполеона указывает на Французскую революцию, которая взрастила его и которая является важнейшей хронологической границей для нашей темы.

⁶⁶ *Hobsbawm, Eric. Age of Extremes. The Short Twentieth Century 1914–1991. L., 1999. P. 2–17; F. Fire. Prošlost. S. 13–77; Schwarzmantel, John. The Age of Ideology. Political Ideologies from the American Revolution to Postmodern Times. L., 1998. P. 1–13.*

провозглашения Национального собрания представителями третьего сословия 17 июня 1789 г., сопротивления короля и дворянства этому перевороту с вытекающей отсюда теорией *аристократического заговора*. Тогда-то и появилась идея, что целые категории населения в пределах государства или народа могут являться врагами (государства, народа, классовыми, национальными, расовыми и т. п.) и заслуживают соответствующего обращения. Дальнейший ход истории эту идею развил и заострил: есть «мы», есть «они» (враги), различия настолько непримиримы, что их необходимо очертить колючей проволокой⁶⁷.

Одним из существенных факторов, влиявших на создание и совершенствование технологии массовой изоляции, стал опыт, приобретённый в ходе массового производства, то есть индустриальная логика: экономия пространства, рационализация расходов, максимальное использование материальных и людских ресурсов, дисциплина, строгая иерархия, подчинение индивидуума коллективу и т. д. И хотя перечисленным не исчерпываются возможные связи промышленного процесса и развития лагерной практики, это вовсе не означает, что связи эти были непосредственно причинно-следственными или что они — единственные и самые важные. Индустриализация шла параллельно с технологическим развитием лагерей, формирование которых она в некотором смысле облегчила и ускорила, однако обоим этим явлениям предшествовали политические революции в ведущих государствах Западной Европы и Америки. Вероятно, правильнее было бы полагать, что революционное высвобождение возросших потенциалов этих обществ имело и позитивные стороны (материальное благосостояние), и негативные (лагеря).

Кроме того, практику заключения в лагеря можно считать симптомом крупных перемен в структуре общественной морали. Вместо того чтобы лишение свободы рассматривать исключительно как наказание (следствие) за какое-либо правонарушение (причину), предварительно сформулированное юридически, вершители массовой изоляции сочли, что некоторые личности своим свободным передвижением и контактами с другими членами общества создают угрозу существующему порядку вещей (или могут её создать в будущем), поэтому их необходимо поместить в заключение с *профилактической целью*. Именно это передвижение на первый план политической превенции и вытеснение правовых норм на второй является чертой, которая существенно отличает лагеря от тюрем. Согласно такому ходу мысли «причина» (возможное правонарушение) логически следует за тем, что должно бы являться

⁶⁷ Исследованием современных интерпретаций общества и их идейными, политическими и материальными последствиями занимался Цветан Тодоров в книге: *Mi i Drugi*. Francuska misao o ljudskoj raznolikosti. Beograd, 1994. О психологических переменах, сопровождающих зарождение и функционирование современных идеологий см.: *Kрстич, Драган*. Психолошке белешке 1974–1975. Beograd, 1992. С. 57–60.

следствием (заключение), при том что в действительности «причина» может так и остаться гипотетической. Отсюда проистекает, что: или необязательно совершать правонарушение для того, чтобы оказаться в заключении, или же оно содержится в самом наказании, то есть заключённый благодаря своему статусу уже преступник⁶⁸.

Сама *цель изоляции* зависит от понимания тех, кто применяет эти меры, хотя в ходе применения изоляции первоначальные позиции нередко изменяются. Как правило, главным было стремление лишить изолированного индивидуума (путём изоляции, морального давления, физического уничтожения) возможности распространять свои идеи и находить единомышленников. Причем совершенно необязательно, чтобы подвергшийся изоляции действительно исповедовал инкриминируемые ему идеи, важно, что те, кто его изолирует, исповедуют свои собственные (об аристократическом или еврейском заговоре, классовом враге, высшей расе, государственном интересе, исторической необходимости и т. п.).

Разумеется, возможные характеристики массовой изоляции этим не исчерпываются. Явление это по-прежнему существует, и кто знает, в каком облике оно предстанет в будущем, ведь многое в его прошлом остаётся загадкой. Задача заключается в том, чтобы выделить определённые признаки этого явления, отличающие его в ряду подобных, но все же иных феноменов (карантин, тюрьма, военный лагерь, поселение, индейская резервация и т. д.). Очертания массовой изоляции станут яснее, если, совершив краткий экскурс в историю, мы найдем некие исходные факторы, необходимые условия, локальные варианты и основные фазы развития этого явления. Но прежде следует заняться поисками первого в истории лагеря.

В ПОИСКАХ ПРООБРАЗА

Справочная литература, как правило, расходится в вопросе, кто, когда и где впервые сформировал подобный объект, проявляя при этом избирательную, но строго направленную и дозированную забывчивость⁶⁹. Бесспорно, на то имеются объективные причины. «Народная энциклопедия сербо-хор-

⁶⁸ Этот вопрос требует внимательного специального толкования, которое выходит за рамки данной работы. К сожалению, надо признать, что до сих пор историческими последствиями перемен в области морали больше и глубже занимались литераторы, чем историки. Прежде всего, здесь имеется в виду Федор Достоевский, а также австрийский писатель Йозеф Рот (см.: Милорадовић, Горан. Историјско у роману «Радецки-марш» Јозефа Рота // *Годишњак за друштвену историју*. 2–3. 1997. С. 241–266).

⁶⁹ «Советская историческая энциклопедия» (М., 1961–1965) пошла дальше всех: в ней понятия «концентрационный лагерь» или просто «лагеря» отсутствуют.

вато-словенская» (редактор Станоевич) полагает, что «во время войны 1914–1918 гг. помимо лагерей для военнопленных возникли и другие виды лагерей: интернирования и концентрационные»⁷⁰, до Первой мировой войны, согласно статье, их не существовало. «Большая советская энциклопедия»⁷¹ упоминает лагерь в «капиталистических государствах», особенно в тех, где властвовал «фашистский режим». Не уточняется, где именно и когда был организован первый лагерь. «Толковый словарь русского языка» признает наличие лагерей только «в фашистской Германии и оккупированных ею странах во время Второй мировой войны, а также в ряде стран с реакционными режимами в периоды репрессий и беззакония: место заключения и физического уничтожения политических противников, инакомыслящих»⁷². «Энциклопедия института лексикографии»⁷³ нижнюю хронологическую границу относит ко временам колониальных войн, конкретно упоминает Бурскую войну (1899–1902). «Международный политический словарь-справочник»⁷⁴ не приводит ни одного примера старше Бурской войны, с которой связывает и возникновение термина «концентрационный лагерь». «Grand Larousse enciclopédique»⁷⁵ относит первые лагеря ко времени попыток испанцев подавить восстание на Кубе (1895–1898), то же самое находим и в энциклопедии Брокгауза⁷⁶, а в «Британике»⁷⁷ даже приводится дата 21 октября 1896 г. в качестве исходной для исследуемого явления. «Энциклопедия Словении»⁷⁸ следует этим двум авторитетным справочникам. В энциклопедии «Mayers»⁷⁹ лагеря для военнопленных времен гражданской войны в Америке (1861–1865) названы как наиболее ранние, а «Военная энциклопедия» углубляется дальше всех перечисленных справочников. Согласно ей, «предтечей концентрационных лагерей было решение, принятое Наполеоном Бонапартом в 1803 г. после разрыва Амьенского мира, об аресте всех граждан Британии, застигнутых на территории Франции, вплоть до дип-

⁷⁰ Народna енциклопедија српско-хрватско-словеначка. II: И-М. Загреб, б. г. С. 590, 591. Автор статьи Любомир Миленович явно находился под сильным впечатлением от только что минувшей войны.

⁷¹ Большая советская энциклопедия. Т. 22. М., 1953. С. 499. Статья насквозь пронизана идеологией.

⁷² Ожегов, С. И.; Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 287. По сравнению с советскими временами мало что изменилось.

⁷³ Enciklopedija leksikografskog zavoda. Т. 4: Jugoslavija-Majkov. 1959. S. 321, 322. Эта энциклопедия сообщает о лагерях к западу, северу и югу от тогдашних границ Югославии.

⁷⁴ Medunarodni politički leksikon. Zagreb, 1960. S. 292, 293.

⁷⁵ Grand Larousse enciclopédique. Т. 3: Ches-Desé. P., 1960. P. 352–354. Эта энциклопедия отводит, по крайней мере, в десять раз больше места нацистским лагерям, чем всем остальным вместе взятым. О французских лагерях в ней не сообщается ничего.

⁷⁶ Brockhaus. Die Enzyklopädie in 24 Bänden. B. 12: Kir-Lagh. Leipzig; Mannheim, 1996. S. 345, 346.

⁷⁷ Encyclopaedia Britannica. Vol. 6: Cocker – Dais. 1963. P. 251–253.

⁷⁸ Internacija // Enciklopedija Slovenije. Т. 4: Hac — Kare. Ljubljana, 1990. S. 164. В статье неправильно приведены годы Бурской войны: 1908–1911 гг. (!?).

⁷⁹ Mayers. Encyclopädisches lexicon in 24 Bänden. B. 14: Ko — Les. Mannheim; Wien; Zürich, 1975. S. 192.

ломатов, находившихся там проездом»⁸⁰. На этом можно было бы прекратить поиски более ранних примеров, поскольку Французская революция признана наукой как первая пограничная отметка «долгого XIX в.».

Между тем есть автор, обративший взор в седую древность, во времена Пелопонесской войны (431–404 гг. до н. э.) и полагающий, что, «хотя лагерный мир с его ледяными душой примерами и ужасающими возможностями зародился в нашу современность, некие его прообразы можно обнаружить и в отдалённом прошлом»⁸¹. Во время Сицилийского похода 415–413 гг. до н. э. в каменоломнях Латомии были заточены семь тысяч пленных афинян и их союзников. Пример едва ли убедителен: во-первых, там не было мирного населения; затем, ограничение передвижения на тот момент не являлось мерой предупреждения; не являлось оно и орудием в идеологической борьбе, но лишь средством мщения неприятельским воинам. Часть их была отправлена в Сиракузы, город победителей, другие же оставались в каменоломнях ещё 70 дней, после чего часть пленных была продана, а остальные томились в плену в общей сложности восемь месяцев. Никто не намеревался создавать другие «лагеря». Приведенный пример — единственный в своём роде и не имеет аналогов вплоть до XIX в. В нем нет упоминаний об организации какого-либо специфического лагерного режима, а общий технологический уровень, разумеется, не шёл ни в какое сравнение с тем, что было достигнуто в XX в. Действительно, относительно много людей было заперто в ограниченном пространстве, они умирали от жажды, голода и болезней среди смрада фекалий и трупов своих товарищей⁸². Однако история знает примеры лагерей, где не было такой жестокости, равно как и примеры подобной жестокости без лагерей. Эти жуткие картины сами по себе не служат доказательством существования лагеря. Можно сказать, что автор подпал под влияние стереотипного представления о концентрационных лагерях и в качестве критерия для идентификации явления принял не мотивы, отношения и обстоятельства, а страшные описания массовой гибели на ограниченной территории⁸³.

⁸⁰ *Vojna enciklopedija*. Т. 4: *Istorija — Krajina*. Beograd, 1961. S. 627–630.

⁸¹ Acín, Jovica. *Gatanja po pepelu. O izgnanstvima i logorima tragom pisanja*. Beograd, 2003. S. 99. Описывая эти события, автор использует выражения «узники», «античный лагерь», «ходячие трупы» и т. д. (S. 99–100).

⁸² Ср.: Фукидид «История» и Плутарх «Сравнительные жизнеописания» (II).

⁸³ В литературном отношении лагерная тема завораживает своей мрачностью, поэтому нет ничего удивительного в том, что произведения, посвящённые ей, переполняют подобное настроение, которое стирает границы реальности и отягощает сознание. Существуют книги, в которых собрано такое огромное количество жутких сцен из лагерной жизни, что их можно читать как своеобразную хрестоматию человеческого страдания (например: J. Acín. *Gatanja po pepelu*). Дабы не оказаться вовлечёнными ни в область этики, ни в область эстетики, мы подойдем к исследуемой теме с позиции истории и социологии, изыскивая для всего рациональные объяснения, в том числе и для феноменов, кажущихся иррациональными.

Вопреки некоторому сходству, следует признать, что в столь ранней истории нет ни одного достаточно убедительного примера, который можно было бы считать прообразом массовой изоляции, появившейся в XIX и XX вв., а тем более концентрационного лагеря в нынешнем его понимании. Лагеря являются феноменом современного общества, поэтому подлинные их истоки надо искать значительно позже. Но всё же не чересчур поздно. В попытке определить время зарождения «первых лагерей в их современном значении»⁸⁴ тот же самый автор указывает на начало Первой мировой войны. Более того, в качестве переломного события, разделяющего два века, он называет «появление» лагерей, а не саму Великую войну! Стоило бы напомнить, что крупные сети лагерей в современном смысле слова существовали ещё в XIX в., а, кроме того, с методологической точки зрения логичнее было бы за хронологическую границу взять *событие, соотнесённое с чётко фиксированной датой* (начало войны), а не *явление* (феномен лагерей), чей генезис длится десятилетиями.

Некоторые исследователи одним из основополагающих условий для организации лагерей считают процесс индустриализации и всё, что с ней связано. Так, урбанизация разработала технические приёмы, позволяющие концентрировать большие скопления людей на малом пространстве. Развитие путей сообщения увеличило частоту перемещений людей и обмена идеями, в ответ организаторы массовой изоляции помещали идеологически неблагонадёжных в пустынные или искусственно опустошённые места. Развитие науки, с одной стороны, предлагало ряд новых концепций мира и общества, влияя и на разнообразие политических воззрений (в некоторых обществах считавшихся нежелательными); с другой стороны, привело к технологическому прогрессу, без которого не было бы таких важных (для некоторых видов массовой изоляции) изобретений, как колючая проволока, электрический прожектор, пулемет, газовая камера и т.п. Появление средств массовой информации сделало возможным быстрое и не вполне поддающееся отбору распространение информации, что облегчило и ускорило политическую мобилизацию широких слоёв населения, а также определило поспешную реакцию определённых политических структур на некоторые её проявления. Массовое образование сделало большое число людей восприимчивыми к новым идеям и идеологиям, а следовательно, политически активными и потенциально представляющими интерес для создателей лагерей. Перемены в области морали, особенно утверждение утилитаризма, позволили рассматривать человека (индивидуального или коллективного) как средство к достижению цели, а не как самоценную личность, что проявилось в некоторых отвратительных видах лагерной практики.

⁸⁴ J. Acín. Gatanja po pepelu. S. 113.

Поскольку, как уже неоднократно говорилось, Французская революция является ключевым и поворотным событием в истории XIX в., корни массовой изоляции следовало бы искать в периоде, непосредственно за ней последовавшем. И хотя каждый из приведенных ниже примеров нельзя считать лагерем в прямом смысле слова, но по ряду характеристик их правомерно считать предтечами лагерей. Рассмотрение этих первых опытов, их более поздних разновидностей, а также изменившихся обстоятельств позволит нам раскрыть это явление во всем богатстве его вариаций. Но не следует забывать, что оно длится, повторяется и что в своем рудиментарном виде оно появилось ещё на заре XIX в. Ныне с полной уверенностью можно сказать, что лагеря нельзя изъять из контекста, который составляют девятнадцатый, двадцатый и начало двадцать первого века, ибо и на сегодняшний день они являются неотъемлемой спецификой текущего периода.

ОБЩАЯ ИСТОРИЯ МАССОВОЙ ИЗОЛЯЦИИ

Первая фаза: изоляция чужого населения

Первым примером массовой изоляции (речь идёт не о военнопленных, а о мирных гражданах) служит последовавший после разрыва Амьенского мира в 1803 г. приказ Наполеона об аресте всех англичан и содержании их под стражей вплоть до окончания вражды между двумя государствами. На тот момент на Континенте находились десятки тысяч английских граждан, большинство из них во Франции, около 10 тыс. в Париже⁸⁵. Акция была несслышанная, в ней трудно отделить меры предосторожности от желания отомстить за конфискованные прежде англичанами французские корабли. Такое обоюдное нарушение международного права и заведенного порядка и в дальнейшем станет одной из характерных черт массовой изоляции.

Между тем интерес, который представляют для нас наполеоновские времена с точки зрения развития технологий массовой изоляции, этим не исчерпывается. Прежде всего, вспомним о заточении поверженного императора на о. Эльбе и о. Св. Елены. В данном случае любопытен тот факт, что уже тогда острова считались идеальным местом изоляции. В 1814 г. вместе со своими 800 солдатами Бонапарт был интернирован на о. Эльба, расположенном в 50 км от Корсики. Жене и сыну не разрешили остаться вместе с ним, дабы он не оказывал влияния на воспитание ребёнка. Разлучение семьи и впоследствии было специфической чертой массовой изоляции. Но поскольку оказалось, что мере

⁸⁵ Herold, Christopher. The Age of Napoleon. New York, 1963. P. 143, 144.

является слабой преградой для Наполеона, после решающего поражения в 1815 г. его интернировали на о. Св. Елены в Атлантическом океане в 2000 км от ближайшего берега — Африки. Таким образом было обнаружено, что *физическая недосыгаемость* места изоляции значительно повышает эффективность этой меры, делая минимальными шансы распространения идейного влияния или побега, особенно при усиленных мерах предосторожности. Например, переписка Бонапарта строго контролировалась, за узниками постоянно велась слежка, для охраны на остров был прислан отряд войск, а Наполеону и его приближенным строжайше запрещалось входить в контакт с населением острова. Однако из всех моральных страданий больше всего бывшего властелина Европы терзали праздность и бесцельность существования, что и в будущем станет неотъемлемой частью лагерной повседневной жизни.

Впрочем, ни арест англичан во Франции, ни заточение бывшего императора и его небольшой свиты ещё нельзя назвать полноценными примерами лагерей; но это был своеобразный опыт, на основании которого в дальнейшем развивалась технология массовой изоляции. В обоих случаях налицо: несомненный политический мотив; продуманная, хотя и не вполне развитая технология изолирования и контроля; превентивный характер принятых мер; особый режим в местах изоляции; её неопределенный срок; отсутствие у этих мер правовой и нормативной базы; доля импровизации. Всё это свидетельствует о том, что именно в наследии Французской революции следует искать модель позднейших лагерей. Дальнейшее развитие, в ходе которого это явление стало приобретать знакомые нам очертания, происходило во второй половине XIX в., преимущественно в период колониальных войн.

Для начала посмотрим на события на территории, где экспансия европейской системы ценностей достигла самых крупных успехов, — а именно в Америке. И хотя здесь не было лагерей в сегодняшнем понимании, процесс постепенного вытеснения и *изоляции* индейских племен дает занимательный материал для изучения фактов и техники навязывания чуждых идей массе, которая этому сопротивляется. Согласно *Энциклопедии Британника*⁸⁶, первые попытки создания некоего подобия резерваций для индейского населения делали ещё испанцы в XVI в. в Южной Америке, переселяя жителей из их разбросанных деревень в устроенные и удобно расположенные центры с целью массового крещения и изменения образа жизни индейцев. Эксперимент не удался, поскольку индейцы упорно скрывались в неприступных местностях своей страны.

В Северной Америке события развивались по-иному, их великолепно описал Алексис де Токвиль: «В то время как дикари сами пытались цивилизоваться,

⁸⁶ Britannica. Vol. 12: Hydrozoa — Jeremy. 1963. P. 207.

европейцы продолжали окружать их со всех сторон и сгонять во все более сжимающиеся границы... Индейцы проиграли в состязании, до которого не доросли. Их *изолировали* в собственной стране, а их раса свелась к маленькой колонии надоедливых чужаков среди многочисленного доминирующего народа»⁸⁷. Помимо индейских резерваций, имелись и другие примеры обращения с коренным населением Нового Света, опыт которых мог послужить впоследствии при столкновении с проблемой инородных масс. В середине 1760-х гг. «лорд Джеффри Эмхерст, вошедший в историю как изобретатель методов современной биологической войны, приказал: «Заразите индейцев простынями, на которых лежали больные черной оспой, или как-нибудь по-другому, лишь бы истребить эту проклятую расу»⁸⁸. Слияние подобных идей с развитой технологией массовой изоляции впоследствии воплотится в то, что сегодня именуют концентрационным лагерем, то есть лагерем истребления.

И все же самый важный опыт такого рода Америка приобрела во время гражданской войны (1861–1865 гг.), когда там было организовано не менее 42 лагерей для военнопленных, 9 из которых находились на островах, а особенно много их располагалось в штате Нью-Йорк⁸⁹. В них погибло около 56 тыс. узников, а в лагерях Эльмира (Союза) и Андерсонвилль (Конфедерации) смертность была самая высокая: 24% и 30%⁹⁰. Андерсонвилль стал синонимом беспощадности воюющих сторон. Самые ранние снимки живых заключенных, истощенных до скелетообразного состояния, судя по всему, сделаны именно там в 1864 или 1865 гг. Начальник лагеря Генри Виртц после окончания войны был предан суду и повешен, это тоже первый случай в истории. Он был на проигравшей войну стороне.

Следующий пример — Куба: в 1890-е гг. там создателем лагеря был испанский генерал и губернатор острова Валериано Вейлер-и-Николау⁹¹, присланный на Кубу для подавления антииспанского освободительного движения. Основной залог успеха он видел в том, чтобы отрезать партизан от мирного населения, поэтому декретом от 21 октября 1896 г. он приказал согнать (сконцентрировать) народ из деревень в особые огороженные поселения,

⁸⁷ Britannica. Vol. 12. P. 208 (курсив автора). Данная цитата в издании 1995 г. (Britannica 2.0 CD ROM) отличается от аналогичной в издании 1963 г., так как в ней отсутствуют первые восемь слов, вероятно, из-за на сегодняшний день «политически некорректного» — «дикари».

⁸⁸ *Rajt, Ronald*. Oteti kontinenti. Severna i Južna Amerika videne očima Asteka, Maja, Čerokija i Irokeza. Beograd, 1995. S. 129–130.

⁸⁹ *Cortney, Richard*. Civil War Information // www3.netdoor.com/~52rcourt/civil.htm; а также: Civil War prisons in New York State // <http://pages.prodigy.com/WNUW97A/html1.htm>.

⁹⁰ Conditions at Andersonville Prison // www.cr.nps.gov/seac/histback.htm.

⁹¹ Вейлер, вероятно, был прусского происхождения. За свои методы борьбы прозван «Мясником» (The Butcher). См.: Kaminski, Andrzej. Konzentrationslager 1896 bis heute. Eine Analyse. Stuttgart, 1982. S. 34, 35.

охраняемые испанскими войсками. Для обозначения этой акции использовался термин *reconcentrado*⁹², тем самым вошедший в употребление. Дословно он переводится как *вновь сконцентрировать*, но впоследствии префикс *re* был утрачен и возникло зловещее словосочетание *концентрационный лагерь*. Таким образом, можно точно установить время возникновения термина, чего нельзя сказать о возникновении идеи и зарождении технологии массовой изоляции, которые, как сказано выше, уходят корнями в более отдалённые времена. В научной литературе приводятся следующие данные: «В конце 1897 г. более половины населения пригорода Гаваны, 101 тыс. человек, помещённых в концентрационные зоны, умерло»⁹³. Следовательно, интернированию подверглось, по меньшей мере, 200 тыс. человек. Согласно информации с сайта библиотеки Конгресса в Вашингтоне⁹⁴, речь шла о более чем 300 тыс. переселённых мирных граждан, 30% которых погибло от нехватки пищи, лекарств и из-за антисанитарных условий, а Анджей Камински сообщает даже о 400 тыс. человек⁹⁵. Все эти чрезвычайно суровые меры губернатора возымели противоположный эффект, а Соединённые Штаты, воспользовавшись сложившейся ситуацией, в 1898 г. не только отняли у Испании Кубу, но и лишили её важных стратегических пунктов — Гуам, Пуэрто-Рико и Филиппины.

Во время Англо-бурской войны (1899–1902) в известной мере повторилась кубинская история: империалистическая держава, пытаясь сломить местное партизанское движение, применила тактику массовой изоляции мирного населения. В основном это касалось голландских поселенцев, буров, сопротивлявшихся притязаниям британской короны на их земли. Главнокомандующий британскими войсками лорд Китченер, как и генерал Вейлер, основой успеха считал разделение партизан и мирного населения, чьи фермы и урожай немилосердно уничтожались. В организованных лагерях быстро распространились голод, грязь и болезни, приведшие к росту смертности. Особенно свирепствовала ветряная оспа — в пик эпидемии в октябре 1901 г. в некоторых лагерях умерло до 40% заключённых. Согласно имеющимся документам, было создано около 50 лагерей, в которых было интернировано порядка 156 тыс. человек. Погибло 27927 человек, из них 22074 — дети⁹⁶. В тех же лагерях погибли и ты-

⁹² Это выражение на испанском языке: Maurois, André. *Povijest Sjedinjenih Američkih Država 1492–1954*. Zagreb, 1960. S. 376. На сайте библиотеки Конгресса в Вашингтоне в статье «General Valeriano Weyler» оно упоминается как *reconcentration camps*: <http://lcweb.loc.gov/r/hispanic/1898/weyler.html>. О специфических проблемах, связанных с партизанской войной, см.: Hobsbawm, Eric. *Vietnam and Dynamic of Guerrilla War // Revolutionaries*. L., 1999. P. 195–211.

⁹³ *Nevins, Alen*. Komadžer, Henri Stil. *Istorija Američkih Država*. Subotica, 1953. S. 286.

⁹⁴ General Valeriano Weyler // <http://lcweb.loc.gov/r/hispanic/1898/weyler.html>.

⁹⁵ *A. Kaminski*. *Konzentrationslager*. S. 34.

⁹⁶ The Concentration Camps — South African War Virtual Library // <http://www.uq.net.au/>.

сочи чернокожих мужчин, женщин и детей. По-видимому, этот факт мало кого интересовал, так как из всех работ, перечисленных в нашей библиографии, он упомянут только в энциклопедии *Microsoft Encarta* 97⁹⁷. В качестве наиболее вероятного места расположения одного из этих лагерей вновь фигурирует о. Св. Елены⁹⁸, где содержались пленные участники бурского сопротивления.

Вскоре после Бурской войны в немецкой Юго-западной Африке вспыхнуло крупное восстание коренного населения (готтентотских племен) против немецких переселенцев. Война продолжалась с 1904 г. по 1907 г., и немцы одержали верх только благодаря применению крайне жестоких мер, включавших заключение в лагерь, виселицы, голод и другие способы истребления. В этом особенно преуспел генерал Лотар фон Трота, который свел племя гереро к 10% от его довоенной численности. Племя нама сократилось до одной трети, чему в частности способствовали и бытовые условия в лагере, куда поместили людей из этого племени⁹⁹.

Эта фаза лагерной практики завершилась с началом Первой мировой войны, во время которой по обе стороны линии фронта создавались и быстро заполнялись большие лагеря военнопленных. В совокупности у воюющих сторон насчитывалось 7750919 пленных и пропавших без вести солдат и офицеров¹⁰⁰. Такое количество неприятельских военных в собственном тылу представляло скрытую угрозу, заставлявшую воюющие стороны тщательно продумывать меры для контроля над ними и осуществлять их со всей строгостью. По мере приближения военных действий к концу экономическая ситуация повсюду стремительно ухудшалась, что особенно сказывалось на положении пленных, статус которых хотя и регламентировался международным правом, но всё же в отношении социальной защиты о них думали в последнюю очередь. Впрочем, их моральное и физическое истощение можно рассматривать и как меру безопасности, ведь такое состояние подрывает физические силы и ломает боевой дух. Однако для нашего исследования интереснее другой тип лагерей.

Вторая фаза: изоляция собственного населения

То, что испанцы, американцы, британцы и немцы проделывали с населением далёких стран, всё же было отношением к чужому народу¹⁰¹. Переселенцы издревле становились *corpus separatum* среди коренного народа. Между

⁹⁷ См.: Boer War // Microsoft Encarta 97 Encyclopedia. 1997 (CD ROM).

⁹⁸ *Девет, Кристијан*. Бурски рат 1899–1902. Београд, 1903. С. 329.

⁹⁹ Southern Africa. The German Conquest // Britannica CD.

¹⁰⁰ The First World War, Statistics // www.spartacus.schoolnet.co.uk/WWdeaths.htm.

¹⁰¹ Помимо вышеприведенных, существовали и французские, бельгийские и голландские лагеря на территории колоний, но в использованной литературе других сведений о них нет. О них упоминает только «Большая советская энциклопедия» (Т. 22. М., 1953. С. 499).

тем некоторые государства по определенным причинам начали практиковать массовую изоляцию по отношению к собственным гражданам¹⁰². Это существенная перемена, и, несомненно, она означала дальнейший виток развития исследуемого явления, поэтому на историю практики изоляции своих граждан следует обратить особое внимание.

По-видимому, впервые лагеря были применены для решения внутренних проблем Габсбургской монархией, в первую очередь для борьбы с губительным для неё национализмом. Сначала под удар попала интеллигенция славянских и романских народов, проживавших на территории империи, а в некоторых случаях, как это произошло с сербами, изоляции подверглась и значительная часть населения. Сербы преследовались особенно сурово, так как считалось, что именно их национальные притязания положили начало жизненно важной проблемы Дуалистической монархии: «Взбешённые дерзким вызовом их устоям, габсбургские государственные деятели потеряли способность балансировать и маневрировать — Сербия стала для них наваждением, как некогда Италия, и с каждым своим шагом они попадали во всё более затруднительное положение»¹⁰³. Видимо, после сараевского покушения весь сербский народ стал в глазах одних коллективным символом протеста против опустыленной империи, в глазах других — рассадником бунтарства. Это повлекло за собой многочисленные последствия, среди которых была и плановая массовая изоляция: «Об эвакуации населения изо всех приграничных территорий Австро-Венгрии размышляли и ранее, поскольку в августе 1914 г. вышел императорский декрет об оказании помощи, размещении и удерживании на месте эвакуированных... Декрет об эвакуированных являлся небольшим фрагментом общего военного плана империи, так как на всех её границах проживали национальные меньшинства из тех народов, с которыми ей предстояло военное столкновение»¹⁰⁴.

Трудно назвать точное количество мирных граждан, прошедших через имперские лагеря, и сколько среди них было сербов, поскольку в науке этот вопрос не разрешён окончательно. Полагают, что свыше 100 тыс. сербов по-

¹⁰² Выражение «собственные (свои) граждане» следует понимать условно, поскольку здесь скрывается психологический маневр, без которого проведение массовой изоляции, возможно, потеряло бы всякий смысл: тот, кто осуществляет массовую изоляцию, изолируемую часть населения больше не считает своей, хотя недавно эти люди таковыми являлись. Употребление выражения «свои граждане» соответствует критерию, имевшему силу до и после введения нового принципа деления на «наши» и «не наши».

¹⁰³ Taylor, Alan. *Habsburška Monarhija 1809–1918*. Zagreb, 1990. S. 283.

¹⁰⁴ *Defrančeski, Joso*. С. i kr. ratni logori 1914–1918. Osijek, 1937. Интересно то, что на страницах своей книги автор старательно избегает слова «сербы». Он пытается нарисовать картину, согласно которой сербов не только не заключали в лагеря массово и без разбору, но будто бы они вообще не существовали! В качестве узников упоминаются хорваты, словенцы, украинцы и таинственное «приграничное население» (S. 60–66).

гибло в разных лагерях в Германии и Австро-Венгрии¹⁰⁵. Общее число всех заключённых могло быть значительно больше¹⁰⁶. Кроме того, после оккупации Сербии проводилось массовое интернирование её граждан как в Империю, так и в Болгарию. В этих лагерях была зафиксирована первая известная нам попытка перевоспитания заключённых детей¹⁰⁷. Хотя количество узников само по себе является важным обстоятельством, для нас сейчас важнее выявить фазы развития этого явления, нежели подробно описывать конкретные примеры.

В тот момент политический смысл лагерей выдвинулся на первый план, что вскоре почувствовалось и за пределами Австро-Венгрии. Так, во время Первой мировой войны англичане интернировали немцев, имевших британское гражданство, предварительно лишив их его¹⁰⁸. 10 августа 1914 г. олимпийский комплекс в Лондоне был превращён в концентрационный лагерь, первыми обитателями которого были триста немцев, подозреваемых в шпионаже. Это первый пример использования спортивных объектов в подобных целях¹⁰⁹.

Особый вид лагерей представляли собой лагеря, которые Австро-Венгрия организовала специально для своих военнослужащих, возвращавшихся из русского плена в течение 1918 г.: «Вдоль границы Австро-Венгрии с Советской Россией были основаны особые лагеря и приёмные пункты, в которых бывшие пленники в течение двадцати пяти дней проходили «моральную и санитарную обработку», затем их делили на категории по степени «опасности», заносили их имена в картотеку и брали под постоянный надзор полиции»¹¹⁰. Именно эту модель переняли в Королевстве СХС по отношению к возвращающимся из России, поэтому система политических лагерей, которым посвящена данная монография, была не чем иным, как продолжением практики, детально разработанной и успешно применявшейся в Австро-Венгрии, причём зачастую в тех же самых местах (Субботица, Петроварадин, Белград, Мостар и Марибор).

Известно, что в России и до прихода к власти большевиков существовала практика изоляции политических противников в отдалённых районах

¹⁰⁵ *Станковић, Ђорђе*. Велика историјска превара // Изазов нове историје. 2. Београд, 1994. С. 237.

¹⁰⁶ Иногда число узников неоправданно занижается. В *Enciklopedija Slovenije* (Т. 4. Ljubljana, 1990. С. 164) говорится, что Австро-Венгрия «интернировала около 10 тыс. политически неблагонадежных граждан» (то есть не только словенцев, но и граждан других национальностей). Об источнике сведений не сообщается.

¹⁰⁷ В Браунау-на-Инне в Австрии существовала Сербская школа для заключённых детей, её директор обер-лейтенант Юлий Помпей «сразу же запретил преподавание сербской истории, за исключением тех моментов, где сербы подвергались унижению. Основным языком преподавания был хорватский, а со второго класса немецкий» (Станковић, Ђорђе. *Изум Немаца* — логор за српску децу // Изазов. I. С. 174.

¹⁰⁸ *Vojna*. S. 630.

¹⁰⁹ *London's Olimpia to be concentration camp // Chronicle of the 20th century*» (DK Multimedia). Dorling Kindersley, 1996 (CD ROM).

¹¹⁰ История Югославии. С. 22.

и столичных тюрьмах. Хотя нельзя отождествлять меры изоляции до и после революции, они, по крайней мере, выражают непрерывность опыта. Меры изоляции при царском режиме никогда не принимали массового характера и не отличались крайностями, что стало свойственно лагерям советского времени, но и до революции отдельных лиц из-за их политических позиций и распространяемых ими идей стремились держать подальше от основного населения. Массовую изоляцию определённых категорий собственных граждан в России стал осуществлять Ленин и его последователи с момента своего прихода к власти. В литературе встречается мнение, что большевики были изобретателями этого инструмента репрессий, что «жуткая слава, которой овеваны гитлеровские концлагеря, не должна затмевать приоритет советского государства», и что термин «концлагерь» первым употребил Л. Троцкий 4 июня 1918 г.¹¹¹. Происхождение этого термина, как сказано выше, относится к более раннему периоду, а в момент, когда его употребил Троцкий, он был общепринятым обозначением лагерей для военнопленных и мирного населения в разных странах, охваченных Первой мировой войной. Создаётся впечатление, что два грандиозных по масштабам и крайних по методам примера массовой изоляции — большевистская и нацистская — затмевают для исследователей все остальные, как будто в других точках земного шара такого никогда не существовало. Хотя, конечно, сопоставление сталинизма и гитлеризма не лишено оснований, ведь Гитлер учился у Ленина и Сталина¹¹².

Главным вдохновителем создания большевистской системы лагерей была коммунистическая партия, а главным исполнителем её замыслов — политическая полиция (ВЧК и её преемники). Как указывает ряд авторов, первый лагерь находился на Соловецких островах в Белом море, он был учрежден 15 апреля 1919 г. декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета за подписью М. И. Калинина. 17 мая 1919 г. этот декрет был дополнен, с того момента каждая из девяносто семи губерний должна была иметь по одному лагерю, а порой и более¹¹³. По другим источникам, уже летом 1918 г. Ленин и Троцкий приказывали заключать политических противников в «концентрационные лагеря»¹¹⁴. Вероятно, декрет 1919 г. представлял собой неуклюжее формально-правовое прикрытие существовавшей практики. Это был зачаток системы, печально и широко известной как ГУЛАГ (Главное Управление Лагерей), порожденной идеей о том, что преступников следует не наказывать,

¹¹¹ Геллер, Михаил; Некрич, Александр. Утопия на власти. Историја Совјетског Савеза. Подгорица, 2000. С. 55.

¹¹² Там же. С. 53.

¹¹³ Яковлев, Борис. Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1955. С. 27, 28, 178, 179; Solonjević, Ivan. Rusija i konclogori. Zagreb, 1937; Forced labour camps. On-line exhibition // www.osa.ceu.hu/gulag/index.html.

¹¹⁴ М. Геллер, А. Некрич. Утопия на власти. С. 55.

а перевоспитывать. Теоретически эта идея базировалась на понимании Лениным применения силы в политике, а практическим её воплощением была диктатура коммунистической партии, которая при помощи ВЧК соединила в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть, проводя её при помощи террора.

Хотя от самой идеи до её осуществления пролегал долгий путь и она подвергалась различным модификациям, всегда сохранялась главная цель создания лагерей — предотвращение и устрашение. Без угрозы заключения и взятия семей в заложники вряд ли Троцкому удалось бы заставить царских офицеров вступить в ряды Красной Армии в качестве «специалистов»¹¹⁵. Как бы то ни было, мотивы обычно были политическими, а жертвы — разнообразными: в 1918 г. царские офицеры и другие противники революции, «саботажники» и «неблагонадежные», начиная с 1919 г. пленные гражданской войны, царские чиновники, дворяне и священнослужители, националисты, внутрипартийные оппоненты, представители интеллигенции; после 1921 г. — «нэпманы»; после 1924 г. — «кулаки»; в 1930-е гг. — «чуждый элемент» (бродяги, проститутки и т. д.); с началом Второй мировой войны к перечисленным категориям добавились военнопленные, в 1943 г. — «пособники оккупантов», вернувшиеся из плена, и др. Список самых различных категорий своих и иностранных граждан, поглощаемых ГУЛАГом, рос в арифметической прогрессии, количество лагерников исчислялось теперь не сотнями тысяч, а миллионами¹¹⁶, а первоначальная цель обеспечения безопасности и перевоспитания сменилась целью репрессии и эксплуатации. В этой кошмарной паутине жертвами становились и те, кто сплёл её, в соответствии с теорией, изобретённой ещё Нечаевым, согласно которой «во имя единства организации революционеров как главного рычага революции оправдано физическое уничтожение и представителей организации»¹¹⁷. Разумеется, не все лагерники были одинаковы. Сказанное Артуром Кестлером по поводу жертв московских процессов касается и других жертв ГУЛАГа из числа большевиков: «Они накрепко опутаны сетью, ими самими сплетённой из нитей их извращённой логики и извращённой этики, они все были виновны, хотя и не в том, в чём их обвиняли»¹¹⁸.

¹¹⁵ М. Геллер, А. Некрич. Утопия на власти. С. 70.

¹¹⁶ Считается, что в советских лагерях погибло около 12 млн. человек (Koncentracijsko taborišče // Enciklopedija Slovenije. T. 5. Ljubljana, 1991. S. 240–241). (Это устаревшие оценки. По современным данным, число умерших и убитых в советских лагерях при Сталине оценивается примерно в 2,5 млн человек (1,5 млн заключённых и 1 млн военнопленных). В их число, однако, не входит около 1 млн человек, расстрелянных в СССР в ходе «Большого террора» 1930-х в тюрьмах, вне лагерей. — Прим. редактора).

¹¹⁷ Перовић, Латинка. Историја и историчар // Шчогаљев, Пјотр. Алексејевски равелин. Књига о паду и величини човека. Београд, 1997. С. 8.

¹¹⁸ Koestler, Arthur. Pomračenje o podne. Zagreb, 1972. S. 213.

В межвоенный период, помимо всем известных советских лагерей, в европейских странах существовали и другие лагеря для политических противников. Италия, не считая многочисленных лагерей для военнопленных, сразу по окончании Первой мировой войны провела массовую изоляцию словенцев, хорватов и сербов с оккупированных территорий на восточном побережье Адриатики. Это были уважаемые граждане, действительные или потенциальные вожди национального единения и сопротивления итальянской экспансии на Балканах, которых итальянская армия *превентивно* арестовала и интернировала с началом оккупации этих территорий. Посол Королевства СХС в Риме Б. Антониевич, возмущённый этим, 17 мая 1919 г. писал в Париж Николе Пашичу: «Мы стали свидетелями беспрецедентного в Европе зрелища: после окончания войны интернируют лучших представителей народа дружественной страны и граждан этой новой и дружественной страны содержат как вражеских пленных»¹¹⁹. Под лагеря отводились разные места, включая и острова в Тирренском море, где ещё во время войны содержались пленные¹²⁰. Этот опыт очень пригодился фашистам после их прихода к власти. Начиная с 1923 г. они тоже использовали пустынные острова для интернирования своих соотечественников — политических противников¹²¹.

Ещё одну систему лагерей в Европе создали нацисты сразу после прихода к власти в 1933 г. для своих политических противников и тех элементов немецкого общества, кого они считали неблагонадёжными и вредными. Первоначально было организовано шесть лагерей, затем их количество постепенно росло, и в годы войны только на территории Германии их насчитывалось тринадцать. Некоторые из них превратились в крупные лагерные комплексы с десятками отделений на территории других стран. Так, у Бухенвальда было более 174 «филиалов». Помимо того, что практика лагерей процветала в самом Рейхе, в оккупированных странах тоже создавались сети лагерей. Некоторые из них также представляли собой огромные комплексы с многочисленными отделениями и десятками тысяч узников¹²². Однако истинное значение этой сети заключается не в её разветвлённости — она обладала и неким качественным отличием.

¹¹⁹ АЈ. Ф-336. Ф-62. Дос. VII. № 1933. 3: Б. Антонијевић Николи Пашићу 17. маја 1919, са Пов. № 374.

¹²⁰ На острове Асинара близ Сардинии содержались пленные австро-венгерские солдаты и офицеры, переданные Италии Сербией (Hrabak, Bogumil. Jugosloveni zarobljenici u Italiji i njihovo dobrovoljačko pitanje 1915–1918. Novi Sad, 1980. S. 46, 47).

¹²¹ Интересен тот факт, что словарь-справочник Meyers (С. 192) категорически утверждает об отсутствии лагерей в фашистской Италии. Здесь, вероятно, сказалось последствие принятого стереотипа считать лагерями только лагеря смерти.

¹²² *Chatel, Vincent; Ferree, Chuck. The Forgotten Camps // www.2.3dresearch.com.*

Но прежде чем коснуться этой темы, стоит упомянуть лагеря, возникшие после гражданской войны в Испании и функционировавшие там вплоть до Второй мировой войны. Их организовывали по обе стороны Пиреней: во Франции — для испанских беженцев и переметнувшихся участников интербригад и в самой Испании — для испанцев, противников режима Франко. Через испанские лагеря и тюрьмы прошло около 1 млн человек, причем как места изоляции снова использовали спортивные объекты (арены и стадионы), а режим там был значительно строже, чем во французских лагерях¹²³. Во Франции в лагерях Аржеле, Сен-Сиприен, Жир и Верне содержалось около 500 тыс. иностранных граждан, военнослужащих и из мирного населения, в основном испанцев и интербригадцев, среди которых было около 500 граждан Югославии. Помимо французских жандармов, охраняли заключённых и темнокожие сенегальские стрелки, и живописно одетые марокканские конники. Некоторые из этих лагерей на песчаных пляжах Средиземного моря использовали потом и пронацистский режим маршала Петена во Франции, и нацистская Германия.

Лагерь для мирного населения появились и в Британии, правительство которой в 1939 г. приняло *Defense Regulation 18B*, согласно которому потенциально нелояльные граждане и беженцы из неприятельских государств подлежали интернированию в лагеря¹²⁴. По другую сторону Атлантики, в Соединенных Штатах Америки, после японского налета на Перл Харбор указом президента Рузвельта (*Executive Orders No. 9066 and 9102*) было интернировано около 110 тыс. японцев. Это были граждане США всех возрастов и обоих полов, рождённые на Западном побережье Америки или на Гавайях и рассматриваемые как потенциальная пятая колонна¹²⁵.

Начало Второй мировой войны привело к новой эскалации института интернирования, прежде всего в количественном отношении, поскольку колоссальную массу военнопленных надо было где-то содержать, а также ужесточило лагерный режим.

Третья фаза: лагеря уничтожения

Следующий этап в развитии явления массовой изоляции — создание особого вида лагерей, известных под шокирующими названиями «фабрики смерти» и «мельницы для перемалывания костей»¹²⁶. Речь идёт о лагерях унич-

¹²³ Begović, *Vlajko*. Španija i frankizam. Beograd, 1977. S. 177, 178.

¹²⁴ Concentration camp // Encarta CD.

¹²⁵ Encarta CD; Nisei i San Francisco // Britannica CD, а также: Michalowski, Marc, America's Concentration Camps // www.ionaprep.pvt.k12.ny/projects/intrnmnt/about.htm.

¹²⁶ Kogon, *Eugen*. Država SS-a. Sistem njemačkih koncentracionih logora. Zagreb, 1982. S. 34.

тожения, целью которых было истребление определенных категорий населения, а идея их создания вытекала из нацистской доктрины о превосходстве арийской расы. Эти лагеря представляют собой своего рода кульминацию практики массовой изоляции, а также использования индустриальных и технологических достижений в период, отмеченный началом индустриальной революции. Ранее лагеря не были *целенаправленно* предназначены для истребления, хотя нередко именно это и случалось. Но целью их создания были отделение, изоляция, а в некоторых случаях даже перевоспитание. Появление лагерей смерти — следствие влияния на политику расистской теории, которая в силу биологического подхода не предполагала возможности перевоспитания и не могла быть сведена к простой изоляции, как случалось при политике, исходившей из экономических и социальных идей.

Решение о массовом уничтожении людей (прежде всего евреев) нацисты приняли в мае 1941 г., а в конце того же года основали первые лагеря смерти, с этого момента следует отсчитывать начало рассматриваемого явления¹²⁷. Хотя нацистские лагеря существовали с 1933 г., в течение первых восьми лет систематическое истребление людей там не практиковалось. Имелось шесть лагерей, нацеленных на истребление, — это особые отделения лагерного комплекса в Аушвице, Белзеце, Хелмно, Майданеке, Собиборе и Трешлинке. К ним можно добавить некоторые лагеря в Независимом Государстве Хорватии (НГХ), прежде всего Ясеновац, хотя эти лагеря усташей были совсем не на том технологическом уровне. Количество узников теперь исчислялось не сотнями тысяч, а миллионами, как и число умерщвленных. По некоторым оценкам, нацистские лагеря унесли от 6 до 8 млн жизней¹²⁸. Через них прошло от 10 до 12 млн человек. Точные цифры мы, вероятно, никогда не узнаем. Для нашего анализа существенно то, что в развитии явления произошёл ещё один качественно важный шаг.

Любопытно, что места и объекты, которые использовали нацисты, пригодились и освободителям. Бухенвальд и Заксенхаузен под общим названием «*Специальный лагерь*» с 1945 по 1950 гг. использовало МВД СССР: они являлись местом изоляции гражданских заключенных¹²⁹. Вместе с распространением

¹²⁷ *Kalvokorezi, Piter i Vint*. GAJ. Totalni rat. Beograd, 1987. S. 190, 193. В данном случае, со всеми оговорками, которых требует недостаточно исследованная тема, возникает вопрос: действительно ли хронологически нацисты были первыми, поскольку первые убийства сербов усташами происходили ещё в апреле 1941 г., а лагеря Ясеновац и Стара Градишка были организованы уже в течение лета 1941 г. См.: *Petranović, Branko*. Srbija u drugom svetskom ratu. Beograd, 1992. S. 126, 127.

¹²⁸ *Koncentracijsko taborišče* // Enciklopedija Slovenije. T. 5. Ljubljana, 1991. S. 240–241.

¹²⁹ Brockhaus. В. 12. S. 346. Этот факт не упоминается в остальной использованной литературе. (Однако более специальной современной литературе по истории принудительного труда в СССР и на территории его спутников такие факты хорошо известны. — Прим. ред.)

своего влияния на страны Восточной Европы Советский Союз перенес сюда свои средства и методы подавления политических противников и тех слоев населения, которые считались неблагонадежными. В каждом из государственных лагерей существовал собственный ГУЛАГ, меньший по числу лагерей и узников, но идентичный по сути и способам функционирования¹³⁰. Иногда эти лагеря обсуждались югославской печатью, которая однажды обвинила социалистический режим в Венгрии в том, что в тамошних лагерях (некоторые из них сохранились ещё со времён режима Хорти) изолированы представители югославских национальных меньшинств. Полагают, что в 1951 г. в этих лагерях содержали около 450 тыс. заключенных и эксплуатировали их физический труд¹³¹. В других социалистических странах происходило то же самое, однако феномен этих лагерей до сих пор не имеет достойной историографии. Темой лагерей в основном занимались бывшие узники после падения «железного занавеса»¹³².

Известно, что в Греции в 1940-е гг. во время и после гражданской войны действовали многочисленные лагеря для коммунистов, самый большой находился на о. Макронисос¹³³. Также известно, что 23 сентября 1950 г. Конгресс США принял Акт МакКарена (McCarran Internal Security Act), который в целях защиты от происков тоталитарной диктатуры предусматривал изоляцию лиц, опасных для национального спокойствия (прежде всего коммунистов)¹³⁴. Американцами были созданы и многочисленные лагеря в Корее во время войны 1950–1953 гг. Англичане организовывали лагеря в Кении в 1950-е гг., а французы, начиная с 1957 г., в Алжире (так называемые «центры перегруппировки» — centres de regroupement). В 1960-е гг. действовали индонезийские лагеря для оппонентов режима, а также греческие в 1967–1974 гг. для против-

¹³⁰ Forced labour camps. On-line exhibition // Open society archives: www.osa.ccu.hu/gulag/index.html.

¹³¹ F. Š. Konc-logori u Madžarskoj // Vjesnik Narodnog fronta Hrvatske. 2124. 3. XII. 1952. S. 3. Но все же советские лагеря были основной мишенью югославской печати: J. P. Miljuni iza žice // Vjesnik NFH. 1996. 5. X. 1951. S. 5; Palavršić, Joško. Aparat sile protiv naroda // Vjesnik NFH. 2008. 19. X. 1951. S. 4; Goldstein, Slavko. 'Optužujem' jednog komuniste // Vjesnik NFH. 2021. 2. XI. 1951. S. 4; Brihta, Željko. Psi — vredniji od ljudi // Vjesnik NFH. 2021. 2. XI. 1951. S. 9. А в это же время в стороне от взоров общественности процветала сеть титовских лагерей.

¹³² См., например: Свидетели. Българският ГУЛАГ: Сборник от документални раскази за концлагерите в България. София, 1991. С другой стороны, в амбициозно задуманной публикации (България 20 век. Алманах. София, 1999), насчитывающей 1292 страницы, лагеря упоминаются только на одной — как «мрачная тайна отцов, о которой молодые поколения не хотят вспоминать»? (С. 433).

¹³³ Югославская печать тогда опубликовала карту с указанием местонахождения десяти «концентрационных и депортационных лагерей», располагавшихся на островах. См.: Anonim. Jedinice Demokratske armije na svim sektorima pojačavaju ofenzivnu djelatnost // Vjesnik NFH. 980. 28. VI. 1948. S. 2.

¹³⁴ Репрессивный и сегрегативный смысл документов не вызывает сомнений: Documents of American History. II/Ed. Commager, Henry Steele. New York, 1968. S. 555–562.

ников хунты. Во время и после войны во Вьетнаме (1960–1975) американцы и их вьетнамские союзники организовали многочисленные лагеря (так называемые исправительные центры) преимущественно для мирного населения, крупнейший лагерный комплекс располагался на архипелаге Пуло-Кондор (известен также под названием Кон Сон)¹³⁵. И в коммунистическом Китае в 1950–1970-е гг., и в Камбодже при режиме Красных кхмеров в 1975–1979 гг. был весьма распространён принудительный труд, что дает основание задуматься о наличии в этих странах в то время какого-то аналога лагерей. Лагеря были у военной хунты в Аргентине в 1970-е гг. и в Чили в 1973–1989 гг. После победы над режимом талибов в Афганистане в 2002 г. войска Соединённых Штатов поместили военнопленных в лагерь на своей базе в Гуантанамо, не признав при этом за ними статус военнопленных...

Дотошный исследователь дополнил бы этот список, но для понимания границ и контекста явления сказанного вполне достаточно. Сети лагерей избороздили практически всю планету, разрастаясь в пространстве и во времени, перекрывая одна другую и переходя по наследству от одного режима к другому. В последние пятьдесят лет лагеря сделались неперменным атрибутом горячих точек по всему миру. Количество жертв умножается, а механизмы в своей основе остаются старыми, хотя подчас лагерная практика обогащается каким-нибудь новым изыском. В этом отношении история Югославии не представляет исключения. Из 72 лет существования этого государства 21 год (то есть практически треть) функционировали лагеря. Краткий обзор сетей лагерей, действовавших на югославской территории, их взаимное сравнение, а также сопоставление с аналогами в других странах, будет весьма полезно для выявления особенностей тех из них, которые являются главной темой данной монографии.

ЛАГЕРЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГОСЛАВИИ (1918–1995)

Лагеря в Королевстве СХС появились в первой половине 1919 г. для изоляции граждан из областей, ранее принадлежавших Габсбургской монархии, и иностранцев. Речь шла о пресечении их политической деятельности, которая могла представлять угрозу интересам нового государства. Затем были организованы (некоторые на базе предшествующих) лагеря для бывших военнопленных из Италии и России, в основном в целях предотвращения влияния большевизма, они просуществовали с 1919 по 1922 гг. Эти два вида лагерей

¹³⁵ Politički zatvorenici, mučenja i represalije u Južnom Vjetnamu. Beograd, s. a. (1973?). S. 31, 52, 87. Через эти «исправительные центры», унаследованные от французских колониальных властей, прошло около миллиона человек.

являются основной темой нашего исследования, они и будут в центре внимания. Имелись в то время также так называемые комендатуры по делам военнопленных, однако нет достоверных сведений о лагерях военнопленных, за исключением неясного примера смедеревской крепости.

Следующая фаза в развитии лагерной практики на территории Югославии — это лагеря для не попавших в парламент политических противников: коммунистов, усташей, членов Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). Они действовали в 1939–конце 1940 г. в Лепоглаве, Билече, Вишеграде, Смедеревской Паланке, Керестинце, Меджуречье (около Иваньницы), Крушчице (около Травника) и Баратове (около Сребреницы). Эти лагеря возникли на основании «Указа о внесении изменений и дополнений в Закон о защите общественной безопасности и порядка в государстве», который 15 декабря 1939 г. приняло правительство Цветковича-Мачека после волны демонстраций, организованных коммунистами¹³⁶. Впрочем, на принятие решения о создании лагерей наверняка сильно повлияли и внешнеполитические обстоятельства, особенно начало Второй мировой войны¹³⁷. В то время коммунисты проводили решения Третьего Интернационала, в том числе о разделении Югославии, основным рычагом для этого должен был послужить нерешённый национальный вопрос. Усташская организация и ВМРО со своей стороны упорно и слаженно вели сепаратистскую деятельность, поэтому можно сказать, что главной причиной появления лагерей в Югославии стал застопорившийся национальный вопрос. Около пятисот югославских коммунистов, бывших интербригадцев, на тот момент все ещё томились во французских лагерях, а возвращавшиеся оттуда в Югославию снова оказывались за колючей проволокой. После расформирования этих лагерей приказом Министерства армии и флота от 11 октября 1940 г. из числа бывших заключённых были созданы военные отряды, в которых оружие имели только

¹³⁶ *Cvetković, Slavoljub*. Bilečki koncentracioni logor // Istorija XX.veka. 2. Beograd, 1961. S. 267–304. В тексте Указа (S. 272–273) выражение «концлагерь» отсутствует. Охотнее используется образная формулировка «пребывание в другом месте» и «проживание под надзором властей».

¹³⁷ Предыдущий председатель правительства Милан Стоядинович пришел к этой мысли ещё после Аншлуса и накануне Мюнхенского соглашения («сговора»). Во время своей поездки по Герцеговине и Черногории он писал министру внутренних дел Антону Корощу 14 сентября 1938 г.: «Ко мне поступили многочисленные жалобы о том, что белградская полиция высылает студентов-коммунистов и других коммунистов в места их рождения в Черногории, где они становятся ещё более яркими пропагандистами коммунизма и сеют эти идеи среди своей родни. По-моему, нам следует как-то по-другому образумливать коммунистов. Может, что-то наподобие политических лагерей в Германии, где коммунистам дают уроки по национальным предметам и используют их на физических работах, пока они не избавятся от своей ереси. Это только одна идея к размышлению» (А]. Ф-37; Ф-46. 669). В качестве образца Стоядинович не берёт лагеря изоляции, существовавшие в самой Югославии в начале 1920-х гг. Возможно, в его время о них забыли?

10% надежных бойцов. Таким способом контроль и изоляция продолжались до апреля 1941 г.¹³⁸.

После поражения Югославии в Апрельской войне оккупационные власти сажали в лагеря, помимо военнопленных, и большое число мирных граждан. Наиболее известны немецкие лагеря, часть их располагалась на территории Рейха, а часть — в оккупированных странах, включая Югославию. Главные лагеря этой системы на территории Сербии находились в Нише, Шабце, Великом Бечкереке, Панчево, на Баньнице и на белградской базарной площади (Саймиште), а назывались они «сборными», так как их первейшим предназначением был набор рабочей силы для отправки в лагеря в Германии и в другие области оккупированной Югославии. Лагерь в Саймиште занимал центральное место, поскольку служил связующим звеном между лагерями в оккупированной Сербии и сетью временных лагерей и сборных пунктов, которую Рейх развернул на территории НГХ, в Добое, Костайнице, Босанской Крупе, Санском Мосту, Приедоре, Травнике, Сисаке, Зенице, Завалье, Бихаче, Босанском Новом, Банье Луке, Любушком, Руме, Винковцах, Янкомире, Славонском Броде и Осиеке¹³⁹. Несколько лагерей было организовано в Словении (в Шентвиде, Горичанах, Мариборе и Любене), в них сгоняли словенцев перед переселением в Сербию и НГХ¹⁴⁰. Изю всех немецких лагерей на территории Югославии больше всего похож на лагерь смерти Саймиште, так как в нём происходили массовые истребления политических противников, заложников и расовых изгоев (евреев и цыган).

Существовали также многочисленные итальянские, венгерские и болгарские лагеря. Только у Италии насчитывалось около двухсот лагерей как на собственной территории, так и на территории Югославии и Албании, в них, помимо прочих узников, содержалось около 150 тыс. интернированных из Югославии¹⁴¹. Для размещения лагерей использовались острова в Адриатическом море: Раб, Молат, Зларин, Вир, Лапад, Олиб, Муртер и Мамула, а также Липарские острова в Тирренском море. Венгерские лагеря для сербов и евреев в Бачке и Баранье находились в Новом Саде, Субботице, Сенте, Сомборе, Бечее, Бачкой Тополе, Аде, Старом Врбасе, Оджацах, Белом Манастире,

¹³⁸ *Vojna*. S. 627, 628; S. Cvetković. *Bilećki logor*. S. 302.

¹³⁹ Сколько всего было лагерей, сейчас трудно сказать, однако только в Боре и окрестностях до лета 1942 г. действовало 33 трудовых лагеря: Колянин, Милан. Немачки логори у окупационон систему у Југославији (1941–1944) // *Други свјетски рат — 50 година касније*. Подгорица, 1997. С. 269–288.

¹⁴⁰ *Živković, Nikola*. *Jugosloveni u fašističkim logorima u Drugom svetskom ratu* // *Vojno-istorijski glasnik*. 1. 1995. S. 182, 183.

¹⁴¹ *Vojna*. S. 629. По другим данным, в 195 лагерях на территории Италии содержалось 98703 мужчин, женщин и детей, граждан Югославии. См.: Zečević, Miodrag; Popović, Jovan. *Dokumenti iz istorije Jugoslavije: Državna komisija za utvrđivanje zločina kupatora i njihovih pomagača iz Drugog svetskog rata*. Beograd, 1996. S. 80.

Визиче и Бегече. Интернирование осуществлялось и в Венгрии в Шарваре, Сегедине, Джере, Надж Каньиче и Бачалмаше¹⁴². Лагерь в Шарваре примечателен тем, что располагался на заброшенной фабрике, использовавшейся для содержания русских военнопленных во время Первой мировой войны, а с 1939 до июня 1941 г. — для заключения около 3 тыс. польских военнослужащих, интернированных в Венгрии после раздела Польши между Германией и СССР¹⁴³. У болгар тоже были лагеря — два в оккупированных областях Югославии недалеко от Скопье (близ крепости Кале и в здании бывшей Государственной монополии), остальные — на собственной территории (крупнейший из них Гонда Вода близ Асеновграда)¹⁴⁴. Ни один из этих лагерей не относился к типу лагерей смерти, хотя все три страны стремились перекрыть существующие национальные пропорции в оккупированных областях. Наибольшее число людей погибло в лагерях Независимого Государства Хорватии (НГХ).

Среди первых лагерей в НГХ следует назвать Лепоглаву, Керстинец и Крушчицу, места расположения которых были унаследованы от Королевства¹⁴⁵. В общей сложности известно о существовании 21 усташского лагеря, причем Ясеновац являлся лагерным комплексом, состоявшим из пяти лагерей. Эти лагеря открыли новую страницу лагерной практики на территории Югославии: там впервые началось истребление людей¹⁴⁶. И хотя лагеря возникли в обстановке оккупации и геноцид происходил под нацистским влиянием, не следует забывать и о самостоятельной хорватской расистской теории, уходящей корнями в XIX век. Усташские лагеря недостаточно исследованы, помимо вопроса об общем числе жертв требует проверки предположение, что усташки опередили нацистов и начали истребление узников на несколько месяцев раньше¹⁴⁷. О самых ранних усташских лагерях — Ядовно, Сланом и Метайне на Паре, действовавших в первой половине 1941 г., — известно слишком мало, чтобы однозначно отнести их к лагерям смерти, однако есть свидетельства, что узников

¹⁴² Vojna. S. 629; Koljanin, Milan. Holokaust u Jugoslaviji (1941-1944) // Jugoslovenski istorijski časopis. 1–2. 1996. S. 111–122; N. Živković. Fašistički logori. S. 191, 192.

¹⁴³ M. Zečević, J. Popović. Dokumenti. S. 107.

¹⁴⁴ Vojna. S. 629; M. Koljanin. Holokaust. S. 111–122; N. Živković. Fašistički logori. S. 191, 192.

¹⁴⁵ Peršen, Mirko. Ustaški logori. Zagreb, 1990. S. 45, 46, 102.

¹⁴⁶ По мнению некоторых авторов, первым «лагерем смерти» в пронацистском Независимом Государстве Хорватия (НГХ) был лагерь «Даница» близ Копривницы, основанный 29. IV. 1941. См.: Jelić-Butić, Fikreta. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1977. S. 185–186.

¹⁴⁷ О начале использования лагерей как «фабрик смерти» см. раздел «Третья фаза: появление лагерей смерти». Разночтения в оценках числа жертв огромны: от 1400000 до 80000 (M. Peršen. Logori. S. 313–329). Оценка Мирко Першена в 80 тыс. человек сомнительна не только из-за его умозаключений (S. 317), но особенно из-за его мотивов. Он не стремится к истине ради неё самой, а к тому, «чтобы устранить недоверие, которое мешает всем, и развеять инсинуации, часто приписываемые всему хорватскому народу насчёт усташского режима» (S. 329).

там ожидала верная гибель¹⁴⁸. Усташские лагеря, как и нацистские, отличались крайне жестоким обращением с заключенными, а их особенностью было наличие трех детских лагерей: Горня Риека, Ястребарско и Сисак¹⁴⁹. Из усташских лагерей «фабрикой смерти» с полной уверенностью можно назвать, прежде всего, Ясеновац, точнее, одно его отделение, — лагерь III-C (Циглана — кирпичный завод), которое сами усташки прозвали «лагерем смерти»¹⁵⁰.

После войны создавались новые лагеря — на этот раз коммунистами — для представителей немецких, венгерских и итальянских национальных меньшинств. Большинство полумиллионного немецкого населения Югославии было вынуждено бежать или принудительно выселялось. Часть немцев была собрана в местах, которые им не разрешалось покидать, где их использовали на физических работах, скудно кормили, мужчины были отделены от женщин, а дети — от родителей. Согласно современному подсчётам, в лагерях или по пути к ним погибло (умерло и было убито) 59335 мирных жителей всех возрастов и обоих полов, а также 26064 военнослужащих¹⁵¹. В Воеводине было около сорока лагерей для немцев, в них находилось около 140 тыс. стариков, женщин и детей. Остальное немецкое население ушло с немецкими воинскими частями¹⁵². Определенное число немцев избежало такой судьбы, выдав себя за представителей других национальностей, чаще всего венгров или хорватов.

Участь венгров, впрочем, также была незавидной, но всё же гонения их миновали¹⁵³. Причина перемены политики по отношению к венгерскому меньшинству, вероятно, кроется в необходимости строить после войны добрососедские отношения с социалистической Венгрией в рамках «социалистического лагеря». Осенью 1944 г. венгров недолго содержали в лагерях в Бачком Яраке, Гайдобре, Букине и других, но уже в конце ноября того года началось их освобождение. Лагеря переквалифицировали в исправительные, не предназначенные более для людей определенной национальности, некоторые из них действовали до мая 1945 г.

¹⁴⁸ Zločini fašističkih okupatora i njihovih pomagača protiv Jevreja u Jugoslaviji. Beograd, 1952. S. 57–60, 122–131; M. Peršen. Logori. S. 89–102.

¹⁴⁹ Lukić, *Dragoje*. Logori za decu u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj 1941–1945 // Vojnoistorijski glasnik. 1. 1995. S. 312–319; Lukić, *Dragoje*. Redni broj smrti // Borba: specijalno izdanje. Februar 1988.

¹⁵⁰ Странжаковић, Драгослав. Najveћи zločini sadašnjice: patnje i stradanje srpskog naroda u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj od 1941–1945. Горњи Милановац; Приштина, 1991. С. 440–482; Zločini fašističkih okupatora. S. 85–107; M. Peršen. Logori. S. 122–266; M. Koljanin. Holokaust. S. 112–115; N. Živković. Fašistički logori. S. 176–181.

¹⁵¹ *Janjetović, Zoran*. Between Hitler and Tito. The Disappearance of Vojvodina Germans. Belgrade, 2000. S. 338; Janjetović, Zoran. Logorisanje vojvođanskih Nemaca od novembra 1944. do juna 1945. Godine // Tokovi istorije. 1–2. 1997. S. 151–164. Согласно этой статье, первым начальником всех лагерей был Моша Пняде (С. 160).

¹⁵² *Kasaš, Aleksandar*. Madari u Vojvodini 1941–1946. Novi Sad, 1996. S. 159.

¹⁵³ Там же. С. 160.

О лагерях для итальянцев известно ещё меньше. Единственные доступные сведения содержатся в печати. Речь шла об интернированных в лагерь тысячах беженцев из Далмации и Истры, военнослужащих и мирных жителей. Называется цифра примерно в 5 тыс. человек, умерших от голода и болезней. Сейчас нельзя с точностью сказать, до какого времени действовали эти лагеря, однако к началу 1946 г. они ещё не были упразднены. Главный штаб союзников в Италии сформировал комиссию, которая должна была проверить отчёты об этих лагерях, но результаты её работы никогда не были опубликованы. В период, когда разворачивалась борьба между СССР и англо-американцами за сферы влияния, Запад руководствовался желанием сохранить отношения с Тито и на эти вопросы закрыли глаза. Недавнее обращение к архивам объясняется окончанием холодной войны и изменением международного положения. Югославских материалов официального происхождения об этих лагерях либо не существуют, либо по каким-то причинам они всё ещё недоступны исследователям¹⁵⁴.

Другим видом лагерей, созданных при Тито, были лагеря для внутрипартийной оппозиции (коммунистов, поддержавших резолюцию Информбюро) и других политических противников. По одной из оценок, около 60% заключённых Голого Отока были коммунистами, остальные принадлежали к правым или не имели определённой политической позиции¹⁵⁵. Вероятно, раздел сфер влияния между победителями, а также постепенная переориентация Тито на Запад служили внешнеполитическим основанием для изоляции и уничтожения действительных и потенциальных сторонников прорусского курса в Югославии. Характерно, что обычно хорошо осведомлённая западная дипломатия не критиковала жесткие методы Тито, душившего едва проклюнувшуюся оппозицию. Забота о стабильности государства и его международных позиций тогда оправдывали все средства.

Об этих лагерях и сейчас имеется очень мало сведений: страх бывших узников помешал им оставить воспоминания, а партийная и государственная документация остаётся недоступной. Утверждают, что она уничтожена¹⁵⁶. В систему лагерей входили лагерь островные: Голи Оток, Святой Гргур, Углян, Раб, Вис, Корчула и Рам (на Дунае); лагерь на материке: Сисак, Лоньско Поле, Вареш, Ясеновац и Петроварадин; тюрьмы в Билече, Забеле, Зенице,

¹⁵⁴ Tolto il segreto sui lager di Tito. Vi furono uccisi 5 mila italiani // Il Giornale. No. 126. Anno XXIV. 29. V. 1997. S. 9.

¹⁵⁵ Вучетић, Петар. Ход по ужареној лави на острву без кратера: Голијада (Голи Оток и друге приче). Београд, 1993. С. 9, 39. Существуют данные, что в 1948 г. функционировал лагерь в разрушенном монастыре Велика Ремета на Фрушкој Горе, куда можно было попасть и из-за социального происхождения (Д. Крстић. Психолошке белешке. С. 385, 384–387).

¹⁵⁶ *Dedijer, Vladimir*. Novi prilozii za biografiju Josipa Broza Tita. III. Beograd, 1984. S. 478.

Старой Градишке, Сремской Митровице, Банице, белградской Главняче¹⁵⁷, Лепоглаве и Пожаревце. Всё это, невзирая на правовые аспекты, осуществлялось как партийно-полицейская инициатива. По некоторым оценкам, только на Голом Отоке содержалось от 40 до 60 тыс. заключённых, от 5 до 15 тыс. из них умерло или было убито¹⁵⁸. Вероятно, решение о создании этого лагеря принимало высшее руководство партии и государства в феврале 1949 г., тогда в руководство входили Иосиф Броз, Эдвард Кардель, Александр Ранкович, Светозар Вукманович, Милован Джилас и Иван Краячич. Первые заключённые прибыли на Голи Оток в июле того же года¹⁵⁹. На вопрос «Кто был автором идеи о Голом Отоке?» до сих пор нет окончательного ответа. По некоторым сведениям, автором идеи был Эдвард Кардель, а шеф хорватского Управления государственной безопасности (УГБ) Иван Краячич выбирал место для лагеря¹⁶⁰. Это правдоподобно: идея к тому времени давно уже витала в полицейских кругах. В начале 1920-х гг. министры внутренних дел Светозар Прибиевич и Милорад Драшкович вынашивали планы размещения на пустынных адриатических островах мест заключения для коммунистов¹⁶¹. Документы, касающиеся тех планов, сохранились по сей день, они вполне могли быть доступны и Краячичу.

Возможно, причиной, по которой документы о Голом Отоке и других сходных объектах раннего периода правления Тито спрятаны от общественности, является тот факт, что до сих пор живы создатели этой сети лагерей. С другой стороны, между бывшими заключёнными и теми, кто их охранял, и поныне сохраняется глубокая неприязнь, делающая невозможным спокойное обсуждение проблемы. Несложно догадаться, почему это так. Один из организаторов этих лагерей впоследствии говорил: «Я был царь и Бог, ну, если хотите «главный». Да, я был главный в вопросе Голого Отока и всех лагерей для заключения политически прокажённых. Я распоряжался жизнью и смертью, но никогда не злоупотреблял этим. Я был Господом Богом. Но было надо. Альтернативы не было. Повторяю, я не злоупотреблял той неограниченной

¹⁵⁷ Тюрьма при главном управлении полиции в Белграде. — Прим. перев.

¹⁵⁸ *Луигоричевић, Мило*. Гађење над политиком. Интервју са бившим логорашем Драгослав Милаиловић // НИИ. 2414. 4 априла 1997. С. 38–41.

¹⁵⁹ *Banac, Ivo*. Sa Staljinom protiv Tita. Informbirovski rascjepi u jugoslovenskom komunističkom pokretu. Zagreb, 1990. S. 232, 233; *Трегловић, Саво*. Историја логора ужаса // Вечерње новости. 18. јул 1999. С. 10.

¹⁶⁰ Коча Попович, который тогда занимал пост начальника Генштаба, впоследствии утверждал, что ничего не знал о Голом Отоке! По его словам, не был в это посвящён и Светозар Вукманович, хотя и был членом Политбюро (Nenadović, Aleksandar. Razgovori s Kočom. Zagreb, 1989. S. 105, 106). Ещё труднее поверить в неосведомлённость Александра Ранковича, что следует из интерпретации Дедисера: V. Dedijer. Novi prolozi. S. 464, 465 (более подробно о Голом Отоке: S. 464–470, 474–480).

¹⁶¹ Подробнее см. в четвертой главе этой книги «Лагеря интернирования», раздел «Мостар».

властью, которой волею судьбы был облечён. Я спасал государство от неистовствующих бандитов. Я и брата не пощадил. Когда он отвернулся от партии, родство было забыто»¹⁶². Создается впечатление, что «главный» продолжает наслаждаться выпавшей ему ролью. А один бывший заключённый с Голого совершенно противоположного мнения: «Это ужасное и подлое преступление, от которого режиму Тито никогда не отмыться. Эти мерзавцы пролили столько крови, что могли бы ежедневно умываться ею, а некоторые, такие как Йово Капичич Капа, как недавно умерший Веселин Булатович, как здравствующий Бранко Дамьянович и кое-кто ещё, могли бы наполнить кровью своих жертв целые бассейны и плавать там для поддержания формы»¹⁶³.

Раскол Югославии и войны 1991–1995 гг. привели к созданию импровизированных мест изоляции военных и мирного населения враждующих сторон. В Словении словенцы держали в плену солдат Югославской Народной Армии (ЮНА), в Хорватии брали друг друга в плен хорваты и сербы, в Боснии и Герцеговине было три воюющих стороны: сербская, хорватская и мусульманская, и у каждой из них были военнопленные и интернированные мирные граждане двух других сторон. Каждая сторона, твердя выражение «концлагерь», указывает на сотни мест, где неприятели держали их военнопленных и мирное население, поэтому приходится сомневаться, что в каждом случае речь действительно идёт о лагере¹⁶⁴. Зачастую это обычные подвалы и хозяйственные постройки, где в разных условиях, порой в очень тяжёлых, содержались представители другого народа, над ними совершали насилия, убийства, грабежи те, кто их охранял, или другие лица, действовавшие ради наживы или из жестокости. Однако всему этому далеко до настоящих «фабрик смерти». Связанное со словом «концлагерь» стереотипное представление о массовой изоляции как об акции, направленной исключительно на истребление той или иной части населения, в Югославии превратилось в своеобразное средство ведения войны.

¹⁶² П. Вучетич. *Голијада*. С. 39. Автор не открывает имени «главного». Возможно, таковым было условие получения его откровений.

¹⁶³ М. Глигоријевић. *Тађење*. С. 39; также см.: Михаиловић, Драгослав. Кратка историја сатирања // НИН. 2500–2505. 26 новембар–31 децембар 1998. Михаиловић — автор самого крупного произведения о титовских лагерях, романа «Голи Оток» (I–III. Београд, 1991–1995). Эта тема на территории Югославии, как и в других бывших соцстранах, представляет интерес для литераторов и бывших лагерников, в то время как научная историография ещё не предприняла попыток написать исчерпывающую монографию об этом феномене.

¹⁶⁴ Согласно Перечню лагерей для сербов, составленному Комитетом сбора данных о совершённых преступлениях против человечества и международного права (№ 293/96 от 13 января 1997 г.), только в Боснии и Герцеговине таких «лагерей» было 450. Согласно перечню № 162/95 от 12 марта 1996 г. того же Комитета, в Словении находился 21 «лагерь», а в Хорватии — 162. Аналогичные перечни «лагерей» составляли все четыре некогда воевавших стороны.

Благодаря PR-агентствам была создана односторонняя картина, где имелись *злая* (сербская) и *добрая* (хорватская и мусульманская) стороны, а одним из самых эффективных приёмов стало отождествление объектов, используемых сербами для содержания военнопленных и мирных граждан неприятельских сторон, с нацистскими «мельницами для перемалывания костей». Джеймс Харфф, директор по связям с общественностью агентства «Руддер и Финн», сам пояснил, как это делалось: «Когда в New York News Day появилась информация о лагерях... нам удалось её упростить и преподнести как рассказ о добрых и злых парнях... И мы выиграли, потому что выбрали правильную цель — еврейскую аудиторию... Лексикон СМИ мгновенно изменился, забурлили эмоции: этнические чистки! концентрационные лагеря! и т.д. Всё это ассоциировалось с нацистской Германией, газовыми камерами и Аушвицем. Эмоциональный фактор был настолько силён, что никто даже не осмелился возразить, чтобы не быть обвинённым в ревизионизме. Мы попали в десятку»¹⁶⁵. То, что такого рода стереотипы легко приживаются в обществе, вероятно, является одним из рецидивов холодной войны. И на Востоке, и на Западе общественное мнение в истекшие десятилетия настойчиво воспитывалось на дуалистической матрице о Добре и Зле, которую легко и выгодно с точки зрения пропаганды сохранить на будущее. Именно поэтому, по-видимому, злоупотребляют стереотипными представлениями о лагерях.

ТИПОЛОГИЯ ЛАГЕРЕЙ

Оглядываясь на историю практики массовой изоляции, это явление можно разделить на фазы и типы лагерей. Хронологически было три фазы, или ступени (так как каждая новая ступень означала ужесточение лагерного режима и вовлечение в лагерный мир новых общественных групп). Переход к новой фазе не означал, что предыдущий тип лагерей исчезал. Оба уровня существовали параллельно, порой образуя целостную систему. В данной работе под первым уровнем подразумеваются и такие явления, которые скорее следовало бы назвать протолагерями (например, наполеоновские, индейские резервации), но они представляют собой важный этап в накоплении опыта организации настоящих лагерей:

- 1) лагеря для вражеских военных и мирного населения (Франция, с 1803 г.);
- 2) лагеря для собственных граждан (Габсбургская монархия, начиная с 1914 г.);

¹⁶⁵ *Beham, Mira. Ratni doboši. Mediji, rat i politika. Beograd, 1997. S. 150.*

3) лагеря уничтожения (Германия и пронацистское Независимое Государство Хорватия, НГХ, с 1941 г.).

Можно также классифицировать лагеря по их контингенту:

- 1) лагеря для военнопленных;
- 2) лагеря для мирного населения.

Однако эта классификация условна, поскольку имели место случаи, когда в одни и те же лагеря заключали и военнопленных, и мирных граждан, или когда военных подвергали изоляции из политических соображений, как это было в Австро-Венгрии или в первые годы существования Королевства СХС.

Третьим основанием типологизации может служить классификация лагерного режима, хотя в стенах одного лагеря бывали разные категории заключённых, к которым применялись один или все три варианта воздействия:

- 1) изоляция как самоцель;
- 2) исправительные и трудовые работы;
- 3) лагеря истребления.

Четвёртый вариант классификации может исходить из того, регулировалась ли массовая изоляция правовыми понятиями или нет; пятый — совершил ли узник какое-либо правонарушение или его изолировали превентивно, и т. д. Можно найти и другие основания классификации¹⁶⁶, однако перечисленное даёт достаточное представление о технике массовой изоляции, указывает на преемственность и разные фазы этого явления, разнообразие вариантов, а также на основное условие, без которого немислим лагерь в современном понимании: слияние *массы* как активного участника исторических событий и *идеи* как некоей абстракции, ввергающей в преступление или прямо им являющейся. Некоторые достижения лагерной техники действуют и совершенствуются на протяжении двухсот лет, ещё со времен пресловутого заключения Наполеона Бонапарта, например сторожевые вышки, разлучение семей и информационная изоляция, а остров остаётся идеальным пространством для размещения мест массовой изоляции.

От Святой Елены и до наших дней существует множество примеров отведения под места изоляции островов или территорий, которые можно преобразить в подобие острова. Эта схема оказалась поразительно действенной

¹⁶⁶ См.: Taborišče // Enciklopedija Slovenije. T. 13: Š-T. Ljubljana, 1999. S. 177–179. Здесь представлена следующая типология лагерей: 1) лагеря для беженцев, мирного населения, спасающегося от армии противника; 2) лагеря для военнопленных, организованные в соответствии с международным правом; 3) лагеря для переселенцев — распределители для переселения или выселения; 4) исправительные лагеря для отбывания наказания и перевоспитания; 5) лагеря интернирования для изоляции политических оппонентов и этнических групп.

и уцелела при всех переменях и преобразованиях, так что некоторые авторы даже задумались, не выходит ли отчасти её жизнеспособность за рамки банальной технической эффективности. Мысль о том, что лагеря наследуют мифической картине райского острова, лежащей в основе утопических проектов, каковыми являются современные идеологии, и что при всей своей уродливости они являются единственным в истории воплощением мечты об идеальном обществе, звучит цинично. Впрочем, расставаясь с веком, принесшим столько страданий и разочарований, мы можем задуматься и над таким вопросом¹⁶⁷.

¹⁶⁷ А. Kaminski. Konzentrationslager. S. 48–51; Шафаревич, Игор. Социјализам као појава светске историје. Цетиње, 1997. Об утопиах и их отношении к истории см.: Милорадовић, Горан. Проналазак инжењера Замјатина, односно покушај дефинисања појмова утопија, антиутопија, дистопија и научна фантастика на основу њиховог односа према историјском процесу // Књижевна реч. 452–453. 10–25. јануар 1995. С. 3–4.

Глава I

Королевство СХС и революционная угроза

Меры массовой изоляции, проводившиеся в Королевстве СХС с 1919 по 1922 гг., были обусловлены международной обстановкой, а также экономическим и политическим положением в стране, следовательно, для понимания этих мер надо хотя бы в общих чертах обрисовать ситуацию, в которой эти меры казались необходимыми. Кроме того, анализ правовой базы, на которой формировалась сеть лагерей, дает возможность увидеть, как функционировала эта государственная структура в период становления, каковы её цели и проблемы, с которыми она сталкивалась, какие ценности она защищала. Поскольку репатриация, формирование лагерей и полицейский надзор за интернированными являются частью сложного процесса, в котором участвует много местных, зарубежных и международных инстанций, необходимо установить, кто и каким образом был здесь задействован.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Политическая конфигурация послевоенной Европы решающим образом повлияла на исследуемые события, явления и процессы. Важнейшее обстоятельство, ставшее результатом Первой мировой войны, — образование государства нового типа, большевистской России, сопровождавшееся другими, сходными, хотя и неудачными попытками. Но все неудавшиеся революции, создание Третьего Интернационала, провозглашение Лениным «международной республики советов»¹⁶⁸, война с Польшей в 1920 г. и геополитические намеки, которые она породила¹⁶⁹, — всё вело к опасению: большевизм рвется к экспансии. Правительствам ведущих держав победившей коалиции не требовалось особой дополнительной информации насчёт природы большевизма и положения в России, чтобы решить, как действо-

¹⁶⁸ G. *Voffa*. *Povijest SSSR*. S. 97.

¹⁶⁹ Командовавший наступлением Красной Армии на Польшу Михаил Тухачевский сказал: «На наших штыках мы принесём пролетариату мир и счастье. На Запад!» (*М. Геллер, А. Некрич*. Утопија на власти. С. 84).

вать в сложившейся ситуации. Выстраивая новую систему безопасности в Европе, они пытались свести к минимуму вероятность возобновления войны, и в поисках способа осуществления этой задачи часто обращали подозрительные взгляды на проигравшие страны и свою бывшую союзницу Россию.

На западной стороне идеологического фронта, появившегося после Великой войны, пытались разобраться, что же такое происходит на востоке Европы. Очевидную историческую параллель нашли во Французской революции, на которую оглядывался и сам Ленин. Во время парижской мирной конференции ситуация, увиденная в таком ракурсе, производила мобилизующий эффект: «Русская большевистская революция меняет свой характер. Она довершила анархистское разрушение общественного порядка в России. Политическая, экономическая, общественная и моральная жизнь русского народа надолго уничтожена. Безраздельно властвуют голод и террор. Из руин поднимается только военная структура. Она ещё слаба, но стремительно усиливается, становясь агрессивной и принимая угрожающую форму, как якобинство после падения Робеспьера и перед возвышением Наполеона. Большевистские армии маршируют к грабежам и пище, а на их пути стоит только сила Соединённых Штатов, истерзанная войной»¹⁷⁰. Кто бы осмелился встретиться безоружным с образами этой мрачной картины?

Гибель четырёх царств открыла простор для формирования новых, гражданских и, в основном, национальных государств в Центральной и Восточной Европе. Османская империя, изгнанная из Европы и занятая собственными проблемами, удерживалась лишь на крошечном клочке Фракии. Австро-Венгрия распалась, территорию Германии урезали, лишили её колоний и обложили репарациями, а германскую военную мощь ограничили. Хотя большевистская Россия находилась в изоляции и была исключена из международных отношений, она продолжала оставаться великой державой и потенциальной силой. Чтобы держать её под контролем, между Балтикой и Средиземноморьем был создан пояс малых и средних государств, опиравшихся на страны Антанты, так называемый санитарный кордон. Ленин осознал ситуацию не позднее конца 1919 г.¹⁷¹. В этом заградительном кордоне Королевство СХС занимало особое положение, так как в силу своего географического положения находилось в самом жерле накалившейся вне-

¹⁷⁰ W. Churchill. The Bolshevik Menace. S. 91. Речь британского государственного секретаря по военным делам У. Черчилля, произнесённую 11 апреля 1919 г. в Лондоне в узком кругу слушателей, редактор Дэвид Канадин охарактеризовал как «чрезмерно насильственную и странно пессимистичную» (S. 85). Сегодня мы знаем, что это действительно было преувеличением, но слова Черчилля упали тогда на благодатную почву, поскольку его множество раз прерывали смехом, аплодисментами и возгласами одобрения.

¹⁷¹ G. Boffa. Povijest SSSR. S. 99.

шнеполитической ситуации: «В послевоенной Европе было много международных проблем, их можно обобщить следующим образом:

1. Отношения побеждённых и победивших государств.
2. Отношения европейских государств и СССР.
3. Средиземноморские и африканские амбиции Италии»¹⁷².

Только Королевству СХС угрожали все эти проблемы сразу, в то время как другим государствам из «санитарного кордона» лишь одна или в худшем случае две.

Главной целью массовой изоляции, применявшейся в Югославском Королевстве, была защита от большевиков, которые для разрыва этого звена «французской системы» ловко использовали те же методы, что и против национально и религиозно пестрой Российской империи¹⁷³. Средства и тактика в течение рассматриваемого периода все больше кристаллизовались: от грубых тезисов Ленина 1920 г. до четкой директивы на V съезде Коминтерна в 1924 г. о дезинтеграции Югославского Королевства¹⁷⁴. Другим предназначением лагерей, связанным с их основной целью, являлась защита от ревизионизма побеждённых и от замыслов соседних стран, которые, поддерживаемые Италией, готовы были воспользоваться любой слабостью молодого государства. Ещё в апреле 1917 г. премьер-министр Королевства Сербии Никола Пашич понимал, что деятельность диссидентов в Добровольческом корпусе «благоприятствует итальянцам, болгарам, венграм и румынам в их покровительстве тем нашим «трехименным» элементам, которые боятся сербо-хорвато-словенского союза»¹⁷⁵. А новообразованное Королевство было куда более соблазнительной мишенью, чем Добровольческий корпус.

Один из способов поразить эту мишень — это вызвать беспорядки внутри страны путем «впрыскивания» деструктивных идей, для чего репатрианты очень подходили. 22 сентября 1919 г. командование IV армейского округа доложило компетентному руководству: «Из достоверных источников известно, что итальянцы ведут республиканскую и большевистскую агитацию среди югославских военнопленных в Италии. Это подтверждает и командующий Савским Дивизионным Округом на основании писем, проходящих цензур-

¹⁷² А. Митровић. Време нетрпеливих. С. 304–305.

¹⁷³ В конце 1917 г. при Народном комиссариате иностранных дел специально был организован отдел по делам военнопленных, а в нем — югославянский подотдел, издававший и газеты, предназначавшиеся югославянам. См.: Очак, Иван. Из истории участия югославян в борьбе за победу советской власти в России // Октябрьская революция и зарубежные славянские народы / Ред. А. Я. Манусевич. М., 1957. С. 281.

¹⁷⁴ В. Gligorjević. Komintern. S. 116–122.

¹⁷⁵ Lainović, Andrija. Nikola Pašić o Dobrovoljačkom korpusu u Rusiji 1917 // Historijski zbornik. XVIII. Zagreb, 1965. S. 217 (письмо Пашича Йовану М. Йовановичу, сербскому послу в Лондоне, Корфу, 20 апреля 1917).

ную проверку»¹⁷⁶. В телеграмме посла Королевства СХС в Риме, которую он направил 17 октября 1919 г. Делегации на парижской мирной конференции, о действиях итальянцев сообщалось, что «в лагерях, где содержатся наши военнопленные, высшие офицеры и другие лица открыто говорят им об истреблении наших людей как их единственных врагов»¹⁷⁷. Оказавшись в роли средства международных политических расчётов, репатрианты не надеялись на лучшее, и дальнейшее развитие событий подтвердило их опасения.

В довершение всего пришли вести, что другие соседи (Австрия, Венгрия, Румыния и Болгария) не успокоились и грезят о новом и скором перераспределении ресурсов и территорий. IV армейский округ Вооружённых сил Королевства СХС 6 февраля 1919 г. направил II армейскому округу сообщение, что «в Вене организована группа югославских сторонников спартаковских идей с намерением сокрушить нынешнюю форму правления совместно с австрийскими немцами и венграми. Во главе этой группы стоит от хорватов некий Першка и Вайнтрауб»¹⁷⁸. Чёткая граница бывших габсбургских территорий тогда не была проведена, вместо неё существовала так называемая демаркационная линия, которая, как некоторые надеялись, будет сдвинута на север или на юг.

Особое беспокойство причиняла революция в Венгрии и её планы. Председатель совета министров Стоян Протич считал, что революция «по многим признакам... подстроена. Подстроил её граф Карольи, латифундист, вместе с социалистами»¹⁷⁹. А министр внутренних дел Светозар Прибичевич даже называл её «опереточной революцией», полагая, что «в коммунистической партии есть элементы, которые вступили в её ряды не потому, что они коммунисты, а потому, что они наши национальные противники, и никак иначе они не могли выразить своё недовольство нашим государством»¹⁸⁰. Вероятность того, что северные соседи маскируют свои истинные планы какой-то другой «целью», на самом деле являющейся лишь средством, никоим образом нельзя было упустить.

Непрочен был мир и на восточной границе, хотя там и находилась бывшая союзница Румыния. Из письма русского военного атташе в Белграде от 16 сентября 1919 г. известно, что командование II армейского округа доставило Земельному правительству в Сараево тревожную весть: «Румыны,

¹⁷⁶ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 21/2. Командование IV армейского округа, № 4288 от 22 сентября 1919 г. командующему Савским дивизионным округом. Предупреждение сопровождалось списком имен одиннадцати идентифицированных агитаторов.

¹⁷⁷ АЖ. 336. Ф-62. Дос. VII. № 4100. Телеграмма № 939.

¹⁷⁸ ВА. П-4/II. К-81. Ф-1. № 1/1. 49, 50. Оперативный журнал регистрации входящих и исходящих документов II армейского округа за 1919 г., № 95, от 6 февраля 1919 г.

¹⁷⁹ ПНП. I. 1919; 9-ое очередное заседание от 26 марта 1919 г., Загреб, 1919. С. 157.

¹⁸⁰ ПНП. II. 1920; 26-ое очередное заседание от 27 мая 1919 г., Загреб, 1920. С. 698.

которые в последнее время держат у себя в плену известное число русских солдат-большевиков, намеренно перебрасывают их в Банат с целью увеличения числа большевиков в Югославии и провоцирования беспорядков»¹⁸¹. Обе претендуя на Банат и став соперницами, страны быстро забыли о недавнем союзничестве.

Ко всему прочему, стало известно, что в начале 1920-х гг. болгарские власти близ Варны сформировали особый отряд из политически недовольных репатриантов из России (хорватов и словенцев) и русских, которых в качестве агитаторов направили в Королевство СХС «с указанием агитировать своих соплеменников против сербов и нового порядка и распространять большевизм, чтобы дезорганизовать армию, вызвать мятежи и разброд в государстве»¹⁸². Все эти события происходили очень согласованно, а предупреждения были чересчур серьёзные, чтобы от них отмахнуться, хотя, как оказалось впоследствии, настоящего революционного потенциала в Югославском Королевстве не было.

Греция единственная не строила никаких идеологических козней против своего северного соседа, зато Албания вела в пограничной зоне настоящую тихую войну, стремясь помешать консолидации государственных институций своего восточного соседа и держать открытым вопрос границ¹⁸³. На более утонченные способы ведения революционной деятельности албанская элита просто не была способна.

Высшие сановники Королевства поняли опасность и начали принимать меры ещё в начале 1919 г. Командующий I армейским округом воевода Петар Бойлович писал Верховному командованию: «Большевизм... распространяется по странам Центральной Европы, теперь он в Баварии и Венгрии. В других немецких государствах борьба ещё не закончена, и, кто знает, действительно ли большевики проиграли. Россия как материальный и моральный центр большевизма вряд ли удовлетворится достигнутым. Об этом свидетельствует и кампания, в спешном порядке развернутая русскими большевиками, чьи агенты, имея при себе крупные суммы, рассредоточились по целой Европе... С этой точки зрения ситуация в нашем молодом государстве ничуть не лучше, чем во всей Европе, напротив, она ещё тяжелее; прежней государственной организации в наших новых областях больше нет, а новая только формируется. При этом венгерские и немецкие элементы в нашем

¹⁸¹ *Isović, Kasim*. Odjeci i uticaji oktobarske revolucije na prilike u radničkom pokretu Bosne i Hercegovine (1917–1921), Građa // Glasnik arhiva i Društva arhivskih radnika Bosne i Hercegovine. 7. 7. 1967. S. 545.

¹⁸² АЖ. 14. Ф-106. 1. Штаб Поттисского дивизионного округа, № 343, от 1 апреля 1920 г.

¹⁸³ Југословенска држава и Албанци. I–II/Приредили Ђорђе Борозан и Љубодраг Димић. Београд, 1998–1999.

новом государстве весьма недружественно к нам расположены, и, пока продолжается период перемен, враждебность нарастает... необходимо срочно принять контрмеры, чтобы защитить наши завоевания, купленные такой дорогой ценой»¹⁸⁴.

Год спустя Бойович вновь докладывал Верховному командованию о той же проблеме, однако на этот раз тон его рапорта был значительно спокойнее: «Я всё больше убеждаюсь, что коммунисты не представляют никакой опасности... По-видимому, в прошлом году государство приложило достаточное усилие, чтобы совладать с ними... Напоминаю, что я не располагаю сведениями о чём-то важном в большевистском отношении среди военных... в пределах старых границ коммунистическое движение выражено слабо, а в новых землях основной костяк коммунизма составляют иностранные элементы»¹⁸⁵. Уже в начале 1920 г., когда миновал кризис первых послевоенных лет, к большевистской угрозе стали относиться более уравновешенно, а лагерь для военнопленных превратились в рутину, коротая свой век вдалеке от взоров и интереса общественности.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС

Может быть, описанные международные обстоятельства не были бы столь удручающими, если бы внутри Югославского Королевства не существовало неразберихи и противоречий, благодаря которым внешние политические импульсы воспринимались и усиливались как в резонаторной коробке. Во-первых, осталась часть проблем со времен Габсбургской монархии: национальное и религиозное многообразие, экономическая отсталость, институциональная неэффективность, политическая разрозненность, культурная неразвитость, медленный темп модернизации, а также отчасти географическое положение. Во-вторых, большой урон нанесла война: помимо того, что страна оказалась крайне истощена и обескровлена, её население конфликтовало между собой. Наконец, проблемы породил сам акт объединения двух разнородных территорий: области старой католической Австро-Венгерской монархии, являвшейся многонациональной державой с ограниченным избирательным правом и рудиментами феодализма, приходилось сливать воедино с православными Королевствами Сербией и Черногорией, которые в процессе своей короткой новой истории

¹⁸⁴ ВА. П-4/1. К-102. Ф-2. № 13/4. 3. В этом рапорте (№ 1161, от 27 марта 1919 г.) предложены военные, политические и экономические меры для подавления большевизма.

¹⁸⁵ ВА. П-4/1. К-102. Ф-2. № 13/4. 2, 3.

строились как национальные и либерально-демократические государства. Список проблем и различий, легко могущих обернуться трагедией, на этом не заканчивается, поскольку новое государство не было интегрировано ни в культурном плане, ни транспортным сообщением, его границы были чересчур обширны для изнурённой, поредевшей и разномастной армии, его обступило столько алчных соседей, а внутри роптало собственное недовольное население, среди которого было слишком много увечных, больных и неграмотных для стремительно набиравшего обороты XX века¹⁸⁶.

Две половины страны различались и по экономическому положению. Даже беглого взгляда на карту достаточно, чтобы увидеть две различных железнодорожных сети: одну — густую и разветвлённую, покрывающую пространство к северу от Савы и Дуная, с двумя длинными ветками, протянувшимися через Боснию и Герцеговину до Адриатического моря, и другую — значительно более скудную, с многочисленными тупиками, уходящую на юг от Белграда, связывая его с Ближним Востоком. Столица Югославского Королевства была единственным местом пересечения этих двух железнодорожных сетей. В межвоенный период Сербия оставалась преимущественно аграрной страной, с преобладанием мелких крестьянских хозяйств. Зачатки индустриального развития погибли, когда страну дважды пересекла линия фронта. Во время оккупации Сербия подверглась грабежу и эксплуатации, а её население — гонениям и интернированию. Болезни, особенно эпидемия тифа, сократили рабочую силу. Уничтожено животноводство, разрушены транспортные магистрали, по улицам бродили толпы сирот, количество которых некоторые оценивают в полмиллиона. Капитала для восстановления экономики не было, а после войны остались крупные долги. Сербия входила в число победителей, а ей пришлось начинать всё заново. Земли же югославыян из состава распавшей Австро-Венгрии, будучи проигравшей стороной, оказались в лучшем состоянии и положении. Ужасы войны их практически не коснулись, если не считать пережитого военными на фронте. Бывших подданных Австро-Венгрии освободили от выплаты военных репараций, так как они вошли в состав нового государственного образования. Все жизненно необходимые службы функционировали там в течение всей войны, сглаживая ощущение экономического разорения. После распада Империи и кратковременного периода анархии, когда из-за нерешённого аграрного вопроса хозяйства крупных землевладельцев в Хорватии, Славонии и Воеводине подвергались грабёжам и поджогам, ситуация быстро стабилизировалась. Про-

¹⁸⁶ Подробнее о проблемах, сопровождавших объединение, см.: Petranović, Branko. *Istorija Jugoslavije 1918–1978*. Beograd, 1980. S. 29–35; Димић, Љубодраг. *Културна политика Краљевине Југославије 1918–1941*. I. Београд, 1996. С. 23–102.

мышленность западной половины Королевства СХС, хотя и слабо развитая по европейским меркам, в новом государстве вскоре заняла лидирующие позиции. Поэтому стартовые условия в этих землях были значительно благоприятнее.

Политическая жизнь Королевства от объединения страны до принятия Видовданской конституции 1921 г. связана с борьбой вокруг вопроса о государственно-политическом устройстве нового государства. Сформировались два политических блока. Ядро так называемого государственно-созидательного блока составили Радикальная и Демократическая партии с централистской и унитарной программой и идеей сохранения монархии. Ему оппонировал блок, возглавляемый Хорватской республиканской крестьянской партией (ХРКП) с экстравагантной программой «нейтральной крестьянской республики»¹⁸⁷. Характерно, что основой обоих блоков были самые сильные партии двух самых многочисленных народов, вокруг них на определённых политических условиях группировались другие, менее влиятельные партии, лавируя для соблюдения собственных интересов. ХРКП пользовалась тактикой обструкции, которая наиболее ярко проявилась при принятии новой конституции — депутаты Хорватской народной крестьянской партии (в декабре 1920 г. переименованной в ХРКП) на голосование не явились. Впоследствии та же тактика применялась и в отношении ряда других законов, что создавало своеобразный политико-правовой вакуум, в условиях которого протекал самый длительный период процесса массовой изоляции, являющийся предметом исследования данной монографии.

Вместе с тем существовала и оппозиция всей парламентской системе, монархии, гражданскому обществу и соответствующему принципу построения экономики. Это были коммунисты, формально принимавшие существующее государство и парламентские методы борьбы, но одновременно искавшие более быстрый способ свержения установленного порядка вещей. При этом изменения происходили и внутри самой Коммунистической партии, претерпевавшей процесс «большевизации» и трансформировавшейся в партию нового типа¹⁸⁸. Таким образом, сказывалось влияние из России, чему отчасти способствовали и репатрианты, хотя известно очень мало примеров того, чтобы КПЮ проявляла интерес к проблеме существования лагерей для изолирования возвращающихся. Это неудивительно, учитывая относительно мягкий режим и кратковременность нахождения в них.

¹⁸⁷ Подробнее см.: *Силкин, Александр*. Хорватская политика в Королевстве СХС // *Историја 20 века*. 1. 2003. С. 9–30.

¹⁸⁸ *К. Николић*. Большевиџација. С. 46–48.

ПРАВОВАЯ БАЗА ИЗОЛИРОВАНИЯ

В приказе от 23 ноября 1918 г. командир Дунайской дивизии полковник Д. Милоевич констатировал, что «имеются опасные элементы — агитаторы — которые пытаются распространить большевистские идеи среди наших военных, прячут оружие и т.д., и которые вообще представляют опасность для мира и порядка», а далее отдавал распоряжение брать под стражу и интернировать подобных лиц в Петроварадине, где начальник гарнизона должен обеспечить их размещение до разрешения дела¹⁸⁹. Тремя днями позже он направил этот приказ начальникам гарнизонов всех крупных населенных пунктов в Бачке, начальнику гарнизона в Петроварадине. Копию он переслал своему начальнику, командующему 1-й армией Петру Бойовичу, сопроводив её пояснением мотивов, которыми руководствовался: «Я был вынужден отдать такой приказ, так как в последнее время, пользуясь нашей терпимостью, в некоторых городах и населённых пунктах появляются лица, ведущие тайную работу против наших военных и национальных интересов, а именно распространяют будоражающие слухи, странные идеи, разбрасывают листовки с призывами к нашим солдатам сложить оружие и возвращаться домой и т.д. Я думаю, что не стоит ограничиваться принятыми мерами, следует ходатайствовать перед Верховным Командованием о пересылке подобных лиц из Петроварадина в южную Сербию и их интернировании там. Их можно было бы использовать на разных работах, это охладило бы пыл тех, кто настроен к нам недружественно и служит чужим интересам»¹⁹⁰. Воевода Бойович представил этот документ Верховному командованию, добавив от себя: «Прошу вас утвердить и ввести в силу этот документ, а также определить места в Македонии, где будут содержаться интернируемые, способ их транспортировки и питание»¹⁹¹. Это были документы, положившие начало первой фазе массового интернирования в Королевстве СХС, когда изоляции подвергались те, кто считался политически опасным, затем граждан Королевства освобождали и брали под полицейский надзор, иностранцев же депортировали из страны при первой возможности.

Летом 1919 г., когда потребовались ещё более решительные меры против массового притока сторонников большевизма на территорию Королевства, оказалось, что нет адекватного правового основания для осу-

¹⁸⁹ ВА. П-4/1. Ф-1. № 5/3. Дунайская дивизия, № 8278, 23 ноября 1918 г., Субботица. Как уже упоминалось, даты до начала 1919 г. приводятся по юлианскому календарю, т.е. следует прибавлять 13 дней, чтобы получить дату по григорианскому летосчислению. Таким образом, данный приказ необходимо датировать 6 декабря 1918 г.

¹⁹⁰ ВА. П-4/1, К-64. Ф-1. № 5/3.

¹⁹¹ ВА. П-3. К-124. Ф-10. № 13/4. 3. Штаб I армии, № 19865, 4 декабря 1918 г., Нови Сад.

ществления этих мер. Это вынудило начальника Полицейского управления в Сараево Милана Лесковца 17 января 1919 г. написать командующему 2-й армией Степе Степановичу: «Здесь есть большевики, но они на свободе, поскольку неизвестно, на каком основании их арестовывать. До сих пор они не совершили ничего преступного, чтобы возбуждать против них дело»¹⁹². Между тем даже при аресте таких людей случались казусы. Хорошей иллюстрацией бессилия государства до принятия «Обзнаны» может служить случай, когда в мае 1919 г. власти пребывали в растерянности, не зная, как поступить с тридцатью тремя арестованными бунтовщиками из села Старчева в южном Банате. Они хотели бы соблюсти законную форму, но «расследование не было проведено в соответствии с правилами уголовного дела, не установлены действия каждого из арестованных, дело не квалифицировано, не предъявлено обвинение, и потому при военных обстоятельствах невозможно было быстро провести следствие»¹⁹³. Администрация Королевства стала заложницей классического кодекса гражданского права, причем не могла себе позволить ни, подобно большевикам, принять законы, по которым лагеря стали бы действенной частью государственного аппарата¹⁹⁴, ни, подобно нацистам, игнорировать любые юридические формальности¹⁹⁵.

На втором этапе эволюции лагерей на территории Королевства СХС интернированию подвергались главным образом репатрианты из России, которых власти Королевства называли «наши пленные», «югославские пленные» или «наши граждане»¹⁹⁶. В правовом отношении это означало — военнообязанные: «Пленные в течение всего времени их пребывания в областных городах и населённых пунктах, а также вплоть до возвращения в свои дома будут считаться военнообязанными»¹⁹⁷. Незвизрая на меры предосторожности, принимаемые по отношению к бывшим пленным, их формальный статус был ясен, отсюда права и обязанности, которые имел ре-

¹⁹² K. Išović. Odjeci. S. 413.

¹⁹³ Učesnici u oktobarskoj revoluciji i odjeci Oktobra prema dokumentima Istorijskog arhiva Pančevo 1917–1967 // Informator. 7. Pančevo, 1967. S. 67, 68.

¹⁹⁴ См.: «Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов о создании лагерей принудительных работ» от 15 апреля 1919 г., дополненный 17 мая (Б. Яковлев. Лагеря СССР. С. 27, 211–217).

¹⁹⁵ Это образно (и цинично) именовалось Nacht und Nebel Erlass (Декрет ночи и тумана), что характеризует обстоятельства, при которых Гестапо делало свое дело. Экзекуции совершались «на основании» Kugel Erlass (Декрета пули) (Britannica. S. 252).

¹⁹⁶ АЈ. 334. Ф-2. 212–215. Посольский запрос Милана Прибичевича министру иностранных дел Николе Пашичу о положении граждан Королевства СХС, всё еще находящихся на Дальнем Востоке, и ответ Пашича (Учредительное собрание Королевства СХС. № 6903. 24 мая 1921 г.).

¹⁹⁷ ВА. П-4/II. К-85. Ф-8. № 20/27. Командующий II армейским округом воевода Степа Степанович командующему Боснийским дивизионным округом, № 2008, 2 июня 1919 г.

патриант на пути в лагерь, в лагере и по освобождении из него. От этого ситуация становилась ещё более деликатной, а проблемы, с которыми порой приходилось сталкиваться чиновникам, казались неразрешимыми: «Наши суды не имеют ни малейшего представления о действиях большевиков, и думаю, что даже если бы сербский уголовный кодекс позволял привлечь их к ответственности (помимо военного трибунала), наши суды не выносили бы таких приговоров, которых эти люди заслуживают; во-вторых, открытые судебные заседания, на которых неминуемо возникнет дискуссия, ибо в конституционном государстве невозможно запретить защиту, могут вызвать нежелательное любопытство публики, в результате чего сами власти окажутся повинны в распространении идей большевизма и поставят страну под угрозу»¹⁹⁸. Чтобы противостоять опасности, но при этом всё же соблюсти минимум правовых процедур, власти прилагали немало усилий, чтобы изыскать или создать правовую базу, которая позволила бы из массы репатриантов вычленить и обезвредить врагов государственной системы. В конце концов нашли выход в создании лагерей карантинного типа. Однако у этих лагерей был статус временной и чрезвычайной меры, правовая суть которой утаивалась от общественности.

Обстоятельства и меры предосторожности, предпринятые на этом этапе, хорошо видны из приказа верховного главнокомандующего регента Александра Карагеоргиевича от 12 июня 1919 г.: «В последнее время наши старые и новые враги начали активную деятельность по занесению разлагающих, губительных для нашего Государства бацилл большевизма, а также по проведению пораженческой пропаганды в сплочённых рядах наших и союзных войск и нашего населения. Эта вражеская акция совершается через специально подкупленных агентов, как тех, кто переброшен на нашу территорию из других государств, так и тех, кто является подданными нашего государства. Эти агенты распространяют на территории нашей страны различные воззвания, памфлеты и листовки с ложными призывами... а также ведут устную пропаганду и разлагающую деятельность... Поэтому... ради предотвращения вражеских происков необходимо принять строжайшие меры и всякого, кто распространяет пораженческие воззвания и листовки или у кого их найдут при аресте, равно как и всякого, кто эти идеи пропагандирует, следует немедленно лишить свободы и предать военному суду с вынесением приговора согласно пункту е) §85 свода наказаний»¹⁹⁹.

¹⁹⁸ АЈ. 334. Ф-14. 18. Политотдел Министерства иностранных дел, № 11404, 19 сентября 1919 г., Министерству внутренних дел.

¹⁹⁹ См., например: ВА. П-3а. К-160. Ф-11. № 14. Приказ Верховного Главнокомандующего, регента Александра, № 13923, 12 июня 1919 г. Начальник штаба, воевода Живоин Мишич, который исполнял Приказ, имеет в виду свод наказаний Королевства Сербии, так как новый ещё не был принят.

Упомянутые меры были бы эффективны, если бы были известны конкретные личности нарушителей, но в отношении пёстрой многотысячной массы репатриантов, прибывавших в течение достаточно продолжительного времени, возникла проблема: где и как выявить и отделить опасных людей от лояльных?

На то, какое решение было выбрано, косвенно указывает и приведённый приказ регента Александра, где упоминаются «губительные бактерии большевизма». Это выражение даёт понять, что власти способны предотвратить опасность, а также о способе защиты: есть только один надёжный метод профилактики как биологической, так и идеологической эпидемии — карантин, в свое время уже применявшийся Австро-Венгрией и подразумевавший понятие о «санитарном кордоне», выставленном демократической Европой против большевистской России. Кроме того, после страшного опыта эпидемий, приобретённого Сербией за военные годы, в Королевстве СХС бдительно следили за тем, чтобы подобное не повторилось²⁰⁰. Этим опытом можно было воспользоваться и при создании лагерей.

Так, начальник гарнизона в Земуна ещё в ноябре 1918 г. отмечал, что «сербские военные, возвращающиеся домой в Сербию из плена, прибывают в Земун совершенно изможденными, больными и во множестве здесь умирают... Думаю, что с этим хоть как-то можно было бы бороться, если на переправе через Дунай близ Нового Сада поставить патрули, которые направляли бы всех пленных в одно место, где они бы проходили медицинский осмотр и больных можно было бы отправлять в больницу в Новом Саде... поскольку, истомившись по родине, они продолжают свой путь, несмотря на физическую изнурённость, пока не падают в изнеможении, а кроме того, из-за плохого питания в плену их организм не может сопротивляться заразным болезням»²⁰¹. Здесь имеются в виду репатрианты Сербской армии, однако состояние бывших австро-венгерских солдат, возвращавшихся из России, было ничуть не лучше: «Не приспособленные к сибирскому климату, плохо одетые и обутые, не получая достаточного питания и находясь в антисанитарных условиях, военнопленные становились жертвами разных заразных недугов... разумеется, смертность среди них была очень высокой. Только в Туркестане погибло 45 тыс. пленных»²⁰².

Эти меры, продиктованные гуманизмом и государственным интересом, вполне могли быть обращены и на политические цели, учитывая, что ради предотвращения эпидемии считалось допустимым принуждение. Приказ,

²⁰⁰ См., например: ВА. П-3а. К-101. Ф-12. № 44; Ф-13. № 31; Ф-17. № 1; К-110. Ф-18. № 3.

²⁰¹ ВА. П-7. К-92. Ф-1. № 4/1. Документ датирован 15 ноября 1918 г.

²⁰² Вегман, В. Военнопленные империалистической войны // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1: А-Ж. М., 1929.

изданный в феврале 1919 г. министром армии и флота генералом Михаило Рашичем, гласил: «Установлено, что первые случаи заболевания сыпным тифом появились среди пленных и среди тех, кто был интернирован и находился в плену в Болгарии... Больных и с подозрением на заболевание необходимо срочно отделить и отправить в больницу, если она есть в населённом пункте; если же больницы нет, то поместить их в отдельное здание, где они будут изолированы и находиться под конвоем до отправки в лечебное учреждение»²⁰³. Для понимания обстоятельств возникновения и дальнейшего функционирования механизма изоляции и контроля в Королевстве СХС особенно важны два пункта этого приказа: «7) Начальники гарнизонов и военных станций должны следить и знать о месте ночлега каждого проезжающего военного, с тем чтобы своевременно принять необходимые меры в случае, если кто-то из них заболел сыпным тифом. Заболевшим необходимо отвести особые помещения под надзором особых лиц, где должна поддерживаться идеальная чистота. Перед отправлением солдаты должны проходить осмотр, осуществлять который будут специально назначенные для этого лица (врачи старший по званию), и когда будет удостоверено и отмечено в документах, что они здоровы и не заражены вшами, они смогут продолжить путь... 8) Строжайше запрещается посещение больных и лиц с подозрением на заболевание, вплоть до выставления часовых»²⁰⁴. Остается добавить армейских и полицейских чиновников и следователей, чтобы получился интересующий нас тип лагерей, где «отведены особые помещения», «под надзором особых лиц», «запрещено посещение» и «выставлены часовые».

И все-таки принятием «Обзнаны» 29 декабря 1920 г. правительство Королевства СХС создало по-настоящему эффективное оружие, в полной мере отвечавшее целям борьбы против большевизма. «Обзнана» не только не лишала силы документы, которыми до тех пор регулировалась массовая изоляция, но и усиливала их. В преамбуле её содержались многократные ссылки на русский пример, а также упоминались «иностранцы, которые под видом рабочих внедряются в рабочие организации». Характерно, что в «Обзнане» присутствует формулировка «большевистская *зараза*, которая зовется коммунизм»²⁰⁵. Это отсылает к проблемам репатриантов

²⁰³ ВА. П-3а. К-157. Ф-6. № 2. Приказ № 26225 от 4 февраля 1919 г. не был прецедентом, поскольку во время вспышки эпидемии сыпного тифа в Резервном военном госпитале в Митровице 11 ноября 1918 г. предпринимались аналогичные меры. См.: ВА. П-3а. К-101. Ф-13. № 33.

²⁰⁴ ВА. П-3а. К-157. Ф-6. № 2. В том же духе написаны и Правила Постоянной эпидемиологической комиссии, составленные заместителем министра народного здоровья Витомиром Корачем под № 22850, октябрь 1919 г. (Službene novine. 133. 8. новембар 1919. С. 2).

²⁰⁵ Obznana // Enciklopedija Jugoslavija. 6: Maklj-Put. Zagreb, 1965. S. 368 (курсив автора).

и опыту, приобретенному при их решении. Так называемый «Закон о защите государства», принятый 2 августа 1921 г., стал продолжением «Обзнаны», он запрещал всякую коммунистическую деятельность и предусматривал строгие кары, вплоть до смертной казни²⁰⁶. С принятием этих документов правоохранительные органы постепенно избавлялись от сомнений, неведения и (даже!) пренебрежения по отношению к коммунистам и тщательно готовились к борьбе с ними.

Хотя изоляция со временем приобрела главным образом политический смысл, а санитарная профилактика отошла на второй план, нельзя сказать, что её вовсе не было или что она являлась лишь циничной маскировкой других намерений. Конечно, выйдя из лагеря для военнопленных и встретившись на границе своей обновлённой родины со штыками жандармов, которые препровождали в новый лагерь, где поджидали следователи со своими угрозами и подозрениями, любой репатриант мог испытать горечь, унижение, обиду на несправедливость и страх, но это не шло ни в какое сравнение с пропастью, разделившей позднее сущность и фасад нацистских лагерей²⁰⁷.

ОРГАНИЗАТОРЫ РЕПАТРИАЦИИ И ИЗОЛЯЦИИ

Иностранные организации

К иностранным организациям мы относим те, которые являлись частью какой-либо государственной структуры за пределами Королевства СХС или Королевства Сербии.

Императорско-королевская армия, двинувшая в своих эшелонах и маршевых батальонах миллионную массу солдат в их кружное путешествие, пока сама существовала, заботилась об их приёме по возвращении из плена. Между тем «с распадом Австро-Венгрии из Москвы уехал и её представитель, так что все хлопоты по реэвакуации бывших австро-венгерских пленных взял на себя представитель Дании, который по договоренности с Совнаркомом передал организационную часть и саму реэвакуацию пленных специальному комитету, составленному из представителей стран бывшей

²⁰⁶ Историја Савеза комуниста Југославије. Београд, 1985. С. 79. Полное название документа гласит: «Закон о защите общественной безопасности и порядка в государстве».

²⁰⁷ Одна из фабрик смерти, Треблинка II, была замаскирована под обычный лагерь, нацисты изображали из себя медицинский персонал, а здание с газовыми камерами было построено и отделано как древний храм (*Grosman, Vasilij. Treblinski pakao // Delo. 4–5. April-maj 1986. Beograd. S. 178–216.*)

австро-венгерской империи»²⁰⁸. Даже после распада Габсбургской империи большевики ещё некоторое время ориентировались на её территориальное деление при решении проблем недавних её граждан. Этот факт хорошо иллюстрирует взгляд большевистской России на новообразованные государства, в том числе и на Королевство СХС.

Власти транзитных государств (Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Германии, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, Турции, Великобритании и др.)²⁰⁹ неизбежно вовлекались в процесс возвращения военнопленных, так как транспорт с ними пересекал границы этих стран. Они порой сотрудничали с международными организациями, особенно с Красным Крестом. Их задачи были в основном технического свойства: принять возвращающихся, обеспечить их питанием, разместить, организовать врачебный осмотр, банные и парикмахерские услуги, а также отобрать и уничтожить имеющийся у них пропагандистский материал, обеспечить дальнейший транспорт и отправить непрошенных гостей, щедро посыпанных средствами против паразитов, восвояси. Об этом путешествов- вии возвращавшиеся вспоминали по-разному: в Эстонии «американская миссия с шоколадом и сигаретами осматривала их... с детским любопыт- ством, как диких животных из зоосада»²¹⁰, в то время как эстонские власти были значительно строже: «Все документы у нас забрали в Эстонии. Там нас заставили раздеться догола, оставить вещи в вагонах и идти мыться. Наши вещи обыскали, перевернули каждую бумажку... У нас забрали и все деньги»²¹¹. В Латвии они четырнадцать дней сидели в карантине, англичане из Красного Креста использовали это время для их осмотра²¹². Сходным об- разом организовали дезинфекцию и отправку на кораблях литовские вла- сти²¹³. В некоторых местах, например в Германии (в Штеттине и Берлине), репатриантов встречали обильным угощением, даже с лакеями в ливреях, и только потом они проходили медицинский осмотр, мылись и переодева- лись. Однако и здесь изымались и сжигались все печатные издания²¹⁴. В Вене был организован двухнедельный карантин, через который прошли некото- рые группы возвращавшихся²¹⁵, но те, кто не был там задержан, не получили

²⁰⁸ Вукчевич Лазар. Успомене из Октобарске револуције // Зборник Матице српске за друшт- вене науке. 22. 1959. С. 144.

²⁰⁹ АЈ. 516. МГ-33. 4; МГ-38, МГ-69; МГ-89; МГ-108; МГ-137; МГ-138. 2; МГ-204. 3; МГ-210; МГ- 294/3. 35; 36; МГ-543. 18; МГ-961; МГ-1065. 35; МГ-1145. 27, 28; МГ-1200. 5.

²¹⁰ АЈ. 516. МГ-1144. 3.

²¹¹ АЈ. 516. МГ-597. 15, 18.

²¹² АЈ. 516. МГ-1127. 24; а также: АЈ. 516. МГ-500. 12, 13.

²¹³ МГ-392.

²¹⁴ АЈ. 516. МГ-294/3. 35; МГ-543. 18; МГ-597. 17; МГ-1145. 27, 28.

²¹⁵ АЈ. 507. Ф-57/10; АЈ. 516. МГ-1127. 24.

ни куска хлеба, лишь упреки и брань от местного населения: «Почему вы сдались»²¹⁶.

Русская царская армия — важнейший орган, занимавшийся обеспечением военнопленных и отправкой добровольцев в Сербию до революции, а на неподконтрольных большевикам территориях и после нее. И Сербия, и Королевство СХС успешно сотрудничали с представителями антибольшевистской России²¹⁷. После революции делами военнопленных стали заниматься вновь созданные советские и близкие к ним организации. Ключевую роль играл Коминтерн, однако имели значение и различные союзы репатриантов, объединения, секции, комитеты, группы и т. п., формально и с виду функционировавшие самостоятельно, но на самом деле служившие инструментом внешней политики советской России.

Советские учреждения, занимавшиеся репатриацией, были многочисленны и их полномочия нередко пересекались. Так, чтобы покинуть территорию России, репатриант должен был получить разрешение от *Народного комиссариата иностранных дел (НКВД)* и от *Чрезвычайной комиссии (ВЧК)*²¹⁸. Критерии, которыми руководствовался НКВД, типичны для того времени и места: «Учитывая отсутствие нормальных отношений с Югославией и тот факт, что там удерживаются русские пленные, НКВД считает необходимым отправлять в Югославию только пролетарский элемент... [и] не имеет ничего против отправки красноармейцев и бывших военнопленных, лично известных Югославянскому совету, чье возвращение Югославянский совет сочтет предпочтительным в политическом смысле»²¹⁹. Непосредственно репатриацией занималась *Центральная коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж)*, учрежденная Совнаркомом 27 апреля 1918 г., реорганизованная 26 февраля 1920 г. приказом *Народного комиссариата внутренних дел (НКВД)* и переименованная в *Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак)*. Эта организация просуществовала до 11 января 1923 г., когда декретом ВЦИК и Совнаркома были расформированы само Управление и все его местные органы (управления по эвакуации населения, так называемые губэваку и уездэваку)²²⁰.

Комитет по реэвакуации из России являл собой пример организации по делам военнопленных, задуманной с тем, чтобы посредством репатриации установить контакты с правительством Королевства СХС, а впослед-

²¹⁶ AJ. 516. МГ-6.

²¹⁷ AJ. 334. Ф-17. № 348; Jovanović, Miroslav. Kraljevina SHS i antiboljševička Rusija 1918–1924. Skica za sveobuhvatno tumačenje // Tokovi istorije. 1–2. 1995. S. 93–126.

²¹⁸ AJ. 516. МГ-69. 2.

²¹⁹ AJ. 507. Ф-9/35. Документ НКВД РСФСР направил в Югославянский Совет Рабочих и Крестьян в марте 1921 г.

²²⁰ См.: Путеводитель по ЦГВИА. С. 60; AJ. 507. Ф-9/35.

ствии добиться признания им нового большевистского режима в России. Драгиша Лапчевич²²¹ организовал представителям этого комитета Лазарю Вукичевичу и Николе Груловичу встречу с председателем правительства Стояном Протичем. Встреча состоялась в Белграде 18 февраля 1918 г., премьер-министру был вручен меморандум о положении пленных в России. По свидетельству Груловича, «Протич всё принял к сведению и сказал, что правительство уже решило послать свою миссию в Одессу, с тем чтобы совместно с командованием союзников организовать сбор репатриантов и взять на себя заботу о них»²²². Председатель правительства отказался от сотрудничества с большевиками как по этому, так и по любому другому поводу, что отражало его твердую позицию непризнания нового порядка в России, а также служило сигналом недоверия к югославам, обслуживавшим советскую внешнюю политику. Имея это в виду, легче понять противоречивую фразу Лазара Вукичевича, выражавшую и декларативное, и действительное положение Комитета о реэвакуации: «Комитет работал *абсолютно самостоятельно*, но всю его деятельность *непосредственно контролировал* Народный комиссариат национальностей, во главе которого стоял товарищ Сталин. При решении всякого важного вопроса по делам пленных мы, представители иностранных групп, обращались к товарищу Сталину, он казался на первый взгляд грубым, но всегда тепло и по-дружески принимал нас»²²³. За усилиями по решению проблемы репатриации скрывалась цель достигнуть косвенного международного признания советского государства, позднее это подтвердило открытое обращение «Совета представителей югославянских рабочих и крестьян в России» к правительству Королевства СХС, где последнее обвинялось в бездействии в отношении репатриации своих граждан, замалчивании и непризнании советской республики²²⁴. В свете сказанного неудивительно, что решение вопроса о военнопленных растянулось на годы.

Центральная секция югославянского бюро при РКП(б) тоже принимала участие в организации возвращения с подконтрольных большевикам территорий. С июня 1920 г. по июнь 1921 г. этим непосредственно занимался Радован Црвенкович из Вуковара: «Я действовал так: сопровождал эшелон с пленными разных национальностей до границы. Имена плен-

²²¹ Основатель и один из руководителей Сербской социал-демократической партии.

²²² *Грулович, Никола*. Југословенска комунистичка револуционарна група «Пелагић» // Зборник Матице српске за друштвене науке. 22. 1959. С. 117. Вукичевич и Грулович на встречу с премьер-министром прибыли с датскими дипломатическими паспортами и по договору с Коммунистической федерацией иностранных групп, Грулович же при этом являлся ещё и членом Рабоче-крестьянского совета Австро-Венгрии (!). (Там же. С. 108, 109).

²²³ *Л. Вукичевич*. Успомене. С. 144 (курсив автора).

²²⁴ АЈ. 334. Ф-17. 572. Документ датирован 6 апреля 1921 г.

ных были занесены в списки, на каждого из них имелись анкетные данные. Но я передавал пленных и сведения о них только тогда, когда власти в Нарве вручали мне списки и передавали равное число русских пленных, возвращавшихся домой из разных европейских стран... За свою политработу я отчитывался непосредственно руководству III Интернационала»²²⁵. Через руководство Интернационала он, разумеется, подчинился и вождю революции Ленину. Одним из тех, кто отправлял организованные группы пленных в Королевство СХС, был Димитрие Георгиевич (в документах он упоминается также как Джорджевич), секретарь Югославянского совета при Коминтерне, побывавший в плену в Сибири. Его настоящая фамилия была Бугарски, родом он был из Ковина. Позднее участвовал в гражданской войне в Испании как боец Коминтерна, сидел во французском лагере Жир, а в 1944 г. вернулся в Югославию с частями Красной Армии. Затем работал в Отделении защиты народа и Управлении госбезопасности, а в 1953 г. вышел в отставку в чине генерала. Скончался в 1959 г.²²⁶. Поистине, это было невероятное путешествие домой!

Коминтерн. О мотивах и смысле его участия в деятельности по репатриации сказано уже достаточно, но стоит уделить немного внимания механизму его работы и тому, насколько далеко она простиралась. Репатриант Васо Войнович из Крняка упоминает члена Исполкома Коминтерна д-ра Симу Марковича: «Всего нас ехало около двух тысяч человек, со мной были четыре товарища, с которыми я посещал курсы в Москве... Мы отправились в путь по распоряжению Симы Марковича. В транспорт нас посадили, чтобы легче было проехать. Нам четверым помогали советские власти и Центральное бюро югославской коммунистической группы при ЦК РКП(б) в Москве. Все остальные ехали от Красного Креста. Форма была сохранена»²²⁷. Войнович вернулся домой в октябре 1921 г., он был одним из тысячи двухсот слушателей большевистских курсов, семьдесят пять человек из которых уже попали в заключение в Мариборе. После этого случая Сима Маркович позаботился о том, чтобы впредь не посылать такие большие группы, уменьшая тем самым риск. Однако, несмотря на меры предосторожности, действия и методы большевиков недолго оставались тайной для соответствующих органов Королевства СХС, это видно из документа, датированного январём 1919 г., которым министр полиции Светозар Прибичевич уведомлял председателя земельного правительства Боснии и Герцеговины Атанасие Шолю: «В Москве организованы специальные школы по подготовке агитаторов для распространения большевистских

²²⁵ AJ. 516. МГ-137. 8.

²²⁶ AJ. 516. МГ-331. 2; Ућесници. S. 38–44.

²²⁷ AJ. 516. МГ-1257. 8. То же утверждал и Павел Кукец из Загреба: AJ. 516. МГ-543. 17.

идей за пределами России. Кроме того, подготовлено множество литературы на сербохорватском и словенском языках... Нужно стараться задержать их при пересечении границы»²²⁸.

Военное министерство Великобритании, в лице Департамента по делам военнопленных, при содействии Форин Офис организовывало сбор и возвращение сербов, хорватов и словенцев, взятых в плен британскими войсками на полях сражений, по всему миру. В Посольство Королевства СХС в Лондоне обращались за помощью репатрианты из Южной Африки, Египта, Индии, Ливерпуля, Новой Зеландии и с Мальты, а также, вероятно, и из других точек земного шара. Среди них было немалое количество репатриантов из России. Хронические сложности с содержанием и транспортировкой время от времени обострялись, особенно когда случался большой наплыв репатриантов, а в начале 1920 г. «англичане отказали военному представителю [Королевства СХС] в Лондоне во всякой помощи, в том числе в снабжении и транспорте»²²⁹. В 1919 г. в Индии при урегулировании одного из таких инцидентов Вооружённые силы британской короны поместили в лагерь Ахмеднагар находившихся в той части света граждан Королевства СХС до тех пор, пока не был решён вопрос о финансировании их возвращения. Согласно действующим тогда правилам, пленные, где бы они ни находились, после освобождения попадали под опеку государства, подданными которого являлись, хотелось того государству или нет²³⁰.

Французская военная миссия в Сибири ещё с 1917 г. была уполномочена представлять интересы правительства Королевства Сербии, а затем и Королевства СХС, совместно с генеральным консулом Йованом Д. Миланковичем и сербскими военными миссиями, которые на огромных российских просторах просто не могли поспеть всюду, где оказывалось нужно их присутствие. Возникавшие проблемы зачастую выходили за рамки тривиальных, а судьбы тысяч людей зависели не только от нужды в насущном (недостатка денег и транспорта), но и от политических расчётов²³¹. В Сибири между французами, чешским корпусом и некоторыми группами хорватов (особенно из 1-го югославянского полка «Матия Губец») установилась своеобразная общность, они вместе противостояли местным представителям Королевства СХС. 20 января 1920 г. генеральный консул Йован Миланкович писал из Владивостока военной миссии Королевства СХС в России, что хо-

²²⁸ K. Isović. *Odjeci*. S. 414–415.

²²⁹ AJ. 336. Ф-60. Дос. V, XII. R/1. № 5429. Министерство иностранных дел за № 17303, 24 января 1920, Королевской делегации на мирной конференции в Париже.

²³⁰ AJ. 334. Ф-2. 214; 341. Ф-2. 1919, досье «зар».

²³¹ AJ. 334. Ф-2. 212–215. Ответ министра иностранных дел Николы Пашича на посольский запрос Милана Прибичевича о судьбе подданных Королевства СХС на Дальнем Востоке.

рошо бы «привлечь к уголовной ответственности офицеров, распускающих клеветнические слухи о моей официальной должности, называющих меня самозванцем, консулом на пенсии, спекулянтom и атаманом. Так обо мне отзывались проф. Блаж Рукавина, генерал Жанен, полковник Леграс, Верже, Премужич, Пайо Грегориц, Роберто Валгони и несколько других злонамеренных персон, которые были единственным и чрезвычайно неудобным элементом за весь этот тяжёлый, долгий период»²³². Французы хотели использовать сформированные из бывших пленных батальоны в борьбе с большевиками, но сами пленные и консул Миланкович настаивали на возвращении домой. Не сумев взять под свое командование эти формирования (по преимуществу сербские), французы попытались распустить их, используя предателей из корпуса²³³. Это дало бы возможность впоследствии формировать из части этих людей новые отряды во главе с лояльными офицерами, в основном хорватами и словенцами, которые стали бы послушным орудием в руках французской внешней политики. Когда обязанности Миланковича перешли к поверенному в делах Королевства СХС в России Божидару Пуричу, последний был вынужден сотрудничать с генералом Лаверном, командующим французской базой во Владивостоке, руководившим эвакуацией с Дальнего Востока. Однако сотрудничество развивалось очень медленно, поскольку французский генерал по любому вопросу должен был запрашивать французское военное министерство, а Пурич — консультироваться с Министерством иностранных дел Королевства СХС. И даже если обе стороны достигали согласия, для отправления корабля необходимо было разрешение Союзнического комитета в Париже²³⁴, а ситуация тем временем могла измениться настолько, что принятые наконец решения теряли смысл.

Впрочем, не только англичане и французы были задействованы в решении проблемы репатриации бывших военнопленных. По словам занимавшего тогда должность председателя Совета Министров и министра внешних сношений Королевства СХС Николы Пашича, помимо перечисленных сторон «и прочие союзники репатриировали каждого нашего соотечественника, изъявлявшего такое желание»²³⁵. Примеры таких действий «прочих союзников» очень редки, по-видимому, речь шла о единичных случаях.

²³² АЈ. 375. Ф-4. № 2991. Поверенный в делах Королевства СХС в России за № 2991 от 20 января 1920 г., Военной миссии Королевства СХС в России. Подобное: АЈ. 336. Ф-60. Дос. В, XII. Р/1. № 5429; ВА. П-10. К-3. Ф-1. № 11/1920.

²³³ АЈ. 334. Ф-17. 348. Телеграмма № 232, направленная 8 марта 1919 г. посольством Королевства СХС в Вашингтоне Министерству иностранных дел в Белград.

²³⁴ АЈ. 507. Ф-122/6. Поверенный в делах в России Б. Пурич посольству Королевства СХС в Париже, март 1920 г. Дата и номер документа неразборчивы.

²³⁵ АЈ. 334. Ф-2. 214.

Международные организации

Принимая во внимание внешнеполитические обстоятельства, особенно нестабильность ситуации в России, понятно, что без участия международных организаций репатриация, вероятно, была бы неосуществима.

*Международный красный крест*²³⁶ на протяжении всей войны и позднее обеспечивал военнопленным переписку и посылки, а затем организовывал для них транспорт для возвращения на родину. Есть данные, что деятельность Красного Креста использовалась для надзора над военнопленными, по крайней мере, когда во главе него стояли англичане, как это было в Риге в 1921 г. Проблемы репатриации с подконтрольных большевикам территорий во время гражданской войны ясно и ёмко изложил Никола Пашич в мае 1921 г.: «Что касается советской России, то Королевское Правительство могло осуществить репатриацию наших соотечественников оттуда только при поддержке Красного Креста. Сначала оно пересылало продовольствие и репатриировало наших граждан, насколько это было возможно и насколько это разрешало Советское правительство, через Датский Красный Крест, а затем, с апреля прошлого года, через Международный Комитет Красного Креста в Женеве, которому выделяло необходимые кредиты. Кроме того, наш Красный крест обращался к Советскому правительству с просьбой дать разрешение на репатриацию, но безуспешно»²³⁷. К концу 1921 г. положение не изменилось. Когда русские беженцы обратились к властям Королевства СХС с просьбой оказать содействие в вывозе их семей из России, им ответили, что «Министерство иностранных дел не имеет возможности вернуть даже своих граждан, поскольку большевистское правительство не даёт разрешения»²³⁸. Со своей стороны, большевики в целях пропаганды раздували эту ситуацию, намекая, что Королевство СХС намеренно и по понятным политическим причинам не хочет репатриировать своих поданных из России²³⁹. Разумеется, это было ложью, но бывшим пленным могло казаться правдой.

Международный Красный Крест работал дольше остальных международных организаций — с 1914 по 1938 гг., включая бурный период револю-

²³⁶ AJ. 450 (фонд полностью); AJ. 516. МГ-134. 4; МГ-597. 15, 16; МГ-1127. 24.

²³⁷ AJ. 334. Ф-2. 214.

²³⁸ AJ. 14. Ф-101. 680. Начальник генерального штаба Потисского дивизионного округа, майор Б. Пантич шефу тайной полиции по Бачке, Банату и Баранье в Субботице, 17 декабря 1921 г.

²³⁹ AJ. 334. Ф-17. 572. Обращение Совета представителей югославянских рабочих и крестьян в России к Королевству СХС (листовка) от 6 апреля 1921 г.

ции и гражданской войны в России²⁴⁰. Со временем все труднее становилось добиваться от Советов разрешения на репатриацию бывших пленных из «пролетарской страны», иногда это приводило к настоящим семейным драмам²⁴¹. Официальная переписка на французском и русском языках, как правило, длилась долго, иногда целое десятилетие, исход же её до последнего момента оставался неясным. До 1938 г. было принято 531 прошение, а удовлетворено 274. Жива Степанов из Меленец, пытавшийся вызвать своего брата Драгутина, его русскую жену и их троих детей, живших в Челябинске, рассказал, что творилось за фасадами государственных ведомств: «Советские власти оказывают на него давление, чтобы он принял гражданство Советской России, он не хочет этого делать»²⁴². Если бы он поддался давлению, то лишился бы и того крошечного шанса уехать из России, который у него ещё оставался.

Версальский договор, подписанный на Парижской мирной конференции 28 июня 1919 г., в статьях 214–224 регулировал решение вопроса репатриации пленных и интернированных во время войны²⁴³. Но поскольку обязательства налагались только на побежденную сторону, а возвращающиеся из России были пленными одного из государств Антанты, договор проблему не решал. Конференция также положила, что «должны быть освобождены все военнопленные, являвшиеся подданными бывшей австро-венгерской монархии»²⁴⁴, в этих целях «Высший Совет в Париже... на заседаниях 27 сентября и 2 октября постановил образовать комиссию, в состав которой войдут по одному американскому, итальянскому, французскому и японскому офицеру, а её задачей станет репатриация чехословацких, польских, югославских и румынских войск из Сибири»²⁴⁵. Однако и это проблему не решало, так как на территории, подконтрольной большевикам, эти постановления теряли силу.

Решения Парижской мирной конференции не соблюдала и Италия, страна, оказавшая влияние на их принятие, что, впрочем, расходилось с её внешнеполитическими интересами. На расспросы посла Королевства СХС в Риме Антониевича о пленных и интернированных гражданах Королев-

²⁴⁰ AJ. 450. Ф-14. № 271. В письме № 4122 от 11 июня 1938 г. представитель Международного Комитета Красного Креста в СССР В. Верлен сообщил Якобу Самоловацу, что в связи с предстоящим прекращением его деятельности на территории страны по всем вопросам относительно репатриации надо обращаться в югославское консульство в Женеве.

²⁴¹ См., к примеру, случай Илии Нягуля, который не является единичным (AJ. 450. Ф-12).

²⁴² AJ. 410. Ф-4. Жива Степанов Министерству иностранных дел Королевства СХС, 23 февраля 1932 г. Вопрос разрешён только в 1937 г.

²⁴³ The Peace Treaty of Versailles // www.lib.byu.edu/crdh/wwi/versailles.html.

²⁴⁴ AJ. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5. № 2838. Посольство Королевства СХС в Париже Делегации на мирной конференции, № 2351, 25 июля 1919 г.

²⁴⁵ AJ. 336. Ф-60, Дос. V. XII. R/1. № 4605.

ства СХС помощник секретаря итальянского Министерства иностранных дел граф Карло Сфорца и председатель правительства Франческо Нитти ответили, что их освобождению противятся «военные круги»²⁴⁶. Спустя некоторое время Сфорца без особых церемоний спросил Антониевича: «Как может Италия дать ружья в руки людям, которые завтра, возможно, нацелят их на Италию?»²⁴⁷ Вместо желаемого освобождения югославских пленных в Италии по постановлению Парижской мирной конференции, до или, по крайней мере, одновременно с австрийскими, венгерскими и немецкими пленными, официальному представителю Королевства СХС намекали на перспективу вооружённого конфликта.

Лига Наций, созданная на Парижской конференции с целью «развития сотрудничества между народами и гарантии их мира и безопасности»²⁴⁸, тоже вмешалась в решение вопроса о судьбе военнопленных. Уже на первом своем заседании в апреле 1920 г. новая международная организация поручила норвежскому географу Фритьофу Нансену в качестве верховного комиссара по делам военнопленных и по оказанию помощи пострадавшему населению России организовать возвращение бывших военнопленных, которых в то время на территории России насчитывалось около полумиллиона человек. В сентябре 1922 г. на третьей сессии Лиги Наций Нансен доложил, что поставленная задача выполнена и 427886 человек вернулись домой. Это было невероятное мероприятие, учитывая недоверчивость большевиков, свирепствовавшие заразные болезни (трое помощников Нансена умерли от тифа), огромные расстояния, разбитые дороги и колоссальную массу пленных, являвшихся представителями двенадцати народов из двадцати шести стран мира²⁴⁹.

В выполнении этой сложнейшей задачи Нансену помогли правительства заинтересованных государств, в том числе и Королевства СХС. Через свое Министерство иностранных дел оно участвовало в финансировании мероприятия с кредитом от 70 тыс. фунтов стерлингов, тогда как остальные государства вместе взятые до мая 1921 г. выделили на репатриацию 170 тыс. фунтов. Этот факт служит мерилom заинтересованности в решении проблемы военнопленных²⁵⁰. Контроль над расходом предоставленных

²⁴⁶ АЖ. 336. Ф-62. Дешеша № 3808 от 20 сентября 1919 г.

²⁴⁷ АЖ. 336. Ф-62. Дешеша № 3219 от 16 августа 1919 г.

²⁴⁸ Treaty of Versailles, преамбула. И Королевство СХС, и Королевство Италия входили в число стран-основателей.

²⁴⁹ Лудвиг, Емил. Војни Европе. Београд, 1935. С. 33–36; *Поповић, Бура*. Лига народа, њен поставанак, уређење и рад. Београд, 1931. С. 244; Nansen Fridtjof // Britannica CD; *Јовановић, Мирослав*. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996. С. 30–31.

²⁵⁰ АЖ. 334. Ф-2. 215. Ответ министра иностранных дел Николы Пашича на посольский за-

средств должен был осуществлять Совещательный комитет, в состав которого по просьбе Нансена каждое правительство делегировало по одному чиновнику²⁵¹, финансовую отчетность можно поэтому считать достоверной. Транспортные расходы составили свыше 400 тыс. фунтов стерлингов, или один золотой фунт (примерно 250 тогдашних динаров), на человека²⁵². Эти данные существенны для установления количества репатриантов и реальных результатов усилий правительства по возвращению их домой. Известно, что в адрес королевской администрации и после мая 1921 г. поступали касающиеся репатриации²⁵³ финансовые претензии, следовательно, предоставленных кредитов оказалось недостаточно для покрытия всех транспортных расходов граждан Королевства. Это косвенно свидетельствует о том, что Нансен вернул на родину более 70 тыс. подданных этой страны.

Организации Королевства СХС

Участие в хлопотах по возвращению репатриантов из большевистской России по понятным причинам не вызвало воодушевления в правящих кругах Королевства трехименного народа, хотя избежать этого было невозможно. Первая реакция военного министра Михайло Рашича была импульсивной и лишенной дипломатического такта. В начале 1919 г. он потребовал от начальника штаба Верховного командования «не пускать в страну югославян, прибывающих из России и одурманенных большевистскими идеями»²⁵⁴. Вскоре, однако, с характерным замечанием «поскольку мы всё равно вынуждены их принять»²⁵⁵, началось обсуждение вопроса, каким образом контролировать «большевиков», когда они всё же окажутся на территории страны: посредством «концентрационных лагерей» или «исправительных работ»? Эти меры воспринимались как неприятные и рискованные, но неизбежные. Хотя репатриацией занимались и дипломатические представительства Королевства СХС через посольские запросы, практические решения были за исполнительными органами государства.

прос Милана Прибичевича о судьбе подданных Королевства СХС на Дальнем Востоке.

²⁵¹ АЈ. 341. Ф-1. Телеграмма А. Трумбича посольству Королевства СХС в Лондоне, №9983, 18 сентября 1920 г.

²⁵² Ђ. Поповић. Лига народа. С. 244. Для сравнения: Nikolić, Goran. Kurs dinara i devizna politika Kraljevine SHS 1918–1941. Beograd, 2003. S. 69, 70.

²⁵³ См.: АЈ. Ф-237; Ф-238; АЈ. 341. Ф-II. 1926.

²⁵⁴ ВА. П-3. К-163. Ф-5. № 16/17. Министр армии и флота Михайло Рашич начальнику штаба Верховного командования, 26 февраля 1919 г.

²⁵⁵ ВА. П-3. К-166. Ф-6. № 13/53. Начальник штаба Верховного командования полковник Йованович министру армии и флота, 4 марта 1919 г. АЈ. 507. Ф-121.

9 февраля 1919 г. *Совет министров* постановил, что «все граждане Королевства сербов, хорватов и словенцев, состоявшие на военной службе у бывшей Австро-Венгерской монархии, а ныне находящиеся на территории России в качестве военнопленных, должны быть эвакуированы из России и доставлены на родину усилиями государства и под его контролем»²⁵⁶. Тем самым фактически было одобрено предложение министра внутренних дел Светозара Прибичевича о направлении в Одессу «специальной миссии» министерства с целью организации репатриации, разъяснения репатриантам новой ситуации в стране, противодействия большевистским идеям и предотвращения проникновения большевиков в Королевство. Руководителем миссии был назначен Миливой Ямбришек, членами её стали Джуро Коломбатович, Янко Котник и Милан Банич. Им было ассигновано 200 тыс. динаров из чрезвычайного кредита на военные нужды²⁵⁷. В этом крупном и длительном мероприятии принимало участие несколько министерств, тесно сотрудничавших между собой, представители которых находились в непосредственном контакте с возвращавшимися. Так, к примеру, Королевское дипломатическое представительство в Будапеште попросило командировать полицейского чиновника, который выискивал бы среди репатриантов большевиков²⁵⁸, а МИД по требованию Министерства армии и флота должен был следить за снабжением возвращавшихся всем необходимым и добиваться предоставления транспорта от правительств тех стран, где они находились²⁵⁹.

Министерство иностранных дел с его дипломатическими представительствами и консульствами являлось главным организатором репатриации. Хотя сведения о возвращавшихся никогда не были систематизированы, судя по всему, именно это министерство располагало наибольшим их количеством²⁶⁰. По доступной ныне информации, непосредственно были задействованы следующие представительства:

— Делегация Королевства СХС на Парижской мирной конференции, контактировавшая с зарубежными политиками и готовившая дипломатическую базу для репатриации своих граждан из России²⁶¹. Но на конференции можно было только поставить проблему. Записка, датированная ноябрём 1919 г., которую министр армии и флота генерал Стеван Хаджич

²⁵⁶ Предложение министра внутренних дел № 3461, 9 февраля 1919 г., в тот же день принятое Советом министров.

²⁵⁷ АЈ. 507. Ф-121.

²⁵⁸ АЈ. 334. Ф-14. 18.

²⁵⁹ АЈ. 507. Ф-125/2.

²⁶⁰ АЈ. 334. Ф-2. 212–215. Ответ министра иностранных дел Николы Пашича на посольский запрос Милана Прибичевича о судьбе подданных Королевства СХС на Дальнем Востоке.

²⁶¹ АЈ. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5. № 2838.

направил председателю Совета министров Любомиру Давидовичу, пояснила, что «репатриация наших граждан из неприятельских государств, где военные власти могли требовать и организовывать все необходимое, осуществлена в соответствии с мирным договором. Однако репатриация наших граждан из союзных и дружественных государств должна регулироваться дипломатическим путем, никак иначе невозможно», ниже добавлено: «особенно из Италии и из России»²⁶². Это абсурдное на первый взгляд сообщение чётко очерчивает проблему: проигравшие государства *должны были* вернуть пленных, остальные же *могли* их использовать в качестве ставки в дипломатической игре и средства давления на Королевство СХС, что, собственно говоря, и происходило.

— Посольства и дипломатические представительства Королевства СХС в Константинополе, Каире, Вене, Афинах, Бухаресте и России, через которые проходили репатрианты и где их допрашивали чиновники Королевства СХС, а иногда (как, например, в Константинополе) и военно-полицейские органы союзников²⁶³. Получив уведомление от МИДа, Министерство внутренних дел оповещало свою оперативную сеть, а та осуществляла приём и надзор над репатриантами. На практике это происходило таким образом: «Наш представитель в Каире сообщает, что на днях должны прибыть 2470 наших подданных. Об их прибытии извещены пограничные власти... которые уведомят надлежащие органы о виде транспорта, которым прибудут означенные лица»²⁶⁴. Некоторые представительства писали ходатайства военным властям союзников (на сербском и французском языках), прося разрешить бесплатный проезд и оказать разного рода помощь той или иной группе югославских военных, прибывших из России²⁶⁵. Занимаясь проблемами репатриации, посольства в Париже, Лондоне, Берлине, Копенгагене и др. входили по мере необходимости в прямые или опосредованные отношения с иностранными и международными организациями, включая даже осторожные попытки контактов с большевистской Россией²⁶⁶. Так, в марте 1920 г. у поверенного в делах Королевства СХС во Владивостоке Божидара Пурича состоялась беседа с представителем большевиков, впрочем, нет доказательств, что она

²⁶² АЈ. 507. Ф-114/3. Министерство армии и флота №40784, 10 ноября 1919 г., председателю Совета министров.

²⁶³ АЈ. 14. Ф-161. 201; 224; 229; Ф-232. 421; 585; АЈ. 370. Ф-1; АЈ. 507. Ф-120/2, 4, 5; Ф-121. 95; АЈ. 516. МГ-69. 2.

²⁶⁴ АЈ. 14. Ф-161. Великий жупан и правительственный комиссар Великого Бечкерка д-р Богданович, МВД, Департамент Бачки, Баната и Бараньи, №6360/921, великим жупанам и градоначальникам с правами жупанов, 31 мая 1921 г.

²⁶⁵ АЈ. 14. Ф-232. 585. Ходатайство Посольства Королевства Сербии в Константинополе от 17 августа 1919 г. Ниже шёл список имен, печать и подпись посла.

²⁶⁶ АЈ. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5. № 2838; Ф-60. Дос. VI. №4955; АЈ. 341. Ф-1. 1920.

принесла какие-то плоды²⁶⁷. Собеседников, равно как и два мира, которые они представляли, разделяла идеологическая непримиримость, полная непонимания, ненависти и даже отвращения, о чем свидетельствует доклад Пурича об этой встрече: «Имею честь информировать Министерство, что сегодня у меня состоялся разговор с Виленским-Сибиряковым, уполномоченным представителем Центрального Советского правительства из Москвы. Он очень молод, одет как пролетарий, со всклокоченной шевелюрой, неопрятен, всё это ещё разительнее выделяется на фоне убранства дворца, принадлежавшего раньше командующему округом генералу Розанову»²⁶⁸.

— Консульства Королевства СХС в Одессе, Вене, Пеште, Владивостоке, Салониках, Варшаве и Варне располагались по основным маршрутам возвращения бывших пленных²⁶⁹. В консульствах репатриантов обыскивали и допрашивали, а выдача и визирование паспортов давали возможность производить определённый отбор. Обладателей австрийского паспорта в страну не пускали, а тех из них, кому удавалось проникнуть на территорию Королевства СХС, разыскивала и высылала полиция. Кроме того, на каждую пересекавшую границу группу репатриантов дипломатические представители передавали пограничной полиции поимённые списки и письменные предупреждения, если возникали какие-то опасения. Так, например, посольство в Афинах писало консульскому отделу в Салониках: «Королевское Посольство имеет честь обратить внимание Консульства на остальных пленных, которые неминуемо пройдут через Салоники, так как среди них, по их же заявлению, находятся подозрительные лица, а именно большевики, которые во время плена вели себя враждебно по отношению к Сербии и Объединённому Королевству. Убедительная просьба к Консульству допросить названных лиц на указанный предмет и сообщить надлежащим властям, а в отношении проходящих через Салоники применить меры предосторожности». На оборотной стороне листа помета рукой Д. Живковича, начальника бывшего лагеря для беженцев в Салониках, после войны ставшего сборным пунктом репатриантов: «Их имена записанной лично, буду иметь в виду при отправке их в наше Королевство»²⁷⁰.

— Представители МИД в Константинополе, Триесте и Будапеште. О представителе в Будапеште известно, что в июне 1919 г. он был послан специально «для защиты и опеки подданных Королевства сербов, хорва-

²⁶⁷ АЈ. 336. Ф-60. Дос. V. R/1. № 5482; АЈ. 334. Ф-1. 689–690.

²⁶⁸ АЈ. 507. Ф-121. Посольство Королевства СХС в России, № 213, 21 марта 1920 г., Министерству иностранных дел.

²⁶⁹ АЈ. 14. Ф-161. 201; 224; 229; Ф-232. 421; АЈ. 334. Ф-14. 18; АЈ. 516. МГ-38. 4; МГ-69. 1; МГ-195. 8; МГ-230. 2.

²⁷⁰ АЈ. 14. Ф-232. 421. Посольство Королевства СХС в Афинах своему Консульскому отделу в Салониках, № 674, 22 апреля 1920 г.

тов и словенцев, находящихся на территории Венгрии»²⁷¹. Эти чиновники не состояли в постоянном штате сотрудников консульских и дипломатических представительств, их миссия носила временный характер и заключалась непосредственно в решении проблем репатриантов.

Министерство армии и флота и его заграничные миссии, представители и комендатуры также сыграли исключительно важную роль. Совместные действия с МИДом описал военный министр Стеван Хаджич, пояснивший, что репатриацией граждан Королевства СХС занималось Министерство иностранных дел, а «военные представительства и миссии осуществляют репатриацию наших военных и по требованию дипломатов оказывают помощь в репатриации остальных наших граждан... Там, где нет дипломатических представителей, репатриация переходит в ведомство военных представительств и миссий»²⁷². Чуть позже и Министерство финансов подтвердило, что «репатриация вменяется в обязанность Королевским представительством», а «Министерство армии и флота может оказать содействие только в технических вопросах осуществления репатриации, однако от него не зависит финансовая сторона вопроса, а также транспортировка»²⁷³.

— Военные миссии Королевства СХС в России²⁷⁴, помимо прочего, занимались и отправкой подданных Королевства на родину. Одна миссия с конца 1919 г. по ноябрь 1920 г. действовала на юге России, на территории, подконтрольной сначала генералу А. И. Деникину, а потом П. Н. Врангелю. Её задачи определялись приказом министра армии и флота Стевана Хаджича, в их число входил «поиск и отправка на родину всех граждан Королевства сербов, хорватов и словенцев. При этом особое внимание обращать на большевистские и подозрительные элементы и ни под каким видом не допускать их в страну. Использовать наиболее удобные пути сообщения и любые доступные транспортные средства»²⁷⁵. Миссия должна была работать в контакте с российскими и союзными организациями, а также ведомствами Королевства СХС, располагавшимися на маршрутах репатриации. Вторая миссия с июня 1919 г. находилась в Омске, а затем перемести-

²⁷¹ ВА. П4/І. К-103. Ф-4. 31/2; Константинополь: АЈ. 370. Ф-1; Триест: АЈ. 334. Ф-2. 212–215.

²⁷² АЈ. 507. Ф-120/5. Направлено министру иностранных дел А. Трумбичу, № 37991, 3 октября 1919 г. Согласно этому документу, основной причиной замедленного процесса репатриации стал недостаток финансовых средств.

²⁷³ АЈ. 507. Ф-114/3. 10 ноября 1919 г., Министерство армии и флота председателю совета министров Л. Давидовичу и министру иностранных дел А. Трумбичу со ссылкой на письмо Министерства финансов от 24 сентября 1919 г.

²⁷⁴ М. *Jovanović*. Kraljevina SHS i antiboljševička Rusija. S. 122–124.

²⁷⁵ АЈ. 507. Ф-125/2. Документ № 38341 от 15 октября 1919 г. на основании доклада председателя Совета министров № 4414 от 22 августа 1919 г.

лась дальше на восток, где осуществляла (или должна была осуществлять) отправку по морю из Сибири на родину в первую очередь сформированных добровольческих отрядов и более или менее организованных групп, а также остальных граждан²⁷⁶. В феврале 1920 г. миссия из Сибири была отозвана, вероятно, потому, что там не оставалось более подданных Королевства СХС. Когда же они появились, в марте в Сибирь направили новую военно-дипломатическую миссию, остававшуюся там до октября того же года. Надо сказать, что появлялись и ложные миссии, через которые отдельные авантюристы пытались извлечь финансовую выгоду. Это вынудило генерала Хаджича в упомянутом приказе распорядиться «препроводить оттуда всех наших самозванных военных посланников, незаконно представляющих наше государство в российских и союзных инстанциях, поскольку во всей России, помимо этой Миссии и миссии подполковника Любиши Любишича во Владивостоке, нет никаких других официальных представителей и посланников»²⁷⁷. Предположительно, одна такая «миссия» действовала на Кавказе в июне 1919 г., за «исполняющего обязанности» её «секретаря» выдавал себя какой-то Владимир Винда²⁷⁸. Территория большевистской России для этих миссий была недоступна, и репатриация оттуда осуществлялась через Международный Красный Крест и миссии Нансена²⁷⁹.

— Военная канцелярия в Вене (до марта 1919 г.), затем Военная миссия²⁸⁰ имела особое значение, так как курировала наиболее активно и продолжительно использовавшийся маршрут возвращения бывших пленных, в конце которого находился мариборский приёмный лагерь.

— Военная миссия в Будапеште также была важна, хотя срок её деятельности не столь долог. Работавший там посланник майор Михайло Боди в марте 1919 г. организовал «этапную комендатуру» в одной из казарм, где осуществлялись приём, сбор и пересылка репатриантов, питание которых обеспечивало венгерское правительство. Для нужд этой «этапной комендатуры» Боди попросил Верховное командование выделить «одного офицера с пятью унтер-офицерами и трех рядовых на должности старшин и поваров»²⁸¹.

²⁷⁶ M. Jovanović. Kraljevina SHS i antiboljševička Rusija. S. 122.

²⁷⁷ AJ. 507. Ф-125/2.

²⁷⁸ АС. Личный архив Мирослава Спалайковича. 66: письма Винды Спалайковичу, послу Королевства Сербии в России; AJ. 307. Ф-1. Телеграмма № 5988 министра торговли и промышленности М. Нинича посольству Королевства СХС в Константинополе от 10 июня 1920 г. и ответ посольства.

²⁷⁹ AJ. 334. Ф-2. 212–215.

²⁸⁰ ВА. П-3а. К-49. Ф-6. 38; AJ. 14. Ф-224. 20; AJ, 507. Ф-120/2, 4, 5.

²⁸¹ ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/61. Телеграмма майора Боди № 1357, отправленная Верховному командованию 6 марта 1919 г.

— В Бухаресте также действовала военная миссия. Репатриантов, прибывавших через Черновицы в Буковине, встречал чешский представитель и через Темешвар и Бухарест отправлял их в Королевство СХС²⁸².

— Посланники Министерства армии и флота в Париже, Лондоне, Константинополе, Таранте и Салониках. Через военное министерство поддерживались контакты с иностранными военными миссиями в Королевстве СХС и за границей, которые могли оказать помощь в репатриации²⁸³.

— Сербская местная комендатура в Салониках, через которую некоторых репатриантов сначала пересылали в бывший лагерь Сербской армии в Микре, а оттуда к пунктам их назначения в Королевстве²⁸⁴.

При каждом дипломатическом и консульском представительстве Королевства СХС существовали пропускные пункты от *Министерства внутренних дел*, расположенные на основных маршрутах возвращения бывших пленных. Они были организованы по ходатайству МИД, попросившего направить «одного опытного полицейского чиновника, владеющего венгерским и немецким языками» в дипломатическое представительство в Будапеште «для выявления большевиков среди наших граждан»²⁸⁵. Это был второй уровень фильтрации после того, который осуществляли военные и дипломатические представительства Королевства СХС в самой России.

Третий уровень фильтрации репатрианты проходили при въезде в страну в пограничных полицейских комиссариатах и лагерях, созданных армией и затем перешедших в ведение полиции. В циркулярном письме, направленном Департаментом общественной безопасности Министерства внутренних дел земельному правительству в Загребе, относительно прибытия «анархистов и большевистско-коммунистических элементов», депортированных американскими властями, указано, что «полицейские власти, прежде всего находящиеся в пограничных точках (морских и железнодорожных), должны каждого анархиста и большевика-коммуниста тщательно обыскать, все подозрительные книги, документы, листовки, рисунки, записки, касающиеся большевистского движения, изъять и доставить в Министерство. После этого... отправить этих анархистов-большевиков в места их проживания и об их приезде известить тамошние компетентные органы»²⁸⁶. На этот или какой-то другой подобный циркуляр имеется ссылка

²⁸² АЖ. 507. Ф-120/2; 4; 5; АЖ. 516. МГ-33. 4; МГ-1065. 35.

²⁸³ АЖ. 336. Ф-60. Дос. V. XII. R/1. № 5429; АЖ. 370. Ф-1; АЖ. 507. Ф-121; ВА. П-4/II. К-53. Ф-28. № 12/122; ВА. П-4/III. К-55. Ф-12. № 25/1; ВА. П-4/I. К-19. Ф-1. № 5/1. 307, 308.

²⁸⁴ АЖ. 14. Ф-232. 585; АЖ. МГ-69. 2.

²⁸⁵ АЖ. 334. Ф-14. 18. Требование № 11404 от 19 сентября 1919 г.

²⁸⁶ АЖ. 507. Ф-167/61. Такие и подобные письма, подписанные министром внутренних дел Любомиром Давидовичем, циркулировали по соответствующим ведомствам до и после 8 мая 1920 г., которым датируется цитируемый документ № 3613.

в акте о «Методах, которые надлежит применять по отношению к большевистским агитаторам, возвращающимся из России», год спустя обошедшем министерства и ведомства. В акте указано, что в отношении этих агитаторов должны применяться те же меры предосторожности, что и против сомнительных лиц, прибывших из Америки²⁸⁷.

Фильтрацию четвертого уровня репатрианты проходили в местах своего рождения или проживания, которые они не имели права покидать без разрешения властей (за исключением найма на работу). Для выезда куда-либо требовалось получить соответствующую санкцию, однако и тогда наблюдение не снималось. Если на одном из уровней фильтрации поднадзорный производил впечатление субъекта особо подозрительного или был замечен как враг общественного порядка, то его отправляли для дальнейшей полицейской обработки на Джорджичеву улицу в Загребе или в белградскую Главнячу²⁸⁸.

Министерство финансов и Экономико-финансовый комитет министра, назначавшие жалование военным миссиям, занимались также и финансированием репатриации. В Министерстве финансов существовал особый Департамент по делам пленных и интернированных. Помимо чисто финансовых вопросов, этот департамент зачастую располагал сведениями о местонахождении, количестве и положении граждан Королевства СХС, попавших в плен или интернированных во время войны²⁸⁹. На долю Министерства финансов выпали самые продолжительные и трудные хлопоты по вопросу репатриации. В 1924 г. оно выплатило Франции «11 177 704,24 франка за содержание примерно 4000 собранных воедино сербов и югославов, которые после революции и перед приходом большевиков блуждали по русскому Дальнему Востоку — в Маньчжурии и Владивостоке»²⁹⁰. Были выплачены также 48646 фунтов стерлингов, 16 шиллингов и 8 пенсов, полученные администрацией Королевства СХС от британского правительства на транспортировку югославских граждан с азиатского Дальнего Востока²⁹¹. На этом фоне изумляет тот факт, что Министерство финансов упорно отказывалось возместить англичанам расходы по перевозке 33 югославских репатриантов из Индии и 96 из Новой Зеландии. Благодаря изощрённой дипломатии и бюрократической мелочности решение этого вопроса затянулось с момента репатриации в 1920 г. до 1940 г., и новую Мировую

²⁸⁷ AJ. 507. Ф-162/435. Похожее: AJ. 14. Ф-91. 561, 563, 565, 566; AJ. 14. Ф-106. 18; AJ. 14. Ф-167. 105.

²⁸⁸ AJ. 516. МГ-318. 9; МГ-500. 12–13.

²⁸⁹ AJ. 507. Ф-120/5; AJ. 507. Ф-125/2; ВА. П-3. К-166. Ф-6. № 13/15. 47. К сожалению, документация Департамента по делам пленных и интернированных сохранилась фрагментарно.

²⁹⁰ AJ. 70. Ф-238.

²⁹¹ AJ. 341. Ф-II, 1926.

войну Министерство финансов встретило с твердым убеждением, что эта проблема не разрешится никогда²⁹².

Участвовало в решении финансовых задач и *Министерство по аграрной реформе*, поскольку в его ведении находились вопросы колонизации, а добровольцы недавней войны часто были бывшими пленными и будущими колонистами. Этому Министерству МИД адресовал «мнение», «что было бы целесообразно, если бы Министерство по аграрной реформе на всякий случай позаботилось об обеспечении кредита, необходимого для репатриации наших беженцев из Сибири, Южной России и Туркестана»²⁹³. Беженцами здесь названо мирное население, граждане бывшего Королевства Сербии, которых на тот момент во Владивостоке насчитывалось от пятисот до шестисот человек²⁹⁴. Это были жители Текии и её окрестностей, бежавшие во время вражеского вторжения через Дунай в Сербию и перемещавшиеся в Россию под защиту российского правительства. Впоследствии они оказались на Дальнем Востоке вместе с добровольческими отрядами и Генеральным Консульством Королевства СХС. Проблема возникла, когда Комиссия по репатриации Высшего Совета Парижской мирной конференции заявила, что в её компетенцию входит репатриация только войск союзников, но не их беженцев²⁹⁵. Последние вверялись попечительству собственного государства. Такая дискриминация неудивительна, если учесть, что расходы на транспорт от Владивостока до Королевства СХС составляли как минимум 100 долларов на человека.

Процесс репатриации не обошёл стороной и *Министерство по социальной политике*. К сожалению, мы узнаём об этом лишь из упоминаний в документах других органов, сотрудничавших с этим министерством, поскольку его собственный архив был уничтожен при бомбардировках Белграда во время Второй мировой войны²⁹⁶.

Министерство торговли и промышленности — последнее министерство, насчёт которого имеются документальные свидетельства о его участии в репатриации бывших военнопленных. Роль его, по-видимому, заключалась в обеспечении морского и железнодорожного транспорта и организации перевозок. В то время, даже имея деньги, непросто было раздобыть железнодорожные вагоны, не говоря уже о морских судах, ведь миллионы

²⁹² AJ. 70. Ф-237.

²⁹³ AJ. 507. Ф-116/3.

²⁹⁴ AJ. 507. Ф-109/1.

²⁹⁵ AJ. 507. Ф-116/3.

²⁹⁶ Indeks sadržaja informativnih sredstava sredenih i obrađenih fondova izbirki Arhiva Jugoslavije. I: period Kraljevine Jugoslavije (1918–1941). Beograd, 1995. S. 10, 11; AJ. 334. Ф-2. 212–215.

брутто-регистрационных тонн остались лежать на дне моря²⁹⁷. Есть сведения, что в этом Министерстве существовал специальный Отдел для помощи участникам войны, его архив затем был передан в Министерство по социальной политике, где и погиб²⁹⁸.

Организации репатриантов, провозглашавшие своей программой объединение сербов, хорватов и словенцев, тоже внесли вклад в сбор и возвращение бывших пленных из России. Две крупные организации возникли после Брест-Литовского договора весной 1918 г. на территории России, не подвластной большевикам. В результате объединения четырнадцати различных групп и организаций в Челябинске 9 сентября 1918 г. под патронажем дипломатического представителя и генерального консула Королевства СХС в Сибири и на Урале Йована Д. Миланковича, а также при военной поддержке полка «Майор Благодич» появился «Временный Югославянский Народный Комитет в России». Эта организация работала в русле политики сербского правительства и по его инструкциям, а полк считался «составной частью сербской армии и преемником допунктного батальона Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев»²⁹⁹. Параллельно с этой организацией, и в сущности вопреки ей и против неё, в Томске в рамках чехословацкой организации и под патронажем Первого югославянского полка «Матия Губец» сформировался другой центр, «Югославянская комиссия при Чешско-словацкой Народной Раде, российское отделение»³⁰⁰. Эту вторую организацию основали «диссиденты» из Добровольческого корпуса, в основном хорватские и словенские офицеры. На её работу оказывала влияние французская военная миссия в Сибири³⁰¹, то есть Югославянская комиссия действовала сообразно политике, которую вело французское правительство в этой части света. Как вспоминал репатриант Оскар Шлезингер, инженер из Босанского Нового, «Югославянская комиссия... всё время вела сепаратистскую политику, клонившуюся к созданию Республики Хорватии и Боснии; между полком Майора Благодича и Первым югославянским полком не было дружеских отношений, потому что Югославянская Комиссия выступала за сепаратизм, а полк Майора Благодича стоял за объ-

²⁹⁷ Британия потеряла 7800000, Франция — 900000, Италия — 872000, Америка — 453000, Греция — 346000, Россия — 183000 тонн плавучих средств, что в сумме составляет 10554000 — в основном вследствие подводной войны (The Times. Atlas svjetske povjesti. Ljubljana-Zagreb 1987. S. 252).

²⁹⁸ AJ. 370. Ф-1; Indeks sadržaja: AJ. S. 10, 11, 13.

²⁹⁹ AJ. 375. Ф-4. Воззвание, которое Й. Миланкович из Омска направил «Российским властям и Союзническим представителям» 7 апреля 1919 г.

³⁰⁰ AJ. 375. Ф-4.

³⁰¹ AJ. 375. Ф-4. Поверенный в делах Королевства СХС в России Й. Миланкович из Владивостока Военной миссии Королевства СХС в России, строго конфиденциально № 2991, 29 января 1920 г.

единение южных славян»³⁰². Уже во взаимоотношениях сербов и хорватов в Сибири заметно напряжение, которое впоследствии подтачивало и в конце концов обрушило их общее государство.

После окончания войны и создания Королевства СХС начался процесс объединения двух этих организаций в «Югославянское Народное Вече в России», которое должно было действовать согласно указаниям Йована Миланковича. В воззвании ко «Всем сербам, хорватам и словенцам», изданном Югославским Вечем в Омске 7 апреля 1919 г., помимо прочего говорилось: «Цель нашей работы будет заключаться в том, чтобы вернуть вас на родину как достойных её сынов и чтобы вдали от отечества оказывать вам помощь как моральную, так и материальную»³⁰³. Между тем в отчете, отправленном правительству Королевства СХС несколько месяцев спустя, деятели Веча вынуждены были признать, что, «помимо деморализации, над нами постоянно нависал национальный кризис как пережиток раскольнического движения времен Добровольческого корпуса. К сожалению, этот кризис порой осложнялся тем, что малочисленной группе, его провоцировавшей, всегда удавалось найти покровителей извне и внутри»³⁰⁴. Разрозненность, которой Вече упорно противостояло, продолжалась и позднее, посеяв семя недовольства в новом государстве.

³⁰² АЖ. 14. Ф-149. 288.

³⁰³ АЖ. 375. Ф-4. Воззвание Югославянского Народного Веча (ЮНВ) от 7 апреля 1919 г.

³⁰⁴ АЖ. 375. Ф-2. 2300. Отчёт председателя ЮНВ №422 от 1 июня 1919 г., направленный правительству Королевства СХС.

Глава II

«Губительные бактерии большевизма»³⁰⁵ и их носители

³⁰⁵ Именно это выражение употреблено в Приказе Верховного главнокомандующего армией Королевства СХС регента Александра Карагеоргиевича, № 13923, от 12 июня 1919 г. (ВА. П-3а. К-160. Ф-11. № 14). Председатель земельного правительства Боснии и Герцеговины Атанасие Шола, говоря о большевизме, упоминает «разлагающий яд жидовской демагогии» и что даже школьники «этой чумой... поражены» (ВА. П-4/II. К-83. Ф-2. № 3/14). Выражение «заражены (verseucht) большевизмом» используется и в Габсбургской монархии, особенно насчет возвращенцев из России, которых отправляли в «санитарный карантин», потом в отпуск и вновь в свою часть (см.: F. Čulinović. *Odjeci Oktobra*. Š. 64–66). Всё же, по всей видимости, Ленин первым назвал репатриантов «бактериями большевизма», а остальные в собственных вариантах это выражение и его смысл только переняли от него (История Югославии. С. 22).

Разруха и экономическая истощенность, крушение системы ценностей и глубокое разочарование выживших участников Великой войны составляли фон исторической сцены, по которой блуждали миллионы мигрантов, в основном вынужденных. Кто-то переселялся из-за разорения и нужды в поисках будущего для себя и своей семьи в каком-нибудь менее пострадавшем уголке Европы или по другую сторону океана. Другие вынуждены были сменить место жительства по политическим причинам: либо не хотели или не могли провести остаток жизни как представители национального меньшинства, либо не имели перспектив как «классовые враги». Третьи же пытались во что бы то ни стало вернуться из дальних и подчас экзотических краёв, куда их закинула война, на родину, неважно, что их там ожидало. Зачастую не ожидало ничего.

Но они всё равно возвращались.

Среди пёстрой массы мигрантов, скитавшихся по Евразийскому континенту и бороздивших омывающие его моря, нас больше всего интересуют граждане Королевства СХС, которые возвращались из плена на родину. Также мы уделим внимание, хотя в значительно меньшей степени, русским беженцам и другим российским гражданам, прибывшим или оказавшимся на территории Югославского Королевства. Внутри себя обе этих группы мигрантов были весьма неоднородны, а отношение к ним зависело от того, принимали ли они новое государство и его систему ценностей или представляли собой угрозу для него. Все остальные, прошедшие через лагерь Югославского Королевства, были не мигрантами, а его подданными, как правило, представителями национальных меньшинств с территорий, которые оказались спорными при проведении границ между новыми государствами, возникшими на руинах Габсбургской монархии.

ТИПОЛОГИЯ РЕПАТРИАНТОВ
И ИНТЕРНИРОВАННЫХ*Принцип территориального подразделения
репатриантов*

1) Попавшие в плен солдаты и офицеры Сербской армии и интернированные граждане из Сербии и Черногории, возвращавшиеся из лагерей на территории Центральных держав: Болгарии, Австро-Венгрии, Германии и Турции. Изю всех этих бывших пленных наибольшее подозрение в распространении идей большевизма вызывали репатрианты из Германии. Полагали, что они подверглись влиянию спартаковских идей, поскольку имелись сведения, что с ними целенаправленно работали немецкие агенты с тем, чтобы, вернувшись, репатрианты занялись бы подготовкой социальной революции. Впрочем, в данном случае меры предосторожности свелись к тому, что военным представителям за рубежом поручили «обратить внимание на это явление и устранить его»³⁰⁶. Вообще говоря, сербские военные оказались на редкость невосприимчивыми к идеологическому влиянию, это отмечал и бригадный генерал Хэррис, шеф американской военной миссии в Берлине: «Надо признать, что большевистские идеи как таковые среди сербов прижились очень плохо»³⁰⁷. Среди репатриантов из трех других государств Центрального блока не было серьезных симптомов большевизма, поэтому никакие особые меры предосторожности не принимались.

2) Попавшие в плен военные Габсбургской монархии, возвращавшиеся из лагерей в странах Антанты, в основном из России и Италии. Первыми, ещё до окончания войны, стали прибывать бывшие пленные из России, их массовое присутствие в истощённых войной европейских странах казалось большевикам благоприятным фактором, приближающим мировую революцию. Однако, хотя и рано началось, возвращение бывших пленных из России по многим причинам затянулось до июня 1922 г.³⁰⁸. В сентябре того года Верховный комиссар Лиги Наций Фритьоф Хансен объявил, что репатриация закончена. В качестве предохранения от большевизма, сторонниками которого могли быть репатрианты (а некоторые действительно были), Королевство СХС, как и Габсбургская монархия, предприняло превентивные меры в виде карантина.

³⁰⁶ ВА. П-6. К-54. Ф-4. № 55/1, похожее: ВА. П-3а. К-11. Ф-1. № 3/1.

³⁰⁷ ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/83. 45–52. И другие авторы считают, что «в Сербской армии нет поветрия, которое можно было рассматривать как влияние Октября» (*Бјелајац, Миле. Војска Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца 1918–1921. Београд, 1988. С. 37, 38.*)

³⁰⁸ Ђ. Поповић. Лига народа. С. 244.

Репатрианты из Италии ждали возвращения до первых месяцев 1920 г. Однако, начавшись, оно быстро завершилось, отчасти по причине высокой смертности среди пленных, ожидавших репатриации.

Поводы для применения изоляции

Массовая изоляция в Королевстве СХС практиковалась и до создания лагерей, но к ней прибегали не для борьбы с политическими противниками, а для содержания военнопленных и в целях защиты от заразных болезней, особенно от тифа³⁰⁹. Учитывая опыт войны и плохую эпидемиологическую ситуацию в новообразованном государстве, эту практику следует признать необходимой и неизбежной. Военнопленных Сербской армии днем посылали на различные работы, а на ночь запирали в складских помещениях, пока после Парижской мирной конференции не был произведен обмен пленными. Этот опыт пригодился впоследствии для организации массовой изоляции. Был также использован опыт санитарного карантина, применявшегося к собственным военным и мирному населению и послужившего моделью и камуфляжем для изоляции по политическим мотивам, как это уже происходило в Австро-Венгрии³¹⁰.

В промежутке между распадом Империи и установлением новой власти краткий период анархии сменился более продолжительным временем политической нестабильности. В качестве одного из способов наведения порядка применялась изоляция явных и предполагаемых противников нового государства, представлявших собой разнородный и беспорядочный спектр «подозрительных лиц»: от приверженцев рухнувшей монархии, националистов, которых граница отсекала от их народа, безземельных крестьян, кадерашей³¹¹, обычных бандитов и до большевиков. Поначалу представителей властей не волновала политическая ориентация изолированных, поэтому в документах они значатся как «строптивый и опасный элемент», «мятежный элемент» или даже «интернированные по различным причинам»³¹².

На открывшейся Парижской мирной конференции, помимо прочего, шла борьба вокруг вопроса о границах новых национальных государств, да и на самих территориях, где ожидалось перемещение границ, чувствовалась политическая напряженность. В этом, по-видимому, кроется причина

³⁰⁹ ВА. П-3а. К-101. Ф-13. №31; ВА. П-3а. К-157. Ф-6. №2; ВА. П-6. К-654. Ф-3. №25/25.

³¹⁰ *T. Milenković. Povratnici. S. 205, 206.*

³¹¹ «Кадерашами» или «зелени кадар» (зеленые кадры) называли австро-венгерских солдат-дезертиров.

³¹² ВА. П-3. К-124. Ф-10. №13/3; ВА. П-6. К-655. Ф-1. №3/4.

того, что стоявшие в спорных областях сербские войска прибегли к арестам отдельных представителей соседних народов. Впрочем, это длилось недолго. Уже 8 февраля 1919 г. начальник генерального штаба Сербской армии воевода Живоин Мишич отдал приказ прекратить аресты во избежание международных осложнений: «Румыны жалуются, что сербские военные власти изолируют многих представителей их интеллигенции и обходятся с ними очень сурово. Учитывая обстановку и атмосферу на Парижской мирной конференции, нужно выказывать толерантность. Господин военный министр распоряжением № 17727 от 4 числа текущего месяца освободил всех интернированных румынских граждан... кроме представляющих особую опасность для порядка и спокойствия в стране»³¹³.

Вскоре оказалось, что государству угрожают не только претензии соседей, но и идейная эпидемия, которая по своим последствиям может быть гораздо опаснее того, с чем приходилось сталкиваться раньше. Когда эта угроза из туманных далей внешней политики приблизилась вплотную к границам молодого государства, в Югославском Королевстве стали принимать меры по массовой изоляции по политическим мотивам. У этого процесса было бурное начало, развитие и вариации, а затем тихое завершение. Впрочем, дальнейшая история Югославии показала, что завершилась лишь одна фаза, но в целом этот процесс продолжался.

Пути и бездорожья возвращения

Изучая главные направления возвращения и способы передвижения бывших пленных, надо иметь в виду несколько обстоятельств. Архивные материалы сохранились не полностью и очень разрознены, поэтому трудно точно судить о том, какими маршрутами прибывали репатрианты и с какими временными промежутками. То и дело отдельные направления и ответвления от них переставали использоваться из-за состояния железных дорог и трактов в местностях, которые по несколько раз пересекала линия фронта. Препятствия возникали также из-за ведущихся военных действий и политических событий. Особенно сложно проследить маршруты тех из возвращавшихся, которые некоторые этапы пути преодолевали самостоятельно, пешком или другим образом, столкнувшись с отсутствием поездов или вовсе разрушенными участками железнодорожного полотна. Порой эти люди таким способом избегали контрольно-пропускные пункты, порой пытались заработать деньги и пропитание, а бывало, что оста-

³¹³ ВА. П-4/II. К-85. Ф-8. №21/3, похожее: ВА. П-7. К-93. Ф-1. №25/1.

навливались по причине болезни и истощения. В подобных случаях они оставались без какой-либо регистрации. При плавании морем с Дальнего Востока совершались попутные остановки в гаванях, где на борт принимались граждане Королевства СХС с потонувших и захваченных кораблей Австро-Венгрии или оказавшиеся по какой-то иной причине в отдалённых уголках мира.

Мы перечислим основные маршруты возвращения всех бывших пленных, не только из Габсбургской монархии, поскольку возвращение представляет собой единый процесс, организованный и осуществленный государством, считавшим этих людей своими гражданами. Обратный путь с территории Центральных держав и их союзников будет описан кратко, в то время как возвращение из Италии и России мы рассмотрим более подробно. Разумеется, следует помнить, что хронологические рамки использования отдельных маршрутов, а особенно прекращение притока репатриантов, не всегда могут быть точно установлены, поэтому при датировке мы опирались на наиболее поздние из имеющихся дат. Наше внимание будет сосредоточено исключительно на репатриантах, прошедших через лагерь.

Картина возвращения, составленная из документальных фрагментов и не всегда достоверных воспоминаний вернувшихся, на сегодняшний день выглядит так:

1. Из Болгарии пленные возвращались через Пирот и Демир Хисар по железной дороге или пешком с начала октября 1918 г. до первых месяцев 1919 г. Во «временных лагерях» их дожидались офицеры «спецкомиссий» для приема и освидетельствования репатриантов, однако «большое их число» миновало эти комиссии. Эти «лагеря» не носили политического характера, а служили исключительно для сбора, медицинского осмотра, снабжения необходимым и поправки здоровья бывших пленными³¹⁴.

2. Из Австро-Венгрии репатрианты возвращались по железной дороге или пешком, а некоторые уже находились на территории недавно провозглашённого Королевства СХС, где их могли собрать и организовать военные власти. В конце февраля 1919 г. в австро-венгерских лагерях оставалось ещё около 2900 сербских военных, но вскоре и они были вывезены³¹⁵.

3. В конце 1918 г. при поддержке англичан и французов, а также при посредничестве шведского посла в Константинополе и голландского консула в Алеппо началась репатриация немногочисленных выживших сербских пленных и интернированных из Турции через Салоники.

³¹⁴ ВА. П-3. К-126. Ф-5. № 16/1, 2, 5; ВА. П-6. К-56. Ф-2. № 24/18; АЈ. 138. Ф-4. 161; АЈ. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5. №7764.

³¹⁵ ВА. П-3. К-1. Ф-1. 52, 53.

Из-за нестабильности положения в Турции и недостатка достоверной информации процесс шёл очень медленно и трудно. Ещё в декабре 1919 г. эта проблема обсуждалась на Парижской мирной конференции³¹⁶.

4. Из Германии с 1 по 15 января 1919 г. репатрианты возвращались сначала по суше через Голландию, Швейцарию и Рейнскую область во Францию, затем морем из Тулона и Марселя в Дубровник с остановками в итальянских портах. С 31 января был организован проезд по железным дорогам через Вену и Марибор, и к 9 февраля большинство репатриантов вернулось домой. Репатриация полностью завершилась к 15 апреля 1919 г., когда до родины добрались те, кто отправился в путь из Германии пешком, на свой страх и риск, через Чехию и Австрию³¹⁷.

5. Основная масса репатриантов из Италии прибыла двумя главными путями, которые можно назвать северо-итальянским и южно-итальянским:

— Из южной Италии (Таранта и Анконы) морем добирались до Дубровника³¹⁸. Первое судно пришвартовалось в порту Дубровника 18 января 1920 г., а восьмое и последнее, о котором известно, — 26 марта того же года. План провезти часть репатриантов через Риеку провалился из-за действий в той области Габриэле Д'Аннунцио.

— Один железнодорожный путь из северной Италии имел две ветви, но обе вели в Любляны через Триест, Тироль и Беляк. Другой маршрут шёл через Вену и оттуда на юг до Марибора³¹⁹. Наземный транспорт задерживался вследствие противодействия итальянских властей и забастовки железнодорожников в Королевстве СХС, поэтому отправка бывших военнопленных началась только в первые дни февраля 1920 г. Дополнительные проблемы создавали сами репатрианты, которые, потеряв терпение, отправлялись пешком небольшими группами в сторону демаркационной линии (через Вену к Марибору или даже через Будапешт к Субботице!). В течение марта 1920 г. отправка наземным транспортом продолжалась, хотя весьма вяло, а число оставшихся в итальянских лагерях сократилось до нескольких сотен.

6. Из России большая часть репатриантов прибыла пятью путями, которые можно назвать среднерусским, южнорусским, северорусским, черноморским и дальневосточным:

— Среднерусский путь проходил по железной дороге через Минск, Брест-Литовск, Варшаву и Вену, бывшие пленные двигались по нему с 1918 г.

³¹⁶ *Todorovič, Desanka. Stav Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca prema mirovnom ugovoru sa Turskom u Sevru 1920. godine // Istorija XX veka. Zbornik Radova. XI. 1970. S. 257, 258.*

³¹⁷ ВА. П-3. К-166. Ф-7. №13/83. 38-40 и 45-52; ВА. П-4/1. К-104. Ф-2. №2/13.

³¹⁸ ВА. П-3. К-166. Ф-8. №14/29; ВА. П-4/II. К-85. Ф-7. №18/98.

³¹⁹ ВА. П-6. К-654. Ф-3. №25/26, 27; ВА. П-6. К-654. Ф-3. №25/30. 32.

по октябрь 1922 г., а кое-кто прибыл таким образом и в 1926 г. Этот маршрут имел два варианта: через Германию или через Чехословакию³²⁰.

— Южнорусский путь по железной дороге от Киева до Австро-Венгрии был доступен с осени 1918 г.³²¹ В городе Черновицы на Буковине железная дорога, ведшая до Королевства СХС, разделялась на две ветки: через Будапешт и Сегедин (им пользовались с марта 1919 г. до осени 1919 г.) и через Бухарест и Темешвар (с декабря 1918 г. по октябрь 1919 г.)³²² В Будапеште транспорт распределял военный посланник Королевства СХС майор Михайло Боди, пуская поезда с репатриантами через Темешвар до Баната, через Субботицу до Бачки или через Осиек до Славонии, Боснии и Далмации. Позднее, когда были организованы лагеря у границы, весь транспорт направлялся исключительно через Субботицу до Марибора³²³.

— Севернорусский маршрут проходил по железным дорогам Петербург–Ямбург–Нарва или Москва–Нарва. От Нарвы репатрианты отправлялись поездом до Ревеля, а потом на корабле до Штеттина. До Штеттина также можно было добраться морем от Петрограда до Свинемюнде (Свьенчин, Свиноуйсьце), а затем поездом. Именно таким путем ехало большинство репатриантов. Через Москву отправляли тех, кто находился в губерниях восточнее. В Нарве в сентябре 1920 г. и в июне 1921 г. действовал пункт обмена военнопленными, где эстонские власти вели антибольшевистскую агитацию и осуществляли контроль, а также дезинфекцию и питание³²⁴. От Нарвы до Штеттина надо было плыть по Балтийскому морю, где ещё не были обезврежены все мины, а от Штеттина до Марибора через Берлин, Лейпциг и Вену по железной дороге. Часть репатриантов из Петрограда отправлялась морем в Германию, а оттуда до Королевства СХС через Австрию по железной дороге. Третий вариант пути был по железной дороге от Петрограда или Москвы до Марибора через Ригу, Штеттин, Берлин, Лейпциг и Вену³²⁵. В августе–сентябре 1919 г. движение шло круглым путем, через Францию по железной дороге до Марселя, оттуда морем до Салоник и снова по железной дороге до Королевства СХС³²⁶.

³²⁰ АЖ. 507. Ф-57/10; АЖ. 516. МГ-204. 3; МГ-230. 2.

³²¹ АЖ. 516. МГ-14; МГ-210. 5; МГ-1200. 5.

³²² АЖ. 14. Ф-232. 471–475, 477, 478; АЖ. 507. Ф-120/2; АЖ. 516. МГ-33. 4; МГ-1065. 35.

³²³ ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/61.

³²⁴ АЖ. 14. Ф-161. 219, 220; АЖ. 516. МГ-137. 8–10; МГ-188. 45; МГ-195. 7; МГ-294/3. 35; МГ-331; МГ-543. 18; МГ-597. 15–17; МГ-1145. 26.

³²⁵ АЖ. 507. Ф-56/15; АЖ. 516. МГ-108; МГ-331. 2; МГ-500. 12, 13; МГ-1127. 24, 25.

³²⁶ ВА. П-4/Ш. К-55. Ф-12. № 25/1–3. Причины столь большого крюка неизвестны. Это направление изначально использовалось для возвращения сербских пленнх из Германии, но нет сомнения, что в данном случае имелись в виду репатрианты из России, так как: 1) документы упоминают их как «югославян»; 2) возвращение сербских пленнх из Германии закончилось до апреля 1919 г. (ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/83. 38–40, 45–52).

— Путь Черным морем использовался с апреля 1919 г. по декабрь 1921 г. Из Одессы репатрианты плыли до Константинополя³²⁷, а затем по железной дороге через Салоники до Королевства СХС. Из Одессы ещё и в сентябре 1923 г. можно было отправиться морем до Варны, где требовалось пройти карантин, а затем наземным транспортом ехать через Софию до Пирота. В 1919 г. существовал третий вариант: из Новороссийска через Константинополь Пирот до Королевства СХС³²⁸. В Константинополе репатриантов из России допрашивали представители военной полиции Союзников, выслеживавшие большевиков. Четвертый вариант маршрута появился в мае 1921 г.: из Новороссийска до Королевства СХС репатриантов вёз корабль Красного Креста через Константинополь и Триест³²⁹.

— Через Дальний Восток возвращались репатрианты из южной России, Туркестана и Сибири. По Транссибирской магистрали или иным образом их переправляли во Владивосток, а затем океаном до Триеста или Дубровника (до мая 1921 г.)³³⁰. Когда Владивосток захватили большевики, из-за сложностей с арендой судов часть репатриантов ехала по железной дороге до Нарвы, а оттуда по Балтийскому морю и по железной дороге через Германию. Были и такие, кто маленькими группами или в одиночку, скитаясь, торгуя, воюя, а иногда и грабя³³¹, добирался до Центральной Азии, а оттуда до Китая и Индии. По Маньчжурской железной дороге, другими видами транспорта и пешком они добирались до какого-нибудь китайского порта и оттуда морем отправлялись в Европу. Оказавшись в Греции, некоторые из них сразу же уезжали в Королевство СХС по железной дороге через Афины и Салоники (в апреле 1920 г.)³³², а некоторых англичане временно собирали на своей территории³³³.

О КОЛИЧЕСТВЕ РЕПАТРИАНТОВ

Многие пытались пересчитать вернувшихся с Великой войны ещё тогда, когда это был актуальный современный вопрос, однако уже составители первых статистик вынуждены были довольствоваться неполными данными,

³²⁷ АЖ. 14. Ф-232. 585; АЖ. 370. Ф-1; АЖ. 516. МГ-69. 2; МГ-89; МГ-138. 2; МГ-191. 11.

³²⁸ АЖ. 516. МГ-38. 4; МГ-89; МГ-961.

³²⁹ АЖ. 14. Ф-161. 249; АЖ. 516. МГ-305.

³³⁰ АЖ. 14. Ф-161. 249; АЖ. 334. Ф-2. 215; АЖ. 516. МГ-741; МГ-907; МГ-1159. 18–20; *Ж. Миланковић*. Успомене из Сибира. С. 151.

³³¹ АЖ. 507. Ф-175/2. ВА. П-6. К-638. Ф-3. № 25/4.

³³² АЖ. 14. Ф-232. 421.

³³³ АЖ. 507. Ф-120/5. Наибольшее упоминаемое количество — «около четырехсот наших граждан», в Англии ожидавших возможности вернуться домой.

более или менее грамотными оценками и приблизительными цифрами. Составивший статистический отчёт генеральный консул Королевства СХС в Праге Йован Й. Вучкович пояснял: «Очень трудно было собрать данные о количестве наших пленных солдат и интернированных граждан на территории неприятельских государств. Ни одно из них не хотело предоставлять эти данные, а если мы их все-таки получали, то они оказывались неполными, неточными, а нередко и с тенденциозными искажениями»³³⁴. Мы не будем рассматривать все возможные аспекты вопроса о количестве репатриантов, это потребовало бы отдельного объёмного исследования, однако попытаемся хотя бы в общих чертах описать масштаб. К сожалению, по наличным данным сложно судить о категории репатриантов, что существенно для данной работы, ведь тех, кто прибыл из России, было больше всего, и именно они составляли большинство среди заключённых в лагеря.

1. Согласно отчету Вучковича, в Болгарии содержалось примерно 50 тыс. сербских пленных и 80 тыс. интернированных граждан, из них умерло или было убито 15 500 военных и около 25 тыс. мирного населения. На момент составления отчета из Болгарии вернулось более 32 тыс. военных и 51 тыс. граждан, то есть почти все оставшиеся в живых.

2. Согласно тому же источнику, в Австро-Венгрии содержалось 147 577 сербских пленных, около 50 тыс. из них умерло, а также около 50 тыс. интернированных граждан из Сербии, из которых умерло 20 тыс. Следовательно, должно было вернуться чуть меньше 100 тыс. военных и около 30 тыс. мирного населения, хотя в конце 1917 г. Австро-Венгрия официально признала, что держит в плену 32 500–34 000 сербских военных, но не желала признавать того, что на территории империи содержатся интернированные мирные граждане Сербии³³⁵. В это число, разумеется, не входят интернированные сербы, подданные Австро-Венгрии, о количестве которых до сих пор нет достоверных сведений. По некоторым оценкам, свыше 100 тыс. сербов умерло в разных лагерях Германии и Австро-Венгрии³³⁶. Общее количество подвергшихся изоляции должно было быть значительно большим, так как при освобождении только в лагерях Неджмеджер, Хайнрихсгрин и Болдогасань оказалось более 10 тыс. узников, в Арадской крепости 11–15 000, в Нежидере примерно 14 500, а в Добое до 40 тыс., что в сумме уже

³³⁴ АЈ. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5, № 7764. Отчёт сделан непосредственно после войны, в конце 1918 — начале 1919 гг.

³³⁵ Отчёт сербского отделения бюро помощи военнопленным в Берне (ВА. П-4/II. К-73. Ф-1. № 5/1. 1–6). Вопреки этому, по некоторым оценкам, в австро-венгерских лагерях было интернировано свыше 150 тыс. мирных граждан из Сербии (Цивилни интернирци. С. 405, 406).

³³⁶ *Станковић, Ђорђе*. Велика историјска превара // Изазов нове историје. 2. Београд, 1994. С. 237.

составляет сотню тысяч. А ведь только на австро-венгерских территориях, впоследствии отошедших Королевству СХС, известны названия 38 лагерей и других центров массовой изоляции, в основном для сербского населения³³⁷. При том что сеть лагерей раскинулась по всей территории Австро-Венгерской монархии. К числу интернированных сербов, сколько бы их ни было, следовало бы также прибавить интернированных граждан других национальностей, местом постоянного проживания которых были области будущего Королевства СХС, куда они и возвращались после войны.

3. В Германии, согласно отчёту Вучковича, содержалось 33815 военнопленных и 1374 интернированных граждан Сербии, что соответствует данным отчетов сербского отделения бюро помощи военнопленным в Берне. Между тем, вернулось всего 22–23 тыс. сербских пленных, то есть число умерших несомненно превышало 10 тыс., что значительно больше оптимистичных сведений Вучковича о 3572 умерших военных и 95 мирных гражданах³³⁸.

4. В Турции после войны обнаружилось около 5 тыс. выживших сербских пленных, которых остальные участники блока Централных держав «уступили» Турции для выполнения различных работ. Поскольку известно, что из пленных англичан в Турции в живых осталась лишь половина, можно предположить, что пленных сербов выжила какая-то малая доля. Такой вывод напрашивается потому, что при отборе сербских военных для жизни в условиях пустыни не учитывалось их физическое состояние, как то делалось в отношении англичан; они не получали драгоценные продуктовые пайки, как англичане; их убивала британская армия и секла арабская конница на службе Британской империи, на которую они работали, прокладывая багдадскую железную дорогу, от чего англичан также оградили. Сбор этих выживших сербских пленных начался в конце 1918 г., а репатриация при содействии союзников могла завершиться за следующие несколько месяцев³³⁹.

5. Из Италии в начале 1920 г. вернулось около 26 тыс. пленных: около 15 тыс. морем через Дубровник, остальные сухим путем. Поскольку итальянское военное министерство в мае 1919 г. утверждало, что «общее число югославских военнопленных составляет около 40 тыс.»³⁴⁰, очевидна гибель,

³³⁷ *Станковић, Ђорђе*. Велика историјска превара // Изазов нове историје. 2. Београд, 1994 С. 234–239.

³³⁸ АЈ. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5. № 7764; ВА. П-4/1. К-73. Ф-1. № 5/1. 6; ВА. П-6. К-391. Ф-2. № 34/1. 16, 17; ВА. П-4/II. К-85. Ф-1. № 20/24; ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/83. 45 и 47.

³³⁹ АЈ. 336. Ф-62. Дос. VI. XII. Z/5. № 7764; ВА. П-3. К-166. Ф-6. № 13/15. 4–7; ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/17; *D. Todorović*. *Mirovni ugovor sa Turskom*. S. 257.

³⁴⁰ АЈ. 336. Ф-62. Дос. VII. XII. Z/6. № 1933. Эти данные сообщил посол Королевства СХС в Риме Антонинович в письме главе сербской делегации на Конференции мира в Париже Николе Пашичу. По оценке посла, число пленных было еще больше, так что в декабре 1919 г. правительство Королевства СХС имело основания говорить о примерно 50 тыс. человек (ВА. П-3. К-166. Ф-8. № 14/2).

по меньшей мере, 14 тыс. военнослужащих Королевства СХС. Италия с помощью тифа, чёрной оспы, плохого питания, тяжёлых и опасных для жизни работ пыталась ослабить своего соперника в «адриатическом вопросе», который был причиной интернирования большого числа мирных жителей из Истры и Далмации, «народных вождей» словенской, хорватской и сербской национальности³⁴¹.

б. Сложнее всего вопрос о количестве вернувшихся из России. Проблема в основном заключается в структуре многонациональной австро-венгерской армии. Российские власти сначала при заключении в лагерь не распределяли военнопленных по национальности; они попытались сделать это позднее, при формировании добровольческих корпусов. Для рекрутирования бойцов в Добровольческий корпус Королевства СХС предназначался «Югославский национальный лагерь» в Томске, однако в силу различных обстоятельств многие в него не попали. Кроме того, национальный критерий недостаточен для установления числа вернувшихся в Югославское Королевство, так как оно само тоже было многонациональным. Вместе с военнопленными в Королевство СХС прибывали представители различных наций, проживавших на его территории, в то время как многие сербы, хорваты и словенцы, отправленные из России, остались жить за пределами нового государства и не прошли через его лагерь. Особую категорию составили те, кто вернулся ещё до распада Дуалистической монархии, избежав тем самым контроля, организованного новым государством³⁴². Анализ пунктов назначения перевозившего военнопленных транспорта всех видов тоже не дает возможности вывести окончательные цифры, так как транспорт в пути нередко перегруппировывался. Подчас даже сами военнопленные не знали, куда они возвращаются, до конца не веря в гибель Австро-Венгерской монархии.

Чтобы установить общее число пленных с территории Королевства СХС и число вернувшихся в него, необходимы сведения не только из сербских архивов, но и из архивов русской царской армии и большевистских учреждений, занимавшихся репатриацией, из австро-венгерской военной учётной документации о пленных и их обмене, а также данные из Международного Красного Креста и Лиги Наций. До тех пор, пока не станет возможным их сопоставить, вряд ли правомерно говорить о точных цифрах.

³⁴¹ АЖ. 336. Ф-62. Дос. VII. XII. Z/6. № 1933. Среди интернированных были «священники, судьи, адвокаты, врачи, профессора, учителя... из Задара, Шибеника, Скрадина, Дрниша, Книна, Кистанья, Кисва, Бенковца, Обровца и Карина», а также было «много словенцев».

³⁴² До 21 октября 1918 г. в Империю вернулось 664500 пленных из России (Т. Milenković. Povratnici. S. 205). Согласно российским данным, всего австро-венгерских пленных на территории России находилось 2104146 человек (Сибирская Энциклопедия. С. 517, 518).

В источниках и литературе можно найти различные оценки. Согласно данным, которыми на февраль 1919 г. располагал Совет министров Королевства СХС, организовавший возвращение бывших пленных, «число наших людей в России приближается к 100 тыс., разбросанным по всей русской территории»³⁴³, по другим источникам, там было «большое число пленных родом из наших краев. Всего их было около 150 тыс.»³⁴⁴; «среди пленных в России 170–200 тыс. югославов»³⁴⁵; фигурировали также цифры в 200 тыс.³⁴⁶, «чуть более 200 тыс. южных славян»³⁴⁷, около 200–250 тыс.³⁴⁸, а по некоторым данным, эта цифра даже могла превышать 300 тыс.³⁴⁹. В качестве курьеза можно также упомянуть информацию о том, что в России «находилось приблизительно 700 тыс. южных славян»³⁵⁰. Огромный разрыв в цифрах лишний раз доказывает неразрешённость вопроса о количестве и национальных пропорциях австро-венгерских пленных в России. Проблема к тому же осложняется тем, что ни один из авторов не оговаривает, что кроется под обобщающим понятием «югославяне»: все югославяне Габсбургской империи; все жители её территорий, которые впоследствии вошли в состав Королевства СХС, невзирая на национальность; или только югославяне из этих областей? А ведь количество репатриантов может быть по-разному подсчитано в зависимости от подхода.

Отсюда вытекает проблема оценки динамики возвращения репатриантов. Можно только обозначить интервалы, когда их приток был интенсивнее, хотя и в остальное время процесс не прекращался. Массовое возвращение началось после заключения Брест-Литовского мира в марте 1918 г., стало

³⁴³ AJ. 507. Ф-121.

³⁴⁴ Broz, Josip-Tito. Moj boravak u Rusiji za vrijeme revolucije // Četrdeset godina. Zbornik sećanja aktivista jugoslovenskog revolucionarnog radničkog pokreta. I. 1917–1929. Београд, 1960. С. 23. Тито не уточнил, кто и на основании чего сделал эти подсчёты.

³⁴⁵ Представка Југословенског одбора Николи Пашићу, председнику српске владе, 9. јануар 1917 // Југословенски добровољци у Русији 1914–1918/Приредно Никола Поповић. Београд, 1977. С. 154. Автор доклада д-р Анте Мандић в декабре 1917 г. располагао подацима с још једним бројним разјавом — од 120 до 200 тис. (Там же. С. 221).

³⁴⁶ Учесници. С. 101.

³⁴⁷ A. Manusević. Učešće internacionalista u borbi za sovjetsku vlast u Rusiji 1917–1920 // Prilozi za istoriju socijalizma. 5. 1968. S. 321; а такође: Hrabak, Bogumil. Dolazak organizovanih povratnika iz Sovjetske Rusije u Jugoslaviju 1918–1919. godine // Zbornik istorijskog instituta Slavonije. 4. 1966. S. 239.

³⁴⁸ N. Popović. Jugoslovenska centralna komunistička organizacija u Rusiji. S. 237.

³⁴⁹ T. Milenković. Povratnici. S. 205.

³⁵⁰ Очак, Иван. Југословени у Октобру. Београд, 1967. С. 32–33; И. Очак. Из историје учешћа југославана. С. 275. Очак ссылається на податке Народног Комисаријата националности за 1918 г., који по непознатим причинам укључио је у списак и аутохтонних болгар, проживавших на територији Русије. Автор приводи и друге изворнике, согласно којима «југославана» било од 100 до 300 тис. При овом нејасно, почему сам Очак оставиљается на цифре 200 тис. пленных југославана и когo он к ним односит.

слабее после крушения Австро-Венгерской монархии в октябре того же года, когда вернулась треть всех австро-венгерских пленных из России³⁵¹. После относительного затишья в первой половине 1919 г. интенсивность вновь увеличилась летом того же года, когда улеглись политические страсти в средней Европе. Эта волна репатриантов сопровождалась формированием приёмных лагерей в Королевстве СХС в сентябре и продолжалась до начала русско-польской войны в 1920 г., параллельно шло и массовое возвращение из Италии. Затем вновь наступил спад. Следующее оживление было связано с окончанием Польской войны и поражением генерала Врангеля в ноябре 1920 г. Принято считать, что до середины 1921 г. большинство репатриантов вернулось в страну³⁵². После этого время от времени прибывали все более редевшие группы, в 1922 г. это необычное переселение постепенно завершилось. Тех, кто с семьёй или без семьи обосновался в России, было очень мало, и вернулись они в уже в конце 1930-х гг.³⁵³

РАЗБИТОЕ ВОЙСКО

Физическое состояние репатриантов

В справочной литературе имеются данные, что только в лагере для военнопленных в Новониколаевске (ныне Новосибирск) в апреле 1915 г. ежедневно умирало 70–85 чел. Следовательно, в этом лагере, где в течение зимы 1915/1916 гг. содержалось около 12 тыс. человек, только за один месяц умерло около 2300 пленнх. Но нигде не сказано, что в этом лагере были самые плохие условия. Он не являлся самым крупным сибирским лагерем — в Березовке содержалось 27500, а в Чите 32 тыс. пленнх. Считается, что на территории Туркестана содержалось 200 тыс. пленнх, в Сибири и на Дальнем Востоке приблизительно 250 тыс., а остальные 1870000 были распределены по европейской территории России. И среди всей этой огромной армии военнопленных свирепствовали сыпной тиф, холера, кровавый понос, чесотка и другие болезни, беспощадно косившие истощённых и измученных людей³⁵⁴.

³⁵¹ T. Milenković. Povratnici. S. 205.

³⁵² Vujošević, Ubavka. Pisma Ilije Mikića upućena Lenjinu i Komunističkoj internacionali (1919–1921) // Prilozi za istoriju socijalizma. 5. 1968. S. 545; Novak, Franjo. Naši ratni zarobljeici u Rusiji na strani Oktobra // Četrdeset godina. Zbornik sećanja aktivista jugoslovenskog revolucionarnog radničkog pokreta. I. 1917–1929. Beograd, 1960. S. 31.

³⁵³ А.И. Ф. 450 (Международный Красный Крест — репатриация югославских граждан из СССР, 1922–1945).

³⁵⁴ Сибирская энциклопедия. С. 517.

Впрочем, не все оказались в столь плачевной ситуации. Врач «Югославянского национального лагеря» в Томске прапорщик медицинской службы Дуймович, информируя Югославяское Народное Вече о тяжёлом положении пленных, отмечал, что им оказывалась поддержка, но югославы при этом обошли стороной, а кроме того, к ним хуже всего относились как российские власти, так и представитель Красного Креста, в чем Дуймович не раз имел возможность убедиться лично³⁵⁵. Чехи и словаки, благодаря единству и хорошей организации, помощи своего правительства и поддержке французской военной миссии переносили плен значительно лучше. Те югославыне, которым удалось объединиться в военные отряды и установить связь с официальными представителями Королевства СХС, увеличили свои шансы сесть на какой-нибудь транспорт и живыми добраться до дома. Некоторые из них, прежде всего несогласные с идеей нового государства, поступили в русские, чешские и французские соединения. Были и такие, кто, как Павел Вайзец, торгуя своим офицерским званием и навыками, по многу раз пришивали и отпарывали эполеты Сербской армии ради собственной выгоды и стремления как можно быстрее сделать карьеру даже в таких экстремальных условиях³⁵⁶. О судьбе остальных пленных свидетельствуют сообщения немногих лиц, пытавшихся им как-то помочь и объезжавших лагерь по всей России, раздираемой революцией и гражданской войной.

Офицер, лояльный правительству Королевства СХС, который старался найти его граждан и включить их в состав Добровольческих отрядов или рабочих бригад, чтобы тем самым обеспечить их существование, так описывал обстановку в Томском лагере: «Из 10 тыс. югославын более 5 тыс. всё ещё носят австрийскую военную униформу, уже старую и обветшавшую, или отдельные её части... Жизнь в лагере... это сущий ад для наших людей. Состояние бараков не выдерживает никакой критики, в любой колючке у нас на родине санитарные условия значительно лучше, чем в этих бараках... В лагере останутся только непригодные к труду пленные, примерно 500 человек, инвалиды и полуинвалиды, им грозит реальная опасность навеки остаться в снегах Сибири, если не будет оказана своевременная материальная помощь. Пища, которую получают в лагере, слишком скудна, а главное, большинство уже полтора года не получало смену белья, и на многих вместо белья висят какие-то лохмотья, кишащие вшами. Датский Красный Крест, который во времена австрийского правительства

³⁵⁵ АС. Југословенски добровољци у Русији. Ф-9. Отчёт врача Дуймовича из лагеря в Томске ЮНВ в Омске, 3 мая 1919 г.

³⁵⁶ АЈ. 375. Ф-4. № 2991. Повременни в делах Королевства СХС в России Йован Миланкович Военной миссии Королевства СХС в России строго конфиденциально № 2991, от 20 января 1920 г. Похожее: ВА. П-3. Ф-1. № 11/1920.

помогал пленным, делает это до сих пор, но его помощи совершенно недостаточно, она как капля в море»³⁵⁷.

Другое описание положения в Томске оставил лагерный врач, прапорщик медицинской службы Дуймович: «Мы в течение семи месяцев кормим их риторикой, обещаниями и привилегиями, но ничего конкретного так и не смогли сделать... Прежде всего, необходима одежда, на многих остались одни лохмотья... Помещения похожи на тюрьмы. Ни о какой личной гигиене даже речи нет, у большинства нет белья, и тело покрыто слоем грязи... Что касается инвалидов, то общий осмотр показал неспособность многих из них к любому физическому труду. Таких насчитывается около трехсот человек... Основные болезни, которыми страдают пленные, это ревматизм, легочные заболевания и истощение. Их причиной мы считаем эпидемии, преследовавшие наших людей во все время плена. Есть, конечно, и ободряющие моменты, например отсутствие венерических заболеваний, которые могли бы привести к худшим последствиям, чем перечисленные болезни. Число пленных, страдающих легочными заболеваниями, составляет 15%, ревматизмом — 10%, истощением — 20%»³⁵⁸. Разумеется, не везде и не всегда положение было настолько удручающим. А что было делать военнопленному, если он не чех и не словак, не отправлен на работы, не получает пайка, не имеет возможности вернуться, но у него достаточно сил и воли к жизни?

Среди презревших бесплодное ожидание посторонней помощи и пытавшихся что-то предпринять самостоятельно были и такие, кто решил саблей проложить себе обратный путь. Военная миссия Королевства СХС на Дальнем Востоке в июне 1921 г. сообщила полиции Королевства об авантюрах отряда Жарко Магарашевича и его подручного Милияна Урошевича, настаивая на их аресте после возвращения на родину: «Оба занимались в Сибири самыми грязными делами, выдавали себя за сербских офицеров, хотя не имели на это никакого права. Отряд Магарашевича прославился на всю Сибирь как бандитская шайка, грабившая товарные составы на главной сибирской магистрали, так что Союзное Верховное Командование в Сибири издало приказ разоружить их. Произошло вооруженное столкновение, после чего Магарашевич со своими людьми бежал, разрушая на своем пути телеграфную и телефонную связь»³⁵⁹. Отряд Магарашевича сначала

³⁵⁷ АЖ. 375. Ф-2. № 2306. Рапорт члена ЮНВеча подпоручика Пирковича о положении в Томском лагере, № 2306, от 13 июня 1919 г.

³⁵⁸ АС. Југословенски добровољци у Русији. Ф-9 (заробљенички реферат).

³⁵⁹ АЖ. 507. Ф-175/2. МВД, Департамент Бачки, Баната, Барань, конфиденциально № 2480/921, со ссылкой на документ военной миссии в Восточной России, конфиденциально № 893, от 10 июня 1921 г. Конечно, сведениям Союзнического командования не стоит до конца доверять, так как действовало оно тогда не в интересах ни добровольцев, ни Королевства СХС, а по указке французского правительства, интересы которого на Балканах и в Сибири отнюдь не совпадали.

служил в Чешском корпусе, затем в сербском полку «Майор Благодич», затем у адмирала Колчака и, наконец, у атамана Калмыкова. Потом «из-за разногласий» и вопреки советам консула Миланковича³⁶⁰ они отделились ото всех и стали действовать самостоятельно на манер романтических дальневосточных *desperados*. Учитывая обстановку в лагерях и хаос, царивший в России, Магарашевич, видимо, рассудил, что таким образом он обеспечит себе и своим людям лучшую, хотя, может быть, и недолгую жизнь. У него было для этого всё: резвые кони, хорошее оружие, верная дружина, храброе сердце и широкая степь.

Психологическое состояние репатриантов³⁶¹

Политические и моральные отклонения в умах людей, и в том числе — бывших пленников, наряду с нуждой и болезнями, входили в число факторов, создававших крайне подавленное психологическое состояние. Ведь психология пленного сильно отличается от психологии солдата, никогда не бывавшего в плену. Само по себе взятие в плен шокирует настолько, что первое время мысль этих людей работает по инерции: «Это верховное командование виновато, что столько героев оказалось в плену. В вагонах, в которых перевозят военнопленных, обсуждаются сложнейшие стратегические планы поражения русской армии. Согласно этим планам, тысячи русских должны были сейчас перевозить куда-то далеко на Запад в точно таких же вагонах. Такие разговоры, показательные как психологический симптом, ведут, как правило, боевые офицеры»³⁶². Несомненно, воспитание, а также последствия муштры и пропаганды, воздействию которых они долгое время подвергались сами и передавали его другим, настолько доминировали в их сознании, что первое время вытесняли реальность.

Позднее, оказавшись в лагере для военнопленных, «люди становятся похожими на стаю обезьян, они дерутся, кусаются, вцепляются друг другу в волосы, когда русский «старший» делит между ними куски хлеба... Если человек попадает в беду, в нём просыпается стадное чувство. Индивидуум чувствует себя увереннее и сильнее в группе... Говорящие на одном языке сразу объединяются между собой, связанные общностью интересов, что порождает необходимый альтруизм: один за всех и все за одного...

³⁶⁰ ВА. П-3. Ф-1. № 11/1920. Отчет Генерального консула в Сибири Й. Миланковича № 3013, от 5 октября 1920 г., направленный МИД.

³⁶¹ Этот раздел посвящен описанию психологического состояния репатриантов и его последствий и не вторгается в область толкования того, что потребует значительно больше пространства для рассуждений и соответствующей научной компетенции.

³⁶² *Horvat, Josip. Živjeti u Hrvatskoj. Zapisci iz nepovrata 1900–1941. Zagreb, 1984. S. 78.*

Только так можно выстоять»³⁶³. Следовательно, вторая психологическая особенность — создание групп по национальному критерию и разрушение военной структуры и дисциплины. Кроме того, «из-за неизвестности плен психологически тяжелее каторги. Каторжанин знает свой срок... пленный нет. Лагерь постепенно становится похожим на зверинец, каждый в той или иной степени начинает терять душевное равновесие, и среди пленных начинает развиваться особого рода психоз. Он проявляется во всеобщей раздражительности, нервных срывах, неожиданных диких ссорах между лучшими друзьями, беспричинных драках»³⁶⁴. Ни эта, ни следующая цитата не требуют комментария: «Пленные по целым дням караулят, когда по душевой улице пройдёт какая-нибудь особа женского пола. Вид прошедшей мимо женщины действовал на них мучительно возбуждающе... Вынужденное воздержание только усугубляло страдания молодых, здоровых людей, ещё сильнее обостряя психоз плена»³⁶⁵.

В силу этих обстоятельств человек, переживший ужас близкой смерти и позор плена, преодолевает многие страхи и барьеры, его моральная структура нарушается, а самоуважение занижается, разрушая тем самым для многих авторитет офицера. Это явилось одной из причин того, что Добровольческий корпус СХС в России, сформированный из пленных, постоянно разваливался, а с другой стороны, именно поэтому часть пленных стала восприимчива к новым идеям. В отчёте члена Югославянского народного веча в России подпоручика Пирковича о положении пленных в Томском лагере, написанном в июне 1919 г., читаем: «Но они столько пережили, что утратили веру в идеалы и в человечество. И теперь ни одно событие не в силах вывести их из апатии и вселить в них веру и радость жизни. Ими руководит одно желание, это вернуться домой. Оно единственное дает им силы жить дальше»³⁶⁶. От исполнения заветного желания пленных отделяли тысячи километров земли, опустошённой войной, новые государства, новые отношения между людьми.

Большевики же вели свою пропаганду искусно и нагло. Мирко Йованович из Баньи Луки описал судьбу группы сербов, попавших в плен в Сибири: «Большевицкий комиссар в сопровождении русско-венгерской кавалерии вызвал по списку всех офицеров... их под стражей доставили в лагерь для военнопленных... Перепуганные изоляцией офицеров, мы попытались через военных представителей освободить их... Наши люди всегда улучали момент, чтобы сбежать оттуда... Заметив это, большевики установили «круго-

³⁶³ Horvat, Josip. Živjeti u Hrvatskoj. Zapisci iz nepovrata 1900–1941. Zagreb, 1984. S. 79.

³⁶⁴ Там же. S. 84, 85.

³⁶⁵ Там же. S. 85.

³⁶⁶ АЖ. 357. Ф-2. №2306.

вую поруку», частые проверки с заполнением всевозможных анкет, личную ответственность командиров и строгий надзор... Перед тем как высадить людей из эшелонов и отправить на работы, большевики конфисковали фураж полка и медикаменты полкового госпиталя, а затем часто устраивали обыск солдатских вещей»³⁶⁷. Таким образом создавались необходимые условия для психологической обработки общей массы военнопленных: их отделили от элиты, устранив её влияние, запугали и поставили в полную житейскую зависимость, а когда люди достаточно отчаялись и утратили волю, начался процесс навязывания новой идеологической программы. Помочь сопротивляться такому натиску пленным могла только солидарность и надежда на поддержку далекого отечества.

Наиболее агрессивным и ловким манипулятором прослыл некий комиссар Гагич: «Когда комиссарствовал Гагич, среди людей началась агитация... Все, кто быстро поддавался влиянию Гагича..., стали жить лучше... Гагич установил жандармский режим, систему шпионажа, организовал по ротам коммунистические ячейки со своими агентами во главе... Как агитатор выдвинулся московский агент Филиппович..., который, пользуясь невыносимыми условиями наших людей на лесоповальных работах, заманил их в партию или в качестве непартийных посылал их... в Москву, чтобы по окончании специальных курсов отправлять их домой как австро-венгерских военнопленных. Отчаянное положение, тяжкий физический труд, голод, полураздетость, потеря надежды на эвакуацию, на помощь и заботу нашего правительства привели к тому, что лучшие из наших людей уехали в Москву во избежание верной смерти. Более стойкие характеры и по сей день изнывают в сибирских лесах»³⁶⁸. Таким методом коммунисты действительно могли принудить некоторых к сотрудничеству, однако непонятно, как они могли надеяться, что оно будет искренним, надежным и продолжительным?

Наконец, культивированные таким образом «бациллы революции» рано или поздно достигали места назначения. Однако там уже работал от-

³⁶⁷ АЖ. 14. Ф-211. 70–75. Йованович — пронизательный и образованный наблюдатель. Он был редактором журнала «Југословенско уједињење» («Югославянское объединение», орган Временного югославянского народного комитета в России) и близок официальному представительству Королевства СХС в Сибири. Своё заявление направил после репатриации 22 ноября 1921 г. в Департамент государственной защиты МВД в Белграде, № 17151. Похожие заявления направляли также Велимир Костич из Сараева (АЖ. 14. Ф-16. 234–235), Петар Иванишевич из Буча (АЖ. 14. Ф-160. 100–101) и другие.

³⁶⁸ АЖ. 14. Ф-211. 70–75. Неудивительно, что метод психологической обработки, который здесь описан, очень похож на метод, впоследствии применявшийся югославскими коммунистами на Голем Отоке и заключавшийся в том, чтобы принудить инакомыслящих к «ревизию» их политических позиций. Упомянутый «московский» агент, вероятно, Роман Филиппович, бывший пленный.

лаженный механизм по выявлению опасной «заразы». Так, 31 декабря 1922 г. железнодорожная полиция при проведении ревизии поездов арестовала и доставила в Сомбор на допрос некоего Адама Энгельмана из Бидольи (область Баранья), который имел при себе поддельный паспорт на имя Адамовича. Большевики голодом вынудили его вступить в их армию в Федосии, откуда он и ещё тридцать человек вернулись в Королевство СХС, дав обещание вести там пропаганду большевистских идей³⁶⁹. Затянувшееся ожидание, когда же на Балканах наконец вспыхнет революция, не заставило большевиков сменить тактику, оказавшуюся малоэффективной. Они придерживались её и в послевоенные годы и, по всей видимости были бесильны сделать нечто большее.

Состояние духа бывших пленных очень искренне и проникновенно описал репатриант Божо Турина, возвращавшийся из Сибири через Шанхай, Гонконг, Порт Саид и Ливерпуль, когда пытался объяснить представителям британских властей в Шанхае свои намерения: «Я еду домой, мне сейчас все равно, я устал, с меня хватит, я болен и больше не могу!»³⁷⁰ В таком состоянии люди не поднимают революцию, хотя среди апатичной массы наверняка были и такие, кто лелеял эту мысль. Большинство репатриантов растратили волю и жизненную энергию в окопах Великой войны, а оставшиеся крупницы поглотили лагеря для военнопленных, Октябрьская революция, гражданская война в России и долгий, полный неизвестности путь домой. Это стало одной из причин провала большевистских организаций, возникавших среди репатриантов из России — от Югославянского революционного союза до Югославянской коммунистической группы «Пелагич». Все они были небольшими и действовали непродолжительное время³⁷¹. Инициатива кучки идеалистов, замкнувшихся в кругу своих желаний и теорий, не нашла отклика ни среди бывших военнопленных в России, которые должны были составить основную целевую группу, ни тем более среди тех, у кого не было опыта русского плена.

Впрочем, что большевикам удалось — это посеять страх. Страх охватил правящие круги в странах, которым непосредственно грозил «экспорт революции», страх вселился в элиту «великих держав»³⁷², страх терзал и самих бывших пленных. Некоторые репатрианты были настолько сбиты с толку и напуганы, гадая о том, что их ожидает на родине, что, прибыв в Королевство СХС, подумывали о возвращении в Россию, голодную

³⁶⁹ АЈ. 14. Ф-136. 131, 132.

³⁷⁰ АЈ. 341. Ф-2. 1919. Письмо Божидара Турины посольству Королевства СХС в Лондоне, 15 июня 1919 г.

³⁷¹ К. Николић. Большевизација. С. 36–41.

³⁷² Там же. С. 46–48, также см.: W. Chirchill. The Bolshevik Menace. P. 85–92.

и большевистскую!³⁷³ С другой стороны, во время празднования Первого мая в Королевстве СХС в 1919 г. ситуация была настолько напряженной, что во Временном Народном представительстве обсуждали чрезвычайные полицейские меры, вызванные «психозом» и «страхом»³⁷⁴. Именно этот страх заставлял государственные органы предпринимать все более энергичные меры по защите существующего порядка. Тем самым создавалась обратная связь, где лагерь для изоляции обрекли свое место.

Политические убеждения репатриантов

Как было сказано выше, появление такого феномена, как лагерь, обусловлено действительной или предполагаемой взаимосвязью идей и народной массы, в данном случае разнородной массы военнопленных из России и бывших австро-венгерских солдат, подозревавшихся в распространении «губительных бактерий большевизма». Интервенции идей, захвативших сознание отдельных репатриантов, отпечатанных на листовках³⁷⁵, в журналах³⁷⁶, брошюрах³⁷⁷ и спрятанных в походных рюкзаках и одежде, противостояла политическая и военная верхушка Королевства СХС, готовая на любые меры ради обороны своей системы ценностей. Изучая сеть лагерей в Королевстве СХС, можно увидеть картину конфликта двух враждующих идеологий.

Постепенное на первых порах распространение новых идей резко усилилось вследствие влияния Октябрьской революции на умы современников. За обещаниями и словесными угрозами левых идеологов теперь стояла военная сила, хоть и далёкая, но реальная и значительная. С точки зрения государственных интересов Королевства СХС после большевистского переворота стало невозможно терпеть «революционные» выпады трактирных крикунов³⁷⁸, а тем более деятельность нелегальных организаций, пусть малочисленных, но имевших среди членов и военных. При этом не следует забывать, что меры изоляции являлись лишь частью мер в отношении России, принятых либерально-демократическими государствами, в том числе

³⁷³ AJ. 516. МГ-247. 6, 7.

³⁷⁴ ПНП. II, Загреб, 1920. С. 700, 26 очередное заседание, 27 мая 1919 г.

³⁷⁵ Одно воззвание, относящееся к 1918 г., заканчивается провокационными призывами: «Товарищи югославяне! Все в ряды Красной Армии! Все к оружию! Да здравствует свободная рабочая Россия! Да здравствует мировая революция!..». Под возванием подписались Паршин, Чоп и Ратков (АС. Југословенски добровольци у Русији. Ф-8).

³⁷⁶ Наиболее известным был журнал, название которого говорит само за себя, — «Всемирная революция» (*K. Isovici. Odjeci. S. 414, 415*).

³⁷⁷ Названия некоторых брошюр: «Азбука коммунизма», «Политическая экономия», «Организация советвласти на местах», «Устав Р. К. П.», «Тезисы для агитаторов», «Пауки и мухи», «Что хотят коммунисты» и т. д. (AJ. 507. 16. 717. 12525).

³⁷⁸ AJ. 14. Ф-167. 270.

Королевством СХС, выполнявшим свои международные обязательства³⁷⁹. Разумеется, не все репатрианты были противниками большевизма, и те, кто его принимал, это делали по-разному и по различным причинам. Поэтому следует хотя бы приблизительно классифицировать политические убеждения репатриантов.

В социальном отношении основную массу пленных (до 80%!) составляли малообразованные или совсем неграмотные крестьяне³⁸⁰, консервативные и недоверчивые, чуждые каким-либо новшествам, в основном небожные и политически инертные. На многих из них даже в плену большое влияние оказывали офицеры. Случалось иногда, что с помощью надёжных немцев и венгров им удавалось создать внутри лагеря неприметную, но сильную организацию, способную противостоять не только влиянию агитаторов, но и русских властей в лагере. Это особенно было заметно на фоне разброда и апатии, охвативших государственные органы после Февральской революции³⁸¹. Как показала практика, всякий раз, когда офицеров не отделяли от рядовых, иерархия и авторитет сохранялись (по крайней мере, какое-то время и для большей их части). За этим стояла боязнь за семьи, беззащитные перед австро-венгерскими властями, а также неверие в возможность гибели Дуалистической монархии. Силу сплочённых военнопленных можно было при необходимости использовать и для противостояния большевизму, и против Добровольческого движения и проводимой им политики. Сами солдаты, если получали возможность выбирать, охотнее шли на полевые работы или на фабрику вне лагерных стен, где могли немного заработать³⁸². Тем самым они избегали и фронта, и лагеря, и агитаторов разных мастей, а также получали шанс наладить социальные контакты³⁸³. В целом создаётся впечатление, что большинству югославских репатриантов большевистская идеология осталась чуждой и они старались держаться как можно дальше от российских убоиц.

³⁷⁹ О европейско-американской политике в отношении большевиков Франческо Нитти, тогдашний председатель итальянского правительства, впоследствии писал: «После военных неудач наступил черёд экономической борьбы. Как тогда говорили, Россию хотели опоясать колючей проволокой. Их рассчитывали взять измором» (*Нитти, Франческо*. Большевизм, фашизм и демократия. Београд, 1927. С. 102).

³⁸⁰ *И. Очак*. Југословени. С. 33.

³⁸¹ *J. Horvat. Živjeti u Hrvatskoj*. С. 89, 116; ВА. П-10. К-28. Ф-2. № 17/6; 17/7. Рапорт подпоручика Ристы Ристича командиру IV пехотного полка I дивизии Добровольческого корпуса СХС, 15 января 1918 г.

³⁸² Это ещё в апреле 1917 г. заметили и офицеры Сербского добровольческого корпуса: «Солдаты в открытую говорят, мол, или все идём работать, чтобы хоть копейку добыть, или все дружно идём выполнять свои солдатский долг» (Рапорт заместителя командира 2-го батальона капитана Стояновича командиру IV пехотного полка I Сербской добровольческой дивизии, 10 (23) апреля 1917 г. (ВА. П-10. К-28. Ф-2. № 9/3).

³⁸³ АЖ. 516. МГ-244.

Часть репатриантов, движимая стремлением к национальному освобождению и объединению, выразила свои политические убеждения, вступив в Сербский добровольческий корпус. В его рядах они воевали на стороне Антанты, а некоторые подразделения Корпуса использовались и непосредственно против большевиков в составе иностранных интервенционных войск. Поначалу воодушевление добровольцев было очень сильным и внятно мотивированным. Касаясь этого, сербский консул Миланкович писал: «Интересно, что все сербы из Воеводины просили, чтобы я им ставил отметку в паспорте об их происхождении из Шумадии. Все хотели быть из Крагуевца, это им казалось до мозга костей сербским!...»³⁸⁴. С другой стороны, командующий Корпусом генерал Михайло Живкович считал, что должен «представлять политическое и национальное единство сербов, хорватов и словенцев» и «быть представителем будущего югославского государства..., которое могло бы завоевать уважение Европы своей солидностью и значением»³⁸⁵. Между тем судьба Корпуса во многом предопределила судьбу будущего государства и армии, которая её защищала³⁸⁶.

Сколько же человек прошло через Добровольческий корпус, выразив таким образом свои политические воззрения? По данным военного министра Божидара Терзича, всего через Сербское войско прошло примерно 70 тыс. добровольцев³⁸⁷. Среди них 2479 чел. прибыло из Америки, около 300 чел. — из рядов австро-венгерской армии, попавших в плен в Италии, около 2000 чел. — из освобождённых областей Македонии, и около 3500 чел. австро-венгерских солдат, взятых в плен Сербской армией³⁸⁸. Всего около 8300 чел. Остальные 62 тыс. человек были из русских лагерей для военнопленных. И это при том, что из-за плохой организации и различных проволок Добровольческий корпус принял меньше добровольцев, чем изъявили желание вступить в его ряды³⁸⁹.

³⁸⁴ *J. Миланкович*. Успомене из Сибира. С. 35. (Воеводина — «австрийская» окраина Сербии. Шумадия — центральная часть Сербии, её «ойкумена». Крагуевац — город в этой части страны. — Прим. редактора.)

³⁸⁵ ВА. П-10. К-3. Ф-5. № 34/19.

³⁸⁶ Ср. комментарии о Корпусе из работы с результатами новейших исследований роли военного фактора в Югославии (*Bjelajac, Mile*. *Jugoslovensko iskustvo sa multietničkom armijom 1918–1991*. Beograd, 1999).

³⁸⁷ ВА. П-3. К-454. Ф-11. № 9/64. Приказ военного министра Божидара Терзича от 27 июля (9 августа) 1917 г., № 9250.

³⁸⁸ Кратка историја нашег Добровольчакког корпуса у Русији // *Н. Поповић*. Добровольци. С. 339–347 (текст взят из документации Верховного командования); *Андреј Митровић*. Србија у Првом светском рату. Београд, 1984. С. 135.

³⁸⁹ Реферат др. Анте Манџича о добровольчакког покрету упућен проф. Франу Барацу у Паризу // *Н. Поповић*. Добровольци. С. 371.

Данные о национальном составе Корпуса привёл член Югославянского комитета д-р Анте Мандич³⁹⁰. Согласно этим данным, 15 апреля 1916 г. Первую добровольческую дивизию пополнил 9751 серб, 14 словенцев, 8 русских, 84 хорвата, 25 чехов и 22 человека иных национальностей. Во Второй добровольческой дивизии на 20 ноября 1916 г. служило 6200 сербов, 3144 хорвата, 1446 словенцев, 193 чеха и словака, 13 малороссов, 8 поляков и 84 человека иных национальностей. В то время состав Корпуса был наиболее многочисленным и насчитывал 21 тыс. человек. Следовательно, сербов было большинство, примерно три четверти, на другие же национальности суммарно приходилась оставшаяся четверть. И именно эта смешанная четверть оказалась самой неблагонадёжной и склонной к разного рода враждебным Корпусу акциям и агитации.

Для исследования политических убеждений особенно интересны те подразделения Корпуса, которые вследствие различных причин не были переброшены на Солунский фронт в 1917 г. и с большим опозданием вернулись на родину в течение 1920 и 1921 гг. У них было ярко выраженное антибольшевистское настроение, часть их осталась на свободе и входила в состав войск союзников в Сибири, а часть оказалась в плену у большевиков, которые держали добровольцев «разутыми и раздетыми» на самых тяжёлых работах, и те отчаянно пытались привлечь хоть чьё-нибудь внимание к своей судьбе: «Нам некому жаловаться, от нас все отвернулись»³⁹¹. Если им каким-то образом удавалось освободиться — а единственный путь к спасению зачастую пролегал через Москву и курсы агитаторов³⁹², — то по возвращении на родину они вновь попадали в лагеря, на этот раз по подозрению в распространении большевизма.

Политические настроения хорватов и словенцев, служивших в Добровольческом корпусе, также преимущественно определял национализм, проявившийся в так называемом диссидентском движении. «Диссидентами» называли недовольных и беглецов. Первая волна дезертирства приходится на октябрь 1916 г., когда ряды Корпуса покинули насильно мобилизованные пленные («силовольцы»), в основном из Второй дивизии. Из 7 тыс. мобилизованных сербов в ней осталось 6200, из 9 тыс. мобилизованных хорватов — 3144, а из 4 тыс. мобилизованных словенцев — 1446³⁹³. Следовательно, Корпус тогда лишился 11% сербов, 65% хорватов и 64% словенцев.

³⁹⁰ Реферат др. Анте Мандича о добровольчачком покрету упућен проф. Франу Барацу у Паризу // Н. Поповић. Добровольци. С. 370 и 377.

³⁹¹ АЈ. 507. 549. 6, 7, 17. От имени двухсот собратьев по несчастью из Саратовской группы заклинал помощь Югославянское Бюро Агитации и Пропаганды при РКП(б) Владимир Христић.

³⁹² АЈ. 507. 549. 6, 7, 17.

³⁹³ Мандићев реферат. С. 376, 377.

Такая пропорция явно указывает на связь дезертирства с религиозными и национальными мотивами.

Политическая подоплека этого явления была отмечена тогда же: какие-то пленные хорватские офицеры «нарочно подговаривали солдат хорватов и словенцев не воевать за Великую Сербию, потому что они станут рабами сербов, им будет ещё хуже и тяжелее, чем под Австрией, и поэтому не нужны никакие объединения с сербами, лучше быть в плену, потому что тогда Словения и Хорватия станут самостоятельными и свободными государствами»³⁹⁴. Такая политическая позиция всегда находила соответствующую поддержку окружающих: «Постоянно шла провокация от представителей «Великой Хорватии» и «Великой Словении» вне корпуса, которые были связаны с крайними реакционными кругами в России и пытались развалить Корпус»³⁹⁵. Напряжённость отношений между православными и католиками в Корпусе многократно возросла, однажды это привело к кровавому столкновению, в результате которого погибло 13 солдат, а казакам пришлось вмешаться и навести порядок³⁹⁶. Председателя сербского правительства Николу Пашича информировали о сложившемся положении вещей, в ответ он посоветовал сербам вести себя как можно терпимее³⁹⁷.

Вторая волна дезертирства началась в апреле 1917 г., у нее был другой повод, но те же самые предпосылки: «С первого дня, когда стало известно о свершившейся революции в Петрограде, евреи, местные жители, повели открытую агитацию среди солдат, говорили, что сербская армия представляет старый режим..., что нас нанял дом Романовых, поэтому мы опасны для нового порядка, и даже что наши войска принимали активное участие в борьбе против революционеров в Петрограде»³⁹⁸. И сами «диссиденты» пытались объяснить, на кого и почему они надеются: «Мы хотим в рядах

³⁹⁴ ВА. П-10. К-43. Ф-2. № 29/3а. 8. Рапорт командира VII пехотного полка II бригады II Сербской добровольческой дивизии полковника Или Миладиновича, направленный командиру II бригады полковнику С. Димитриевичу, конфиденциально № 157, 23 апреля (6 мая) 1917 г.

³⁹⁵ Мандићев реферат. С. 379. «Крайними реакционными кругами» были германофилы внутри российской царской элиты, а также среди представителей еврейского и немецкого меньшинств в России. См. также: Извоштај пов. бр. 919 команданта 2. пешадијског пука 1. дивизије Добровольчког корпуса СХС команданту прве бригаде, Березовка 28. IV. 1917 и Меморандум команданта Добровольчког корпуса СХС о инциденту группе офицера Хрвата и Словенца у корпусу, Одесса 23. V. 1917. Оба документа: Н. Поповић, Добровольци. С. 239, 225–236.

³⁹⁶ Мандићев реферат. С. 376. Похоже и в рапорте заместителя командира 2-го батальона капитана Стояновича командиру IV пехотного полка I Сербской добровольческой дивизии, 10 (23) апреля 1917 г. (ВА. П-10. К-28. Ф-2. № 9/3).

³⁹⁷ А. *Laimović*. Nikola Pašić. С. 218.

³⁹⁸ ВА. П-10. К-43. Ф-2. № 29/3а. 8. Рапорт командира VII пехотного полка II бригады II Сербской добровольческой дивизии полковника Или Миладиновича, направленный командиру II бригады полковнику С. Димитриевичу, конфиденциально, № 157, 23 апреля (6 мая) 1917 г.

русской революционной армии всеми силами приблизить победу наших идеалов... Сейчас в руках русской армии судьба и свобода не только русско-го, но и всех малых народов, с победой они добьются всего»³⁹⁹.

Когда в мае 1917 г. улеглась вторая волна страстей, картина оказалась следующей: Корпус насчитывал 19472 чел., из них 16652 серба, 668 хорватов, 243 словенца, 90 чехов, 1847 русских и 62 чел. иных национальностей. Офицеров осталось 779 чел., из них 411 сербов, 98 хорватов, 39 словенцев, 98 чехов, 125 русских, 8 иных. Новые добровольцы, вступившие в Корпус до августа 1917 г. были в основном сербами, в количестве 1882 чел., хорватов вступило всего 100 чел., а словенцев 25 чел.⁴⁰⁰ Некоторые более образованные и умные офицеры сумели быстро и точно понять механизм возникновения проблемы: «Главные виновники брожения, которое наступило в наших подразделениях, — это различные комитеты, чья цель — внести в нашу среду все русское, а зачастую и «специфически русское»⁴⁰¹. Под этим «специфически русским» подразумевались уходившие корнями в русские революционные кружки XIX в. большевистские цели и методы, соответствовавшие национальному и религиозному недовольству и государственным амбициям.

Третий источник неприятия нового государства — это лояльность Габсбургам, за которой могли скрываться национализм, большевизм или попросту страх. Сербский офицер, призывавший хорватов вступать в Добровольческий корпус или хотя бы не возвращаться в Австро-Венгрию, чтобы не воевать опять с Союзниками, услышал решительный отказ: «Мы будем драться со всеми, с вами, сербами, тоже! Мы были и останемся австрийскими солдатами!»⁴⁰² А те, кто все же был мобилизован в ряды Корпуса, «постоянно саботировали: целые четы демонстративно бросали ружья и кричали: «Да здравствует Франц Иосиф!»⁴⁰³ Такое настроение подогревали тенденциозные слухи о том, «что все пленники-добровольцы, попавшие в руки неприятеля, будут повешены, их семьи перебиты, а имущество конфисковано»⁴⁰⁴. Неудивительно, что в приёмных лагерях на границах Королевства СХС к приверженцам дома Габсбургов стали относиться как к врагам государства. Хотя среди них оказалось мало таких, как Лука

³⁹⁹ Декларација официра и ђака хрватске и словеначке народности што су иступили из Српског добровољачког пука, Одесса, V. 1917 // *Н. Поповић*. Добровольцы. С. 261.

⁴⁰⁰ Мандићев реферат. С. 381.

⁴⁰¹ Извештај санитарског референта 1. дивизије Добровљачког корпуса СХС команданту 1. дивизије, Вознесенск, 28. IV. 1917 // *Н. Поповић*. Добровольцы. С. 171.

⁴⁰² ВА. П-10. К-28. Ф-2. № 17/7. 2. Рапорт подпоручика Ристы Ристича командиру IV пехотног полка I дивизији Добровљачког корпуса СХС, 15 јануара 1918 г.

⁴⁰³ Мандићев реферат. С. 376; похожее: ВА. П-10. К-3. Ф-5. № 34/23.

⁴⁰⁴ Кратка историја. С. 342.

Сертич, Роберт Валдони, Павел Грегориц, Герман Самец, Густав Барабаш, Владимир Чопич и другие, впоследствии ставших в ряды большевиков⁴⁰⁵.

На руку различным агитаторам, в том числе и большевистским⁴⁰⁶, сыграло и то, что многие репатрианты перестали уважать авторитет офицеров, поскольку нередко видели своих командиров арестованными и униженными милицией различных советов и комитетов⁴⁰⁷ или становились свидетелями сцен, как русские солдаты срывали с них эполеты, а те не смели сопротивляться⁴⁰⁸. У некоторых в памяти остались гораздо более страшные сцены. Например, в Омске «с приходом большевиков... «юнкеров» вешали прямо на столбах вдоль улиц. Зимой их трупы висели по многу дней для устрашения возможных сторонников контрреволюции»⁴⁰⁹. В Одессе было то же самое: «Это террор... Убивают и убивают... Рядом с моей квартирой располагался штаб «красной гвардии»; из окон я видел уличные баталии, разворачивавшиеся на моих глазах, видел целые вереницы русских офицеров, которых вели в «красный» штаб, а потом видел пустые автомобили, отъезжавшие оттуда, или автомобили, груженные офицерскими саблями»⁴¹⁰. Те, кто наблюдал подобное, не только приобрели «иммунитет» к «бациллам большевизма», но и стали его ярыми противниками.

Сравнительно небольшую группу составляли подпавшие каким-то образом под влияние большевизма, хотя большей частью это были сочувствующие, зачастую колеблющиеся. Поддавшись обещаниям большевиков, они поверхностно приняли их учение и фактически не разбирались в его сути. Их «участие» в революции было в основном пассивным и сводилось к посещению манифестаций, обструкции работы русских властей в лагерях и офицеров в Добровольческом корпусе, отчего происходили различного рода инциденты. Накануне празднования Первого мая 1917 г. в Вознесенске колонна солдат «с красными флагами и кокардами» направилась в штаб 1-й дивизии Добровольческого корпуса «протестовать против при-

⁴⁰⁵ АЖ. 14. Ф-161. 205; ВА. П-10. К-28, Ф-2. № 19/34.

⁴⁰⁶ Об агентах-провокаторах говорит и Й. Миланкович (Успомене из Сибири. С. 63), а также командир II бригады II Сербской добровольческой дивизии полковник С. Дмитриевич в своем Оперативном дневнике за 29 марта 1917 г. (ВА. П-10. К-39, Ф-1. № 1/1, стр. 49, 59, 79); командир I отряда I батальона VII пехотного полка II Сербской добровольческой дивизии полковник Илия Миладинович в рапорте своему командованию. № 157, Орлов 23 апреля (6 мая) 17 г. (ВА. П-10. К-43. Ф-2. № 29/3а); и др.

⁴⁰⁷ ВА. П-10. К-4а. Ф-1. № 22/20. Командир II Добровольческой дивизии полковник Димитриевич Командующему Добровольческим корпусом СХС, Александровск, 24. IV. 1917.

⁴⁰⁸ ВА. П-10. К-4а. Ф-1. № 22/22. Шифрованная телеграмма генерала Живковича, командующего Добровольческим корпусом СХС, военному министру генералу Божидару Терзичу, № 921, 25 апреля (8 мая) 1917 г.

⁴⁰⁹ *Ј. Миланковић*. Успомене из Сибира. С. 150.

⁴¹⁰ *Ј. Миланковић*. Успомене из Сибира. С. 150–151.

каза не ходить на манифестацию» в городе⁴¹¹. Походы на митинг, с одной стороны, давали возможность общаться с людьми вне лагеря (в том числе с женщинами!), до чего пленные были охочи, а с другой все равно большевистского влияния невозможно было полностью избежать. Напористой агитации пленные подвергались уже в лагерях, митинги и концерты организовывались вплоть до отправки поездов (буквально на перроне), а пропаганда велась и в поездах, и на борту теплоходов, перевозивших репатриантов домой⁴¹².

Наконец, самую немногочисленную группу составляли те, кто сознательно и открыто отстаивал большевизм, вёл агитацию и участвовал в вооружённой борьбе. В литературе называется различное число сербов, хорватов и словенцев, участвовавших в революции на стороне левых. По одному мнению, «Югославянский революционный совет... поначалу насчитывал около 20 тыс. человек»⁴¹³; другие источники утверждают, что их было около 30 тыс.⁴¹⁴; третьи упоминают «десятки тысяч новых югославянских красных бойцов»⁴¹⁵. Между тем, по данным Федерации иностранных групп коммунистов при ЦК РКП(б), которые должны быть наиболее точнее любых других, в рядах Красной Армии в марте 1919 г. было от 30 до 35 тыс. «интернационалистов», то есть бывших австро-венгерских и немецких солдат разных национальностей⁴¹⁶. Сколько среди них было южных славян, не указывалось. Общее число пленных в России составляло 2322378, из них 167082 немцев, 50 тыс. турок, 200 болгар и 2104146 австро-венгерских солдат⁴¹⁷. Вполне возможно, что 10% этого числа приходилось на южных славян, это около 200 тысяч. Если такая пропорция сохранилась и в Красной Армии, то южных славян в её рядах могло быть 3–3,5 тыс. Их отряды были малы, разрозненны, их состав менялся, в отдельные моменты общая численность нескольких отрядов достигала 5–6 сотен⁴¹⁸. Наверняка большевиками были не все из них, по крайней мере, в прямом смысле, особенно если учесть, что в 1920 г. в Сибири и Казахстане из 2412 красноармейцев из южных славян только 49 были членами коммунистической партии и 133 кандидата-

⁴¹¹ ВА. П-10. К-43. Ф-1. № 26/3. Рапорт начальника штаба полковника Владимира Белича командиром I дивизии Добровольческого корпуса СХС, Вознесенск, 19 апреля (2 мая) 1917 г.

⁴¹² ВА. П-10. К-43. Ф-1. № 26/3; АЖ. 14. Ф-132. 249; АЖ. 14. Ф-136. 93; АЖ. 14. Ф-161. 259; АЖ. 507. 16. 717, 12519; АЖ. 507. 549. 6, 7, 60.

⁴¹³ А. Митрович. Србија. С. 518.

⁴¹⁴ Učesnici. S. 101.

⁴¹⁵ Груловић, Никола. Југословени у рату и Октобарској револуцији. Београд, 1962. С. 311.

⁴¹⁶ И. Очак. Из историје учешћа југослована. С. 319.

⁴¹⁷ Сибирская энциклопедия. С. 517, 518.

⁴¹⁸ И. Очак. Из историје учешћа југослована. С. 299–319.

ми⁴¹⁹. Поэтому вполне правдоподобным представляется, что с весны 1918 г. по сентябрь 1921 г. общее число организованных югославянских коммунистов в России не превышало тысячи человек⁴²⁰. Если сравнить эту цифру с 62 тыс. солдат, прошедших через Добровольческий корпус, становится ясно, кто преобладал — поборники большевизма или других политических позиций. Однако истинная опасность была не в количестве коммунистов, а в том, что в недрах этой группы зрело кадровое ядро готовившейся революции в Королевстве СХС.

Этот план не остался в тайне, да большевистские военные и политические органы и не скрывали его в своей переписке: «Решено основать просветительский союз для пропаганды коммунистических идей среди военнопленных и для их подготовки к вооружённому восстанию после возвращения на родину»⁴²¹. Для достижения поставленной цели, помимо прочего, было важно создать благоприятное впечатление о большевизме: «Позаботьтесь о том, чтобы наши граждане, отъезжающие на родину, ехали с уверенностью, что во всем плохом, что они здесь видели или им довелось испытать на себе, виновата не советская система и коммунисты, а продолжение войны, а в этом повинны союзники»⁴²². Этого было недостаточно. Чтобы расчислить «своим людям» простор для деятельности, большевики с самого начала пытались обезвредить противников революции: «Следите за контрреволюционными элементами и, если кто-нибудь окажется врагом пролетариата, задерживайте его. Особенно это касается интеллигенции, которой, как показала Русская революция, нельзя доверять»⁴²³. Отдельные репатрианты, перед тем как получить разрешение на возвращение, до пяти месяцев проводили в Москве «в каком-то лагере, где содержалась югославянская интеллигенция, заподозренная в неблагонадежности»⁴²⁴. Другую опасную для большевиков категорию составляли пленные офицеры, поэтому их собрали в одном лагере с особо строгим режимом⁴²⁵.

⁴¹⁹ И. Очак. Из истории участия югославян. С. 312.

⁴²⁰ Поповић, Никола. Југословенска централна комунистичка организација у Русији (1918–1921) // Прилози за историју социјализма. 5. 1969. С. 314, 315.

⁴²¹ АЈ. 507. 549. 1, 77. Окружной военный комиссариат южнорусских республик, Царицын, телеграмма № 346 от 27 июня (10 июля) 1918 г., направленная в Царицынский комитет РКП(б).

⁴²² АЈ. 507. 16. 717, 12525. Письмо в петроградский Югославянский Отдел Агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) в Москве направил Томац, секретарь Югославянского Бюро Агитации и пропаганды при РКП(б).

⁴²³ АЈ. 507. 16. 717, 12525. Письмо в петроградский Югославянский Отдел Агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) в Москве направил Томац, секретарь Югославянского Бюро Агитации и пропаганды при РКП(б).

⁴²⁴ АЈ. 507. Ф-56/22. Воспоминания Янеза Оражена, относящиеся к 1921 г.

⁴²⁵ АЈ. 507. 549. 6, 35. Эту меру 1 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложил член президиума Центрального Югославянского бюро. Подпись неразборчива.

При выявлении идеологических противников большевики не ограничивались доносами и изоляцией. Сохранились заявления репатриантов, что доходило и до убийств тех, кто оказывал сопротивление «большевизации». Иногда эти свидетельства основывались на слухах, но иногда происходили из первых рук⁴²⁶. Один из большевиков-активистов на тот момент и убеждённый их сторонник Лазар Вучичевич описал расстрел трёх человек, совершивших покушение на близкого большевикам полковника Александра Серба: «На берегу... Дона наш залп сразил трёх холуев, нанятых нашими кровопийцами, которые убийством отважного Серба хотели выказать свою бессильную злобу против нашей борьбы, думая, что тем самым им удастся нас сломить. Но неумолимая правда восторжествовала, и белый Дон окрасился в красный цвет... Такая кара ждёт всех виновных и подстрекателей»⁴²⁷. Кого и когда в тот раз расстреляли, не совсем понятно, поскольку младший унтер-офицер Сриемчевич и два его сообщника, о которых достоверно известно, что это они убили Серба, спустя два года после убийства служили в армии генерала Деникина и планировали вернуться домой. Очевидно, Сриемчевич ожидал, что в сербском посольстве в его честь поднимут бокалы, узнав, что он — убийца Серба⁴²⁸! В рамках Мировой войны и «великой» гражданской войны в России шла «малая» гражданская война между южными славянами различных национальностей, а в рамках этой войны происходил свой идеологический конфликт между сербами. Подобная ситуация возникла вновь через двадцать лет, во время Второй мировой войны в Югославии.

Размежевание «благонадёжных» и «неблагонадёжных» не всегда было радикальным, однако и в более мягких формах позволяет увидеть политические убеждения репатриантов. Поскольку зачастую бывшие пленные знали друг друга, большевики под разными предлогами затягивали репатриацию тех, кто был им враждебен и при пересечении границы мог указать на агитаторов и слушателей курсов. Рядовых солдат задерживали не менее чем на три недели⁴²⁹, чтобы большевистские агенты могли проникнуть на территорию Королевства СХС. В качестве дополнительной конспиративной меры на кусках ткани печатались удостоверения, которые должны были помочь пробольшевистски настроенным репатриантам установить контакты после возвращения в страну⁴³⁰. Несмотря на то, что репатрианты тщатель-

⁴²⁶ АЈ. 14. Ф-149. 288–291; АЈ. 507. Ф-56/28.

⁴²⁷ Л. Вучичевич. Успомене. С. 132. Серб в качестве сербского офицера сначала был членом организации «Чёрная рука», затем перешёл к большевикам.

⁴²⁸ ВА. П-6. К-638. Ф-3. № 25/4. Начальник генштаба Второго армейского округа полковник М. Йованович, № 221, командующему Зетским дивизионным округом, 25 февраля 1920 г.

⁴²⁹ АЈ. 507. Ф-56/22; Ф-57/1; похожее: 507, 549, 6, 7, 119.

⁴³⁰ АЈ. 507. Ф-56/30. 720, 721; АЈ. 516. МГ-191. 11; К. Isović. Odjeci. S. 565, 568.

но прятали эти удостоверения, вшивая их в воротники, штаны, головные уборы, пояса и ремни, полиции все равно удавалось их найти, благодаря чему эти документы нам известны: «№ 577/1921 г., УДОСТОВЕРЕНИЕ выдано Центральным Югославянским Бюро при ЦК РКП(б) товарищу Синановичу Алилу в том, что он, согласно кандидатскому билету № 29430 Московской организации (Городского района), действительно является кандидатом РКП(б) с 8 февраля 1921 г. Заверено подписью и печатью. Москва, 2 апреля 1921 г. Для Центрального Югославянского Бюро»⁴³¹. Однако всё это не могло гарантировать успешное внедрение. В распоряжении полиции Королевства СХС уже имелись имена, описание, а порой и краткие биографические сведения преподавателей курсов и наиболее активных агитаторов на случай, если им вздумается пересечь границу югославского государства⁴³².

Многие репатрианты обзавелись в России семьёй, что с учётом длительности их пребывания в плену и дисбаланса полов, постигшего Россию вследствие войны и революции, не вызывает удивления. Некоторые молодые жёны разделяли политические взгляды своих мужей и помогали в их деятельности, в силу чего тоже попали в поле зрения полиции Королевства СХС⁴³³. Наиболее известен пример репатрианта Иосифа Броза, появившегося в стране в 1920 г. с русской женой Пелагеей Белоусовой-Броз «в своей астраханской меховой шапке, на которой остался след от снятой металлической пятиконечной звезды»⁴³⁴. Вскоре по прибытии Иосиф Броз и его жена установили связь с политическими единомышленниками в Загребе. В их партийной ячейке помимо нескольких пролетариев числился и писатель Крлежа⁴³⁵.

В переписке государственных органов часто встречается информация о том, что среди репатриантов есть слушатели большевистских курсов. Это вызывало особое беспокойство, так как было известно, что на этих курсах «преподавалась военная тактика и так называемая политическая грамота, основы политической экономии, история мирового рабочего движения и большевистской партии»⁴³⁶. И хотя некоторые из слушателей действи-

⁴³¹ АЈ. 507. Ф-56/30 (подписи неразборчивы).

⁴³² АЈ. 14. Ф-160. 128, 129; АЈ. 14. Ф-161. 304; АЈ. 14. Ф-211. 85; АЈ. 14. Ф-221. 491; АЈ. 507. Ф-56/30. 723, 724; Комунисти. I. Београд, 1921, и т. д.

⁴³³ АЈ. 14. Ф-149. 288–291.

⁴³⁴ *I. Očak*. Krlježa — partija. Miroslav Krlježa u radničkom i komunističkom pokretu 1917–1941. Zagreb, 1982. S. 88.

⁴³⁵ *I. Očak*. Krlježa — partija. Miroslav Krlježa u radničkom i komunističkom pokretu 1917–1941. Zagreb, 1982. S. 86, 168; *Владимир Дедијер*. Јосип Броз Тито: Прилози за биографију. Београд, 1953. С. 92.

⁴³⁶ *Gregorić, Pavle*. S pukom «Matija Gubec» u Crvenoj armiji // Četrdeset godina. Zbornik sećanja aktivista jugslovenskog revolucionarnog radničkog pokreta. I. 1917–1929. Београд, 1960. С. 29. Павел Грегорић был одним из разыскиваемых курсистов и организованный большевик.

тельно заслуживали внимание органов правопорядка, сам факт посещения курсов не служит доказательством того, какие политические убеждения в глубине души исповедовали слушатели курсов. У многих не было другого выхода, кроме как «убедить» большевиков в своей преданности посещением курсов и получить возможность вернуться домой или зарабатывать на жизнь⁴³⁷. Поэтому не следует рассматривать слушателей курсов как однородную массу сторонников большевистских идей, хотя они и стали объектом пристального внимания органов правопорядка Королевства СХС. Гораздо большее значение имели их преподаватели, люди, обладавшие опытом идейной пропаганды, являвшиеся членами или кандидатами в члены РКП(б), иногда даже сотрудниками ВЧК⁴³⁸, но значительно чаще комиссарами и командирами Красной Армии⁴³⁹. Время от времени, хотя и редко, они сами вызывались отправиться на Балканы.

Когда заходила речь о политических убеждениях репатриантов и численности сторонников разных политических позиций, единственная разрешенная в югославской историографии социалистического периода трактовка состояла в том, что: 1) самой малочисленной была группа организованных коммунистов; 2) чуть многочисленнее были «курсисты»; 3) ещё многочисленнее были участники революции, сражавшиеся в Красной Армии; 4) «основную массу» составляли «свидетели или спорадические участники»; 5) «откровенных контрреволюционеров» было немного, и у них не было политического влияния⁴⁴⁰.

Между тем результаты детального исследования, представленного в данной главе, во многом опровергают вышеупомянутое утверждение, поскольку: 1) слушателей курсов нельзя отнести к одной группе, так как многие посещали курсы по принуждению, а их подлинные убеждения были совсем другими; 2) среди бойцов Красной Армии также были мобилизованные насильно и те, кто, примкнув к большевикам, стремился решить свои национальные проблемы, поэтому их убеждения нельзя считать истинно коммунистическими; 3) «свидетели и случайные участники» не могут составлять одну категорию, так как «свидетели» могли быть и абсолютно пассивными, и активными сторонниками или врагами большевиков; 4) «спорадические участники» войны на стороне Красной Армии недостаточно чётко описаны как группа. Не ясно, насильно ли их мобилизовали в армию

⁴³⁷ AJ. 507. 549. 6, 3. В отчёте агитатора Табаковича «Югославянской группе» от 15 (28) ноября 1918 г. приводятся денежные суммы, которые он получал за свою работу.

⁴³⁸ Učesće. S. 207.

⁴³⁹ AJ. 14. Ф-136. 93; AJ. 14. Ф-160. 99; AJ. 14. Ф-161. 234–235; 258–259; 312; 319–320; AJ. 507. Ф-57/3; AJ. 516. MF-191; K. *Isović*. Odjeci. S. 412, 413.

⁴⁴⁰ T. *Milenković*. Povratnici. S. 207.

Советов (где их нелегко идентифицировать как «югославы» и сторонников коммунистов) или они сформировали собственные отряды и действовали на две стороны: то за «красных», то за «белых», а порой и самостоятельно; 5) противники большевизма превосходили числом организованных коммунистов, слушателей курсов, агитаторов и «случайных участников» войны на стороне большевиков. Влияние левых или правых идей среди военнопленных зависело от текущей ситуации и поддержки, которую им удавалось обрести в непосредственном окружении. По возвращении в Королевство СХС противостояние идей закончилось не в пользу коммунистов.

С таким политическим и идейным багажом и в таком окружении возвращались на родину усталые, разочарованные люди, некоторые из них провели в России по пять, шесть и более лет. Иногда они ехали вместе с семьями, которыми успели обзавестись в России, в вагонах поездов и на борту кораблей смешались люди не только разной национальности, но и религии и политических убеждений. Невольно они становились слушателями разговоров и рассуждений своих соседей. Иногда они возражали, а иногда старались не выдавать своё истинное настроение. Некоторых из них разыскивали и нередко находили сотрудники полиции и военные Королевства СХС.

Лица в вагонах

Существует много свидетельств о том, что на разных контрольно-пропускных пунктах у репатриантов отбирали и сжигали все бумаги, поэтому на сегодняшний день невозможно достать их фотографии времен пребывания в России. Однако по воле случая несколько десятков фотографий сохранилось среди документации консульства Королевства СХС, которое с мелкими отрядами сербских добровольцев путешествовало по Транссибирской магистрали. Эти фотографии были на русскоязычных удостоверениях, выдаваемых консульством Королевства СХС и командиром Королевского сербского партизанского отряда «воеводы Влада Воскара»⁴⁴¹. С помощью этих удостоверений, выданных в Омске и Новониколаевске, бывшие пленные доказывали русским властям, что являются подданными Королевства СХС или принадлежат к отряду Воскара. Название этого кавалерийского подразделения, содержащее атрибуты *королевский, сербский* и *партизанский*, а также его печать с черепом и скрещёнными костями, свидетельствуют о том, что в то время партизанство как явление не приобрело ещё ставшей позднее самоочевидной идеологической принадлеж-

⁴⁴¹ АС. Фонд Југословенски добровольци у Русији. Ф-7. «Воевода Воскар» — псевдоним Влады Михаиловича.

ти. Словом «*партизанский*» обозначали метод борьбы, избранный отрядом, прочие символы говорят о его правой политической ориентации.

Трудно сказать, кто из изображённых на фотографиях пережил войну и как сложилась их судьба после 1919 г., когда были выданы эти документы. Поскольку они были связаны с официальными представителями Королевства СХС, их шансы попасть на родину с каким-нибудь транспортом были несравненно выше, чем у других. И хотя на фотографиях запечатлён лишь один момент многолетней одиссеи, по лицам и одежде отчасти можно судить, в каких условиях содержался тот или иной пленный. Учитывая преимущественно национальный критерий сбора бывших пленных, неудивительно, что на фотографиях мы видим в основном православных сербов из разных краев Австро-Венгерской империи.

Надо сказать, что на фотографиях большинство людей в хорошем физическом состоянии, а один даже довольно упитан. Принадлежность к военным подразделениям и близость к консульству, вероятно, существенно влияли на их пайки. Одеты они весьма разнообразно. Кто-то всё ещё носил старую австро-венгерскую военную форму, на других была уже русская, на третьих — подобие сербской, а на некоторых — частично либо полностью гражданская одежда. Особенно бросаются в глаза головные уборы: можно насчитать шесть шайкач⁴⁴², пять из них с кокардой, две с пером. Внимательно рассмотрев кокарды, можно заметить, что на некоторых были цвета сербского знамени, а в середине располагался крест с огнивами. Шайкачи были сшиты в Сибири по образцу головных уборов офицеров, посланных туда для сбора и организации бывших пленных. На других фотографиях можно увидеть кепку, несколько шапок русского покроя, казацьи папахи, все без каких-либо знаков отличий. Мало у кого военная форма сохранилась полностью, одежда, как правило, представляла собой невообразимую комбинацию различных фасонов и материалов, что свидетельствует о крайней нужде. Например, у Лазара Прекупа гимнастерка сшита из ткани полосатой расцветки, а на Йоване Репии шуба на несколько размеров больше нужного. Некоторые, впрочем, и в таких условиях ухитрились раздобыть форму с позументами (возможно, только для фотосъёмки), кто-то пытался следовать моде: Радован Ракич наголо брил голову, как казачий атаман, а Илия Попович носил бороду и усы, наподобие Ленина.

Когда в дубровницком порту Груж пришвартовывался пароход, на корпус которого налипли ракушки и водоросли всех морей мира, или когда паровоз, устало пыхтя, подтягивал к станции состав с военнопленными, прибывшими из России, по корабельному трапу на пристань и из плом-

⁴⁴² Шайкача — сербский военный головной убор, разновидность пилотки. Его ношение было актом образной национальной декларации.

бированных вагонов на перрон выходили люди, похожие на тех, чьи образы запечатлели фотокарточки. Их уже поджидали сыщики и полиция Королевства СХС. В своем сердце они могли хранить верность своему королю и государству, на их телах и душах могли гореть многочисленные рубцы от жестоких сражений с большевиками. Несомненно, у некоторых было именно так. Но их усталые глаза, огрубелые лица, изношенные сапоги из обмундирования разных иностранных армий — всё в их облике свидетельствовало о гражданской войне и революции, через которые им довелось пройти и зарево которых ещё полыхало в далёкой степи.

Все они были под подозрением, все до единого.

Глава III

Лагеря интернирования

Поскольку сеть лагерей, существовавшая в Королевстве СХС с 1919 г. по 1922 г., исследуется с точки зрения функциональной направленности отдельных её объектов, то лагеря изоляции можно поделить на два вида⁴⁴³. Была группа лагерей, находившихся внутри страны и предназначенных для интернирования предварительно идентифицированных «антигосударственных элементов», а также была группа так называемых приёмных лагерей, располагавшихся в приграничной зоне Королевства СХС и предназначенных для выявления и отмежевания подозрительных лиц ещё при въезде в страну. Хронологически лагеря интернирования появились раньше приёмных и служили для изоляции подозреваемых, которые с января 1919 г. уже находились на территории Королевства СХС, в то время как организация приёмных лагерей произошла только в сентябре 1919 г., когда начался массовый приток репатриантов из российского и итальянского плена. С этого момента эти две группы лагерей функционировали параллельно и иногда взаимно дополняли друг друга, составляя единую лагерную сеть.

В доступных источниках термин «лагерь» редко используется в отношении мест интернирования. Выражение «концентрационный лагерь» встречается лишь однажды в газетной статье, в большинстве же случаев упоминается понятие «интернация» (интернирование). Всё же, с учётом установленных мотивов для интернирования (предотвращение деятельности политических противников), процедуры (импровизация, временность, чрезвычайный характер мер, неопределённый срок изоляции), повода (революционная угроза) и массовости, нет сомнения, что речь идет об одной и той же сети лагерей изоляции политических противников. Определённые отступления от того, что по замыслу создателей должен был представлять собой «чистый» тип лагеря, неминуемы, так как был очень динамичен исторический период, в который развивалось это явление, изменчивые обстоятельства оказывали сильное влияние на него, да и внутри него самого происходили мутации.

⁴⁴³ См. карту расположения лагерей.

ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
ИЗОЛЯЦИИ

Первый послевоенный год характеризуется, с одной стороны, стремлением навести порядок и установить мир на территории Королевства СХС, а также наладить основные функции государственных институций, а с другой — активизацией большевистской и другой враждебной пропаганды. Революционные события в Германии и Венгрии давали веское основание для страха и нестабильности среди населения. Обстоятельства были таковы, что министр полиции Светозар Прибичевич счёл необходимым драматическим тоном обратиться к Скупшине со словами: «Это период, когда нас со всех сторон захлещывают волны, а по соседству бушует пламя, языки которого лижут наши границы»⁴⁴⁴. Порой это «пламя» принимало прозаический вид, однако не менее тревожный: «Большевизм угрожающе распространяется, и его гнет, под которым томится словенское население, ужасен. В Прекомурье это движение связано с венгерским большевизмом. Каждый житель должен отдать половину своего имущества, птицы, скота и т.д. Серебро и золото просто отбирается. Они насиляют женщин, а тех, кто оказывает сопротивление, они расстреливают практически без суда и следствия»⁴⁴⁵.

«Югославская коммунистическая партия» тоже попыталась разжечь «пламя», от имени Третьего интернационала призывая сербских солдат повернуть оружие против своего командования, то есть против «ростовщика, капиталиста и грабителя Александра, который шлёт вас на плаху»⁴⁴⁶. В такой накалённой обстановке помимо социальных вопросов могла вспыхнуть любая другая политическая тема. Председатель земельного правительства Боснии и Герцеговины Атанасие Шола в страхе писал командующему Вторым армейским округом воеводе Степе Степановичу: «Не только большевики, но и им близкие партии Радича и франковцы, неустанно и целенаправленно трудятся над тем, чтобы окончательно убить боевой дух сербского солдата... Пробуждая самые низменные инстинкты в массах, систематически отравляя души при потворстве некоторых наших гражданских партий, которые не в силах смириться с существующим положением вещей, боль-

⁴⁴⁴ ПНП. I. С. 155. 9-е очередное заседание от 26 марта 1919 г.

⁴⁴⁵ ВА. П-6. К-654. № 15/15. 3. Отчёт на словенском языке штайерского пограничного комиссара поручика Погачника, № 11674, от 5 апреля 1919 г. командующему Дравским дивизионным округом полковнику Милану Дж. Недичу. Прекомурье — территория на границе Королевства СХС и Венгрии.

⁴⁴⁶ ВА. П-6. К-523. Ф-1. № 7/11. 9. Воззвание командующий Первой армией воевода Петар Бойович передал на ознакомление командиру Моравской дивизии.

шевики создали такую атмосферу, что во всех вселился страх, и патриотами овладела оторопь перед ближайшим будущим»⁴⁴⁷.

Со своей стороны большевики не теряли времени, при любой возможности подливая масло в огонь. Согласно открыто высказанному мнению Филиппа Филипповича, секретаря Рабочей палаты в Белграде, непосредственно после Войны были все условия, «чтобы грянула *Великая социалистическая революция*... Русская революция показала путь, как можно установить социалистический порядок. Путь к социализму лежит через диктатуру пролетариата... Учитывая обстановку в стране... Все осталось по-старому... Все полицейские чиновники, детективы и другие по-прежнему на своих местах. Никто их не трогает, *в то время как они арестовывают наших молодых ни в чем не повинных товарищей, возвращающихся из русского плена*. Всюду дороговизна. Аграрный вопрос планируют решить в пользу бегов и крупных землевладельцев. На рабочее законодательство не обращают никакого внимания»⁴⁴⁸. Свое выступление Филипп Филиппович завершил цитатой из *Коммунистического манифеста* и воинственным кличем: «Пусть правящие классы трепещут перед коммунистической революцией. Да здравствует III Интернационал!»⁴⁴⁹

«Правящие классы» действительно трепетали, но не настолько, чтобы быть парализованными страхом, так что в отдельных городах в разгоне демонстраций наряду с полицией участвовала и кавалерия. Это были подразделения Сербской армии, поскольку «мизерные части мобилизованной армии СХС не только не были серьезной опорой нашим войскам, но и сами были подвержены беспорядкам и анархии... Офицеры бывшей австро-венгерской армии не пользуются авторитетом у солдат и крайне ленивы»⁴⁵⁰. В дни, предшествующие Первому мая 1919 г., напряженность, вызванная революционной угрозой, достигла пика. Народный депутат Вилим Букшег позднее рассказывал в Скупщине, как это выглядело в Сараево, где события развивались наиболее драматично: «Дом Пролетария окружил целый отряд с тремя орудиями, несколькими пулеметами. Офицер с ручной гранатой ворвался внутрь и крикнул: «Сдавайтесь!», будто Дом был полон оружия.

⁴⁴⁷ ВА. П-4/II. К-83. Ф-2. № 3/14. Земельное правительство Боснии и Герцеговины командующему Вторым армейским округом, № 3783, 5 мая 1919 г.

⁴⁴⁸ ВА. П-3. К-163. Ф-5. № 16/9. 5. Выступление состоялось 24 января 1919 г. в Загребе.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ ВА. П-3. К-163. Ф-5. № 16/9. 1. Командование IV армейского округа Верховному командованию, строго конфиденциально, № 1, 8 февраля 1919 г. Под аббревиатурой СХС подразумевается так называемое «Государство словенцев, хорватов и сербов» — попытка группы политиков из Австро-Венгрии во главе с Антоном Корошцем в течение ноября 1918 г. создать из южных областей распавшейся Империи государство, которое Сербия и Черногория должны были признать до воссоединения с ним.

Я снова заявляю, что это последствия психоза»⁴⁵¹. Это, конечно, были последствия психоза, но они появились неспроста. В его распространении деятельное участие принимали различные противники создания Королевства СХС, прежде всего коммунисты.

Реальное основание для принятия мер предосторожности заключалось в том, что определённые круги развернули свою деятельность против будущего государства ещё до его провозглашения. Подразделения Сербской армии, продвигаясь по территории неприятеля и вступая с ним в контакт, арестовывали наиболее видных представителей. Так, на просьбу командира Югославской дивизии «выделить место для интернирования захваченных заложников» начальник штаба Верховного командования воевода Живоин Мишич 3 ноября 1918 г. ответил: «Заложников, захваченных в Австро-Венгрии, интернировать в Чачаке. Они поступают в ведомство окружного начальства. Питание за счет армии»⁴⁵². Понятие «заложники» обозначает ту же категорию граждан, что и понятие «мятежные и опасные элементы»⁴⁵³, о которых командующему Первой армией воеводе Петру Бойовичу докладывали подчинённые ему начальники гарнизонов, первое время державшие этих людей при самом подразделении (в казарме) или в помещении какой-либо другой государственной институции. А что делать, если их число неуклонно растёт? Туманное предложение Бойовича военному министру о том, что «этих мятежников надо интернировать где-нибудь в Сербии»⁴⁵⁴, является первым шагом в поисках решения проблемы. Впоследствии были выделены первые локации для политически мотивированной массовой изоляции граждан в Королевстве СХС⁴⁵⁵.

Пока министры и воеводы договаривались между собой, проблемы продолжали сыпаться. Начальник Осиекского гарнизона регулярно докладывал вышестоящему командованию в Загребе: «В последнее время особенно сильно ощущается распространение идей большевизма... Носителями этих идей являются, прежде всего, бывшие пленные австро-венгерской

⁴⁵¹ ПНП. П. С. 700, 26-е очередное заседание от 27 мая 1919 г. Почти так же развивались события в Кикинде 2 апреля 1919 г. Там же. С. 732. 27-е очередное заседание от 28 мая 1919 г.

⁴⁵² ВА. П-3. К-124. Ф-10. № 13/1. Деша командира Югославской дивизии, № 3347, от 2 ноября 1918 г., со ссылкой на приказ Верховного командования № 31876, от 26 октября 1918 г. Ответ Мишича: № 32109.

⁴⁵³ ВА. П-3. К-124. Ф-10. № 13/3. 1. Телеграмма командира Дунайской дивизии № 8440, от 22 ноября 1918 г.

⁴⁵⁴ ВА. П-3. К-124. Ф-10. № 13/3. 2. Штаб I армии, № 19680, от 22 ноября 1918 г.

⁴⁵⁵ Остальные документы, относящиеся к этому вопросу, датируются 23 и 26 ноября, а также 4 декабря 1918 г.: ВА. П-3. К-124. Ф-10. № 13/4; ВА. П-3а. К-11. Ф-1. № 3/1; ВА. П-4/1. К-64. Ф-1. № 5/3. Все они свидетельствуют о подготовке к организации массовой изоляции, в то время как наиболее ранние доказательства об осуществлении этих планов относятся только к первым дням следующего года.

армии, вернувшиеся из русского плена, а также пролетариат, в основном немецкого происхождения. Мозговой центр этого движения — интеллигенция, которая связана с подобными организациями не только внутри государства СХС, но и за рубежом»⁴⁵⁶. Таким образом, на опасность, которую представляли репатрианты, вовремя обратили внимание, однако сначала власть не придала этому слишком большого значения. В течение первой половины 1919 г. бывшие пленные оставались в тени борьбы против других политических противников и усилий навести порядок на территориях, расположенных к югу от разделительной линии. Их час ещё не пробил.

Раньше всех интернированию подверглись русские, бывшие австро-венгерские пленные, которые были рассеяны по всей территории рухнувшей империи и которых подозревали в распространении большевизма. Они составляют особую категорию. В марте 1919 г. начальник штаба Верховного командования воевода Живоин Мишич предложил министру армии и флота Михайло Рашичу разместить интернированных русских в специальных центрах, где бы за ними надзирала полиция. Центры эти должны располагаться в пределах границ бывшей Сербии (без Македонии), в местах, где подозреваемые будут наименее опасны. «По просьбе здешнего военного атташе, часть русских отправлена в Крагуевац, часть в Валево, Славонию, Срем, Младеновац, Пожаревац»⁴⁵⁷. Мишич делил этих бывших пленных на три категории: а) те, кто оказался на территории будущего Королевства СХС во время прорыва Сербской армии через Саву и Дунай; б) те, кого Румыния вернула со своей территории из-за конфликта вокруг Бессарабии; в) те, кто сначала уехал в Россию, а потом вернулся, видя, что там их ничего хорошего не ожидает. Последняя категория вызвала наибольшие подозрения. Хотя упоминание Мишича не означает, что эти люди были интернированы, следует отметить, что впоследствии Пожаревац и Валево действительно стали локациями для интернирования, а под топонимом «Срем», вероятно, подразумевается Петроварадинская крепость с той же функцией или Сремская Митровица, в то время тоже упоминавшаяся в аналогичном контексте⁴⁵⁸. Так или иначе, но концентрация в определённом месте и полицейский надзор применялись против русских, подозреваемых в «инфицированности большевизмом», были ли они бывшими пленными или беженцами, которые к ним вскоре присоединились.

⁴⁵⁶ ВА. П-3. К-163. Ф-5. № 16/9. 1. Командование армейского округа Верховному командованию, строго конфиденциально, № 1, от 8 февраля 1919 г., со ссылкой на документ начальника Осиекского гарнизона, конф. № 17/1919.

⁴⁵⁷ ВА. П-3. К-173. Ф-3. № 4/10. Штаб Верховного командования, № 36823, от 10 марта 1919 г. Упомянутый «здесьшний военный атташе» — генерал Виктор Алексеевич Артамонов, представитель царской России. См.: М. Јовановић. Досељавање. С. 93–97.

⁴⁵⁸ F. Čulinović. Odjeci Oktobra. S. 439.

БЕЛГРАД

Белградскую локацию лишь со многими оговорками можно назвать лагерем в том смысле, как это определено во *Введении* к данной работе. И всё же её необходимо внести в список мест изоляции политических противников, поскольку она представляла собой важный эволюционный этап лагерной практики на территории Югославии. Хотя, наверное, правильнее было бы этот и подобные объекты обозначить как «протолагерь». Интересно отметить, что в течение войны оккупационные австро-венгерские власти сформировали транзитный лагерь на Калемегдане, где происходил сбор граждан Сербии перед их отправкой в один из лагерей на территории Дуалистической монархии⁴⁵⁹.

Наиболее ранний документ, из которого ясно, что «при гарнизоне в Белграде... находится известное число лиц с оккупированных территорий, по разным причинам доставленных в Белград»⁴⁶⁰, датируется 2 января 1919 г. Об этих семи лицах известно следующее: их препроводили из Темешвара, по национальности они румыны, их считают «опасными для мира и порядка, они совершали бандитские нападения и грабежи, а также пропагандировали большевизм. Их имена: Лука Петреску, Василие Сучу, Траян Сучу, Йон Сучу, Никола Супуира, Джордже Албулеску и Попеску Викентие»⁴⁶¹. Этот пример можно было бы рассматривать как меру поддержания общественного порядка, однако его стоит упомянуть, так как решение проблем по размещению, обеспечению и надзору над интернированными вело к развитию явления массовой изоляции. А именно: задержанных сначала «разместили при II пехотном полку в здании XVIII пехотного полка. Однако их *число настолько умножилось*, что не нашлось подходящего здания для их содержания, а также не хватило постелей»⁴⁶². Из этой цитаты видно, что наступил переломный момент, когда из-за массовости надо было либо отказаться от дальнейших арестов, либо приступить к формированию лагерей.

На этот раз пересилил первый вариант: арестованных отпустили. Это было сделано по политическим причинам — ввиду вмешательства официальной Румынии и необходимости правительству Королевства СХС выставить себя в лучшем свете перед международной общественностью: «Румыны жалуются, что сербские военные власти изолируют многих представителей

⁴⁵⁹ V. *Stojančević*. *Civilni internirci*. S. 406.

⁴⁶⁰ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/4. Штаб Верховного командования, № 34529, начальнику гарнизона в Белграде. Список этих лиц был направлен Верховному командованию ещё 31 декабря 1918 г., однако это не значит, что они в тот же день оказались при гарнизоне.

⁴⁶¹ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/4. Начальник гарнизона в Белграде генерал Петар Мишич Верховному командованию, № 5387, от 3 января 1919 г.

⁴⁶² Там же (курсив автора).

их интеллигенции и обходятся с ними очень сурово. Вследствие ситуации и атмосферы на Парижской мирной конференции необходимо соблюдать толерантность. Господин Военный министр отдал распоряжение освободить всех интернированных румынских граждан в Белграде, а также остальных лиц румынской национальности, интернированных в других городах новой территории Королевства сербов, хорватов и словенцев, за исключением чрезвычайно опасных для порядка и стабильности в стране, которые переданы полицейским властям»⁴⁶³. О том, что в вышеприведенном случае речь шла не только об интернировании обычных преступников, но и части румынской элиты, свидетельствует упоминание известного д-ра Андрии Бушмана, которого армия Королевства СХС «угнала неизвестно куда», и священника Тодора Петриюки, заключенного в Гребенце⁴⁶⁴. Нижестоящему командному составу было приказано освободить всех интернированных, а специальное обращение по этому поводу к командирам сербских войск в Вршце, Новом Араде и Темешваре, по всей видимости, указывает на те города, где интернированные ещё содержались под стражей. Поскольку 25 февраля 1919 г. — самая поздняя дата, упоминаемая в скудных документах по интернированию румын, можно с большой долей вероятности предположить, что этот процесс прекратился до конца февраля.

ПЕТРОВАРАДИН

Вероятно, Петроварадин тоже следовало бы считать «протолагерем», то есть переходной формой от тюрьмы к лагерю. Самый ранний документ, касающийся этой локации, очень важен ещё и потому, что подводит правовую базу под другие лагеря интернирования⁴⁶⁵. Это Приказ командира Дунайской дивизии, штаб-квартира которой в то время располагалась в Субботице, направленный подчинённым начальникам гарнизонов, где предписывались действия против «опасных элементов», то есть «большевистских агитаторов»: «1) Интернировать таких лиц и под конвоем и с сопроводительными документами направлять их к начальнику гарнизона в Петроварадине...; 2) Начальник гарнизона в Петроварадине должен выделить необходимые помещения для арестованных, которых надлежит содер-

⁴⁶³ ВА. П-4/II. К-85. Ф-8. № 21/3. Приказ Верховного главнокомандующего регента Александра, № 35477, от 8 февраля 1919 г., в котором есть указание на распоряжение военного министра, № 17727, от 4 февраля 1919 г. Приказ выполнил начальник штаба воевода Живоин Мишич.

⁴⁶⁴ ВА. П-7. К-93. Ф-1. № 25/1.

⁴⁶⁵ См. главу «Королевство СХС и угроза революции» и в ней раздел «Правовая база изоляции».

жать под стражей, пока не будет вынесено решение насчет каждого из них; 3) О том, что такие лица, представляющие опасность для мира и порядка, направлены в Петроварадин, начальник гарнизона будет ставить в известность меня лично, после чего приступит к сбору сведений об их преступлениях и предоставит мне обвинительные акты по ним для дальнейшей работы»⁴⁶⁶. Как поступали с политическими опасными элементами, достаточно ясно из этого документа, но особенно показательно то, что собирать доказательство против них начинали *после* ареста. Такая подчеркнутая превентивность, свойственная феномену массовой изоляции, теоретически прочно связывает Петроварадин и другие объекты этой сети с подобными лагерными сетями по всему миру, относящимися к более раннему и позднему периодам.

Последующей документации о петроварадинском объекте очень мало, особенно же сложно установить, кто были интернированные. Кое-какие указания, однако, имеются.

Крестьяне Кишкера (ныне Бачко Добро Поле) подавали прошение от 28 июля 1919 г.: «об освобождении шести бывших гвардейцев, которые уже семь месяцев находятся в заключении в Петроварадине»⁴⁶⁷. Отсюда можно только сделать вывод, что объект функционировал с января 1919 г. и что некоторых интернированных считали членами «Красной Гвардии» Бельи Куна. С одной стороны, это могло означать, что заключённые были венграми, а с другой — это указывает на то, что события в Венгрии стали одним из факторов, повлиявших на формирование лагерей в Королевстве СХС. Помимо «гвардейцев», известно ещё об одной группе воеводинских крестьян, которых арестовали жандармы из-за найденных у них листовок. Часть их интернировали в Петроварадинской крепости, а часть отправили в новосадскую тюрьму. Общественность не знала точно, сколько их было и кто они, за что народный депутат Вилим Букшег критиковал министра внутренних дел Светозара Прибичевича⁴⁶⁸.

Достоверно известно имя одного-единственного человека, интернированного в Петроварадине. Это был Иштван Немет из Субботицы. Для его освобождения понадобилась личная санкция министра армии и флота с оговоркой в адрес командующего Потгисским дивизионным округом, что-

⁴⁶⁶ ВА. П-4/1. К-64. Ф-1. № 5/3. Командир Дунайской дивизии полковник Драг. С. Милоевич подчинённым ему начальникам гарнизонов, № 8278, от 23 ноября (6 декабря) 1918 г.

⁴⁶⁷ ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 3/1. 175, 176. Оперативный журнал регистрации входящих и исходящих документов Первого армейского округа, 15 июня–5 августа 1919 г. С учётом того, что венгерская Красная Гвардия была сформирована 25 марта 1919 г., речь здесь, вероятно, идёт о бунтовщиках другого рода, или они находились в заключении не так долго, как об этом сообщается в прошении.

⁴⁶⁸ ПНП. II. С. 701, 26-е очередное заседание, 27 марта 1919 г.

бы арестант «находился под надзором»⁴⁶⁹ и после освобождения. Такой же была процедура освобождения Кароля Фейеша, хотя точно неизвестно, содержался ли он именно в Петроварадинской крепости. Начальник новосадского гарнизона отпустил его на свободу, предупредив надлежащие власти следить за ним⁴⁷⁰. Таким образом, оба этих имени (и то, и другое имя — венгерские) в определённой степени указывают, что основную группу интернированных в крепости составляли представители национальных меньшинств на территории Воеводины. Это косвенно подтверждает и тот факт, что упомянутый Приказ командира Дунайской дивизии, санкционировавший изоляцию в Петроварадине, был направлен начальникам гарнизонов в Субботице, Новом Саде, Петроварадине, Сомборе, Бае, Тополе, Врбасе, Сенте, Бечее, Аде, Каньже и Сентомаше (ныне Србобран). Во всех этих городах была высокая концентрация национальных меньшинств, особенно венгров.

Этим доступный материал о петроварадинском объекте исчерпывается, однако стоит упомянуть тот факт, что во время Первой мировой войны Дуалистическая монархия использовала крепость в качестве «постоянного концентрационного лагеря», который был одним из многих, где содержалось «местное население, в основном сербы и другие «государственные изменники» — хорваты и словенцы югославской ориентации»⁴⁷¹. Армии сменяли друг друга, а крепость продолжала стоять, поджидая новых «постояльцев».

БАРАНЬЯ

После распада Австро-Венгрии бараньский треугольник оказался между двумя армиями — победоносной сербской, дошедшей до крайней северной точки своего наступления, и венгерскими ополченцами, деморализованными и обессиленными. В ожидании окончательного политического решения относительно этой территории командование сербских войск избрало тактичную и умеренную политику. Это отражено и в рапорте начальника оперативного отдела Верховного командования полковника Дамьяна Калафатовича, написанном в декабре 1918 г. после его поездки в Венгрию: «Манера поведения наших военных особенно выделяется на фоне грабежей, совершаемых румынскими и чехословацкими войсками... По-видимо-

⁴⁶⁹ ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 3/1. 129, 130. Документ от 17 июля 1919 г. приведён согласно Оперативному журналу регистрации входящих и исходящих документов Первого армейского округа, 15 июня–5 августа 1919 г.

⁴⁷⁰ ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 3/1. 189, 190.

⁴⁷¹ Ъ. *Станковић*. Изазов. 2. С. 236.

му, венгры особенно изумлены таким поведением нашей армии, поскольку после их бесчинств на территории Сербии возмездие, как они полагали, было неотвратимо... Везде, где представители венгерских властей вели себя корректно, они остались на своих местах. Там же, где они вызывали подозрение или потворствовали большевистской пропаганде, их, разумеется, сместили, заменив представителями наших военных властей»⁴⁷². Между тем время шло, решение не принималось, и надежды побежденных начали возрождаться.

Чтобы ситуацию хоть как-то обратить в свою пользу, как уже было показано ранее, отдельные слои венгерской политической элиты решили инструментализировать «большевизм». С одной стороны, они тем самым пытались воодушевить собственное население. Ещё в конце октября 1918 г. Дринская дивизия сообщала, что «венгры ревностно распространяют слухи о революции во Франции и Сербии и победном продвижении большевизма»⁴⁷³. С другой стороны, это была попытка устрашения западных сил и их союзников возможным поворотом событий в Венгрии. Полковник Калафатович писал, что, «по мнению нашей и французской миссии, венгры нарочно преувеличивают опасность... Венгерское правительство намеренно распускает слухи о нестабильности в стране и о невозможности взять на себя ответственность за мир и порядок»⁴⁷⁴. Однако такая пропаганда, где-то в большей степени, где-то в меньшей степени, приносила свои плоды.

Ввиду проблем с местным населением вблизи демаркационной линии, а особенно с нелояльным и склонным к обструкции чиновничеством, заместитель командующего IV армейским округом генерал Л. Милийич уже в феврале 1919 г. писал Верховному командованию: «Что касается вопроса об интернировании и отправке через демаркационную линию элементов, опасных для мира и порядка в оккупированных областях, то я отдал приказ командующему Савским дивизионным округом наиболее опасных интернировать на территории самой Бараньи в тылу фронта наших войск»⁴⁷⁵. Далее, генерал придерживался мнения, что их следует интернировать «ещё глубже в тылу — в Сербии», а не перебрасывать через демаркационную линию, чтобы они не могли оттуда действовать против нового государства. Речь шла о «венгерских чиновниках, затем о вождах социалистов и извест-

⁴⁷² ВА. П-3а. К-160. Ф-11. № 9. 2, 3. Начальник штаба Верховного командования полковник Дамьян Калафатович, № 34294, от 27 декабря 1918 г., начальнику инженерной роты.

⁴⁷³ ВА. П-3. К-144. Ф-9. № 5/74. Рапорт командира Дринской дивизии Верховному командованию доставил штаб Первой армии (№ 19429, от 21 октября 1918 г.).

⁴⁷⁴ ВА. П-3а. К-160. Ф-11. № 9. 2, 3 (№ 34294, от 27 декабря 1918 г.).

⁴⁷⁵ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/7. Командование Четвертого армейского округа, № 502, 24 февраля 1919 г., Загреб.

ных граждан», против которых в качестве необходимой меры было предложено интернирование «сначала в Винковцах, а потом и дальше»⁴⁷⁶.

Чуть позднее Верховное командование отдало приказ Первому армейскому округу относительно беженцев от большевистского террора в Венгрии — «не пускать их внутрь страны», а также рекомендовало: «Лучше всего было бы временно разместить их где-нибудь на территории самой Бараньи, где бы они переждали события в Венгрии и где находились бы *в изоляции и под надзором*»⁴⁷⁷. Этот приказ командующий Первым армейским округом воевода Петар Бойович дополнил своим собственным, адресованным подчинённым подразделениям: «Прекратить все контакты с Венгрией... и не возобновлять ни под каким предлогом»⁴⁷⁸. Почему это было так важно, становится ясно, принимая во внимание заявление военного представителя из Пешта, сделанное 1 марта 1919 г., о том, что «всеми забастовками в оккупированных областях Венгрии руководит венгерское правительство в Пеште»⁴⁷⁹. Вполне логично, что в ответ на организованное и массовое политическое движение последовало организованное и массовое интернирование.

Собрав воедино все скудные и разрозненные данные о Баранье, убеждаешься, что и здесь мы имеем дело скорее с «протолагерем», чем с лагерем как таковым, хотя, несомненно, это был новый шаг в направлении его формирования. Упомянутые меры предусматривали наличие особого места изоляции и надзора над большой группой людей, и за всем этим процессом стояла чёткая политическая мотивация.

СМЕДЕРЕВО

Доступных сведений, посвящённых этому объекту массовой изоляции, сохранилось больше, чем о каком-либо другом лагере интернирования. Можно проследить его эволюцию, начиная с марта 1919 г., когда было принято решение об использовании смедеревской крепости в указанных целях, и вплоть до прекращения функционирования в ноябре того же года. Об остальных объектах, рассматриваемых в этой главе, из-за недостаточ-

⁴⁷⁶ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/7. Командование Четвёртого армейского округа, № 502, 24 февраля 1919 г., Загреб.

⁴⁷⁷ ВА. П-7. К-94. Ф-1. № 9/16. Приказ Верховного командования № 8528 от 20 апреля 1919 г. и приказ командующего Первым армейским округом № 2839 от 24 апреля 1919 г. (курсив автора).

⁴⁷⁸ ВА. П-7. К-94. Ф-1. № 9/16. Приказ Верховного командования № 8528 от 20 апреля 1919 г. и приказ командующего Первым армейским округом № 2839 от 24 апреля 1919 г.

⁴⁷⁹ ВА. П-3. К-1. Ф-1. 70, 71. Секретный журнал регистрации входящих и исходящих документов Командования IV армейским округом за 1919 г. Документ № 3603.

ности и плохого состояния материала известно мало, поэтому Смедерево будет анализироваться как репрезентативный пример этого типа изоляции, поскольку далее речь пойдёт о похожем типе объектов и примерно одинаковом составе изолянтов. И хотя ни в одном из известных документов не фигурирует термин «лагерь» в отношении Смедерева, на основании мотивов для изоляции и обращения с заключёнными можно сделать вывод, что это было первое место интернирования мирного населения на территории Королевства СХС, к которому без колебаний применим термин «лагерь».

Наиболее ранний документ, санкционировавший использование этого объекта в целях изоляции по политическим причинам, до сих пор не обнаружен, однако о его существовании упоминает депеша начальника штаба Верховного командования воеводы Живоина Мишича, направленная 28 марта 1919 г. командующему Первым армейским округом воеводе Петару Бойовичу: «Одобряю ваши действия, № 1139. *Подозрительных лиц* можно интернировать в смедеревской крепости, где есть несколько барачков и где их легко охранять. Более видных граждан можно отправлять в Сремскую Митровицу. Распорядитесь насчёт питания и охраны заключённых, пока они не будут переданы, согласно приказу № 35477, тамошним полицейским властям»⁴⁸⁰. В Смедеревской крепости до того момента содержались австро-венгерские пленные, и было решено одну роту I батальона пленных V полка пленных сформировать из интернированных граждан⁴⁸¹.

«Смедеревское городище» — большая треугольная крепость XV в., построенная деспотом Джураджем Бранковичем. Она расположена в устье речки Езавы, которая впадает в Дунай. Высокие толстые стены крепости отлично сохранились после Первой мировой войны, поэтому как нельзя лучше подходили для нового предназначения. Это был не единственный в своём роде случай, когда в целях массовой изоляции использовался фортификационный объект. Габсбургская империя интернировала мирных граждан в крупных крепостях (арадской, петроварадинской, белградском Калемегдане), а Королевство СХС, помимо Смедерева, использовала Петроварадин, бастионы в Мостаре и крепость Клис. Помимо самой крепости, граждан интернировали и «в городе Смедерова»⁴⁸². Документы не поясняют, чем вызвано такое различие в месте содержания заключённых. Во всяком случае, не недостаток места, поскольку крепость огромна. Число военнопленных в 1919 г. не увеличивалось, а из мирных граждан, интерни-

⁴⁸⁰ F. Čulinović. Odjeci Oktobra. S. 439 (курсив Ф. Чулиновича).

⁴⁸¹ Приказ министра армии и флота, № 23803, от 3 мая 1919 г. (ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/16), приказ министра армии и флота, № 40820, от 3 мая 1919 г. (ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/29), а также: Učesnici. S. 69.

⁴⁸² ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/24.

рованных в крепости, была сформирована всего одна рота. Можно только догадываться, что, возможно, более высокое общественное положение некоторых интернированных обеспечило им более вольготные условия.

Из институций, принявших участие в организации интернирования в смедеревской крепости, наиболее важную роль сыграла Армия Королевства СХС. Военные власти приняли первые документы, касающиеся этого объекта, а затем в его функционировании приняла участие вся армейская иерархическая структура — от Верховного командования и армейских командиров до гарнизонов на границе с Венгрией и Румынией, включая офицеров разведки⁴⁸³. Другие важнейшие институции — Министерство внутренних дел, ангажированное уже с марта 1919 г.⁴⁸⁴, а также Министерство иностранных дел, так как в период функционирования лагеря в Смедереве шёл процесс межгосударственного разграничения, а некоторые интернированные проживали на спорных территориях или являлись иностранными гражданами⁴⁸⁵. Из иностранных институций были ангажированы французские войска в Банате: после окончательного определения границ с Румынией Королевство СХС передало им командование территорией, которую до того момента контролировало, а также интернированных румынских граждан с этой территории, предварительно содержавшихся в Смедереве⁴⁸⁶.

В самом конце 1919 г. документально зафиксирована безуспешная попытка использовать присутствие союзнической военной комиссии в Прекомурье и через неё выхлопотать освобождение заключённых из этой области, «интернированных в Сербии»⁴⁸⁷, возможно, именно в смедеревской крепости. Хотя в документах не уточняется, в задачу комиссии, вероятно, входил перенос пограничной линии. Воспользовавшись случаем, жёны интернированных попытались обратиться к членам комиссии с просьбой посодействовать в освобождении их мужей. Начальник прекомурского гарнизона, тронутый мольбами и слезами женщин, 5 января 1920 г. предложил командующему Савским дивизионным округом выпустить интернированных «в интересах человечности и гуманности», «если это не идёт вразрез с политикой»⁴⁸⁸. Между тем их интернирование было мотивировано именно политически. По данным полиции, трое изолянтов из Смедерева действительно происходили из тех краев: Ивана Бауэра арестовали как «члена

⁴⁸³ F. Čulinović. Odjeci Oktobra. S. 439; BA. П-7. К-97. Ф-7. № 16/16.

⁴⁸⁴ F. Čulinović. Odjeci Oktobra. S. 439; Učesnici. S. 68; BA. П-7. К-94. Ф-1. № 9/16.

⁴⁸⁵ BA. П-3. К-168. Ф-5. № 5/16.

⁴⁸⁶ BA. П-3. К-168. Ф-5. № 5/23; 5/24.

⁴⁸⁷ BA. П-6. К-655. Ф-1. № 3/7.

⁴⁸⁸ Там же.

пропагандистского отдела большевистской Директории в Междумурье»⁴⁸⁹, а Эугена Халмоша и Калмана Хиршла как «опасных коммунистов»⁴⁹⁰. Хотя три этих имени являются недостаточным показателем, они в некоторой степени доказывают неоднократно упоминаемое «совпадение» — что идеологическая разделительная линия соответствует национальной.

В отдельных случаях, когда процедура не исчерпывалась изоляцией и последующей высылкой и возбуждался судебный процесс, как это произошло с Митой Бунчичем и его соратниками «за мятеж и подстрекательство к беспорядкам»⁴⁹¹, подключалось Министерство юстиции. В том процессе против тридцати трёх жителей села Старчево (недалеко от Панчева) чётко прослеживался политический аспект. Это подтверждает поведение командующего Потисским дивизионным округом генерала Милисавлевича, который 22 мая 1919 г. посоветовал панчевскому уездному начальству документы о старчевском деле сначала направлять министру внутренних дел, а потом прокурору: «учитывая государственно-правовое положение Баната и другие политические обстоятельства, господин министр внутренних дел, возможно, решит прекратить дальнейшее уголовное преследование указанных лиц — почти все из них сербы и хорваты»⁴⁹². Так же и председатель общины Старчева Жива Янкович сначала направил прошение в Военное министерство (9 июня 1919 г.) об их освобождении из смедеревской крепости, ругаясь, что впредь они будут лояльными гражданами, а уже 19 ноября 1919 г. послал донос на них в Государственную прокуратуру⁴⁹³. Причина такой непоследовательности государственного аппарата, вероятно, кроется в установлении границ между Румынией и Королевством СХС. Новые власти не хотели до разрешения этой международной проблемы портить отношения с населением спорных территорий, принимая во внимание возможность плебисцита. Когда границы в конце концов определились, преступников без всякой пощады отдали под суд.

Если исключить австрийских и венгерских военнопленных, политический, национальный и социально-правовой статус изолянтов, которые фигурируют в документах как «подозрительные лица», а чаще всего — как просто «интернированные»⁴⁹⁴, был очень разнообразен. По политической ориентации они в основном были поборниками левых идей или считались таковыми: тут содержались «большевики из Венгрии»; во-

⁴⁸⁹ АЈ. Фонд ЦК КПЈ. Органи Краљевине Југославије. МУД. Ф-1/2; Комунисти. I. Београд, 1921.

⁴⁹⁰ Там же. С. 216 и 219.

⁴⁹¹ Уčesnici. С. 69.

⁴⁹² Уčesnici. С. 68.

⁴⁹³ Там же. С. 67, 69.

⁴⁹⁴ F. Čulinović. Odjeci Oktobra. С. 439; ВА. П-7. К-94. Ф-1. № 9/16; ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/29.

оружённые мятежники из Старчева; один подозреваемый как большевистский агент; «признанные революционерами»; множество «коммунистов» и один «красногвардеец»⁴⁹⁵. По крайней мере, один из них, д-р Якоби, был инициатором несакционированного политического митинга в Темешваре, на котором «развивал идеи... Советского Правительства в Будапеште под вывеской защиты пролетариата»⁴⁹⁶, а д-р Отто Рот был «руководителем коммунистической организации в Темешваре»⁴⁹⁷. Вряд ли что-то из вышеприведённого выходило за рамки пропаганды и спонтанных акций индивидуумов и небольших групп. Но, с другой стороны, кто мог знать, что принесёт завтрашний день?

Что касается национальной принадлежности, то среди арестантов, заточенных в стенах смедеревской крепости, были сербы и хорваты из Старчева; немцы и венгры из пограничных областей; итальянцы и русские (бывшие военнопленные Австро-Венгрии); один румын и два еврея (д-р Рот и д-р Якоби)⁴⁹⁸. Имелись ли у этих подозреваемых и преступников какие-либо другие мотивы, помимо коммунистической идеологии, которая выдвигается на первый план, из доступных документов неясно. Всё же правящая элита Королевства СХС полагала, что во многих случаях за «большевизмом» крылись попытки реализации национальных интересов государств, недовольных результатами войны⁴⁹⁹.

Насчёт социального статуса изолянтов можно отметить, что многие из них принадлежали к беднейшим слоям. По сообщению упомянутого начальника Прекомурского гарнизона, «семьи интернированных граждан сильно бедствуют и нуждаются. У некоторых из них по семь–восемь детей»⁵⁰⁰. Очень вероятно, что тридцать три жителя Старчева и двое заключённых из Купинова были крестьянами. Кроме того, с уверенностью можно сказать, что там содержались двадцать три железнодорожника из Субботицы. Трое заключённых были выходцами из высших слоев: д-р Якоби и д-р Рот, а также «публицист» Иван Андрович⁵⁰¹. Оба доктора оказались в заключении как местные коммунистические лидеры и политические трибуны. С право-

⁴⁹⁵ ВА. П-4/IV. К-1. Ф-1. № 4/1. 2, 4; Učesnici. S. 69; ВА. П-7. К-94. Ф-1. № 9/27. 4; ВА. П-4/I. К-100. Ф-1. № 2/1. 145, 146; ВА. П-7. К-97. Ф-6. № 11/50; ВА. П-6. К-655. Ф-1. № 3/5.

⁴⁹⁶ ВА. П-7. К-94. Ф-1. № 9/27. 4.

⁴⁹⁷ Комунисти. I. С. 183.

⁴⁹⁸ Učesnici. S. 68, 69; ВА. П-4/I. К-100. Ф-1. № 3/1. 86, 87; ВА. П-6. К-655. Ф-1. № 3/5; ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/29; ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/24; ВА. П-7. К-94. Ф-1. № 9/27. 4.

⁴⁹⁹ ПНП. II. Zagreb, 1920. С. 698; 26-е очередное заседание от 27 мая 1919 г.

⁵⁰⁰ ВА. П-6. К-655. Ф-1. № 3/7. Имеются в виду «интернированные в Сербии», некоторые из коих находились в Смедерво. Начальник Прекомурского гарнизона командующему Савского дивизионного округа, № 76, 5 января 1920 г.

⁵⁰¹ ВА. П-4/I. К-100. Ф-1. № 2/1. 145, 146; ВА. П-4/II. К-100. Ф-1. № 3/1. 129, 130; ВА. П-6. К-655. Ф-1. № 3/5.

вой точки зрения некоторые из изолянтов являлись иностранными гражданами и позднее были высланы в свои страны или, если изъявляли желание, оставались на постоянное проживание в Королевстве СХС⁵⁰². Мятежники из Старчева ожидали результаты расследования и судебное разбирательство, об остальных же нельзя сказать ничего конкретного за исключением того, что в большинстве случаев политическая превенция являлась главным основанием заключения в лагерь, хотя, возможно, не единственным.

Русские, содержавшиеся в Смедерево, эксплицитно подозревались в участии в венгерской революции. Это были бывшие русские солдаты, которые в конце войны, вследствие капитуляции Австро-Венгрии и падения исполнительной власти, ушли из лагерей для военнопленных. Затем, получив от украинского консула в Австрии дорожные документы, они разбрелись по соседним государствам. Русский военный атташе в Белграде генерал Артамонов предостерегал надлежащие власти: «Поскольку большинство их вдохновлено большевистскими идеями и участвовало в грабежах, вряд ли стоит допускать их приезд в Югославию... Однако часть этих солдат уже пересекла югославские границы... Против них необходимо срочно принять меры предосторожности — интернирование, тщательную проверку личности и отношений с венгерскими большевиками. Для осуществления этих задач я мог бы порекомендовать Военному министерству подходящих лиц, уже имеющих опыт в такого рода делах»⁵⁰³. По-видимому, это предостережение было принято к сведению, так как до сих пор сохранились разработки русских специалистов 1920-х гг. по истории и структуре тайной полиции, о способах организации коммунистов и методах борьбы против революционеров⁵⁰⁴.

Вследствие недостаточности материала, трудно назвать точное число политических интернированных. Достоверно известно, что это число никогда не превышало «одной роты» и что Верховное командование распорядилось: «Если их количество в Смедерево увеличится, создать особую комендатуру»⁵⁰⁵. В последующих документах об этом ничего не говорится, следовательно, число изолированных не увеличилось. В конце мая и в июне в крепость было отправлено семьдесят семь человек⁵⁰⁶, в то время как, согласно специальному списку *Лиц, отправленных в Смедерево*, туда было

⁵⁰² ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/29.

⁵⁰³ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 21/3. Командование IV дивизионного округа, № 2436, от 30 сентября 1919 г., со ссылкой на документ русского военного атташе в Белграде, № 1200, от 16 сентября 1919 г.

⁵⁰⁴ АЖ. 14. Ф-24. 83–150.

⁵⁰⁵ ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 2/1. 30, 31.

⁵⁰⁶ ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 2/1. Оперативный журнал регистрации входящих и исходящих документов Первого армейского округа, 16 апреля–15 июня 1919 г.

отправлено ещё сорок девять человек (семь в июне, а остальные в августе 1919 г.)⁵⁰⁷, что в совокупности составляет сто двадцать шесть человек. Это количество именовалось «ротой». Если принять во внимание, что смедеревская крепость в тот момент являлась местом интернирования с территории всех армейских округов (кроме третьего)⁵⁰⁸, а также то, что процесс протекал в смутное послевоенное время, создаётся впечатление, что число интернированных было очень небольшим. Причин для этого несколько: некоторых подозрительных иностранцев сразу после ареста выслали за демаркационную линию, других держали при военных пограничных гарнизонах до дальнейших указаний насчет них, а третьих отправляли в Смедерево до высылки на родину. Подданных Королевства СХС вскоре после ареста отдавали под суд или отправляли в место рождения под надзор полиции⁵⁰⁹. Поэтому, даже если предположить, что личный состав «роты» в течение восьми месяцев функционирования лагеря несколько раз менялся, общее количество заключённых не превышало нескольких сотен человек.

О способе и режиме интернирования тоже сохранилось мало сведений. Право принятия решения об интернировании принадлежало командованию дивизионных округов на основании запроса подчинённых командиров, которые в экстренных случаях при одобрении вышестоящего руководства могли сами проводить интернирование в районе своего гарнизона⁵¹⁰. При осуществлении интернирования Военному министерству необходимо было предоставить список изолируемых лиц, который должен был содержать: «имя и фамилия; место проживания; профессия/занятие; причина интернирования; место интернирования; подлежит ли освобождению по прошествии определённого количества времени; где находятся документы и решение об интернировании»⁵¹¹. Изредка при аресте у подозреваемых проводился обыск⁵¹², после чего через демаркационную линию не высылались те, «у кого в документах есть указание на принадлежность к коммунизму, и что их следует арестовать. Всех подобных лиц надлежит отправлять в Смедерево, где бы они находились в изоляции и не представляли опасности. При их отправке в Смедерево всегда ставить пометку, что на них следует обратить пристальное внимание»⁵¹³. Контроль, ра-

⁵⁰⁷ ВА. П-6. К-655. Ф-1. № 3/5.

⁵⁰⁸ ВА. П-3. К-168. Ф-5. №5/16.

⁵⁰⁹ ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. №3/1. 129, 130.

⁵¹⁰ ВА. П-6. К-655. Ф-1. №3/4.

⁵¹¹ ВА. П-6. К-655. Ф-1. №3/4.

⁵¹² ВА. П-7. К-94. Ф-1. №9/27. 4.

⁵¹³ ВА. П-3. К-1. Ф-1. 17, 18; Командование Осиекского дивизионного округа, № 2849, от 19 сентября 1919 г. начальнику гарнизона в Баранье.

зумеется, не всегда мог быть абсолютным, и некоторые интернированные при любой возможности дерзко проводили большевистские митинги прямо в стенах лагеря⁵¹⁴. Их «публика» вынуждена была их слушать даже вопреки собственному желанию. При этом не столько существенно пропагандистское воздействие на единомышленников, сколько на охрану и военнопленных, деливших с ораторами помещение. Такое развитие ситуации растревляло и без того растущее беспокойство надлежащих властей и убеждало их в необходимости применения более радикальных мер, что не заставило себя долго ждать.

Условия содержания в лагере были скромными. Заключённые размещались в бараках, охраняемых полицией⁵¹⁵, а 3 мая 1919 г. Министерство армии и флота постановило, что «питание и использование заключённых из этой роты будет осуществляться наравне с военнопленными»⁵¹⁶. Это означало, что интернированных могли использовать на различных физических работах, а питание они должны были получать военными пайками. Какими реально были эти пайки, разумеется, нельзя сказать из предписанных меню и таблиц⁵¹⁷, но можно узнать из рапортов подразделений. Документ, датированный февралем 1919 г., в котором Дравский дивизионный округ докладывает Командованию IV армейского округа о своём материальном обеспечении, красноречиво свидетельствует, каково было экономическое положение государства и сколько оно могло выделить на питание армии, а вместе с ней и интернированных граждан: «солдаты питаются плохо, два дня они не получали мяса, сало вообще не выдают. Солдаты обовшивели, 1/4 из них голые, зафиксировано три случая сыпного тифа»⁵¹⁸. А речь шла о солдатах, которые на тот момент держали фронт против Австрии в процессе определения государственных границ.

Ещё более убедительная картина относительно вопроса питания складывается, если проанализировать более длительный временной отрезок. Судя по *оперативному дневнику I полка военнопленных «Болгарского»*, в котором перечислены пайки на протяжении трех полных лет — с 22 января 1918 г. по 31 декабря 1920 г. — кризис в питании наступил зимой 1919 г., а в марте ситуация наладилась, так как заключённые стали получать

⁵¹⁴ ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 3/1. 102, 103. Потисский дивизионный округ, № 338, от 3 июля 1919 г., Первому армейскому округу.

⁵¹⁵ F. Čulinović. Odjeci Oktobra. S. 439.

⁵¹⁶ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/16.

⁵¹⁷ См.: *Милићевућ, Милић*. Војничка кухиња. Исхрана војске у Србији крајем XIX и почетком XX века. Београд, 2002. Автор приводит сравнительную таблицу дневных армейских пайков в европейских странах. С. 49, 50.

⁵¹⁸ ВА. П-3. К-1. Ф-1. 17, 18; Конфиденциальный журнал регистрации входящих и исходящих документов IV армейского округа за 1919 г., документ № 1533, от 6 февраля 1919 г.

пайки в соответствии с таблицей⁵¹⁹. В связи с улучшением ситуации весной 1919 г. министр армии и флота 18 апреля 1919 г., скорее всего, распорядился усилить питание также и военнопленных — «независимо от национальности нестроевикам нашей армии полагается целый, им предписанный паек, но без напитков»⁵²⁰. Приказ распространяется и на интернированных, поскольку им полагались те же самые пайки, что и военнопленным. Все вышесказанное свидетельствует о том, что был период, когда интернированных кормили плохо, причиной чего явилась всеобщая нехватка, из-за которой армия плохо снабжалась в течение первой послевоенной зимы.

О состоянии одежды и обуви изолированных граждан нет прямых данных. Известно только то, что в связи с австро-венгерскими пленными перед их освобождением из смедеревской крепости генерал Стеван Хаджич приказал: «Принять срочные меры по приведению в порядок одежды и обуви этих пленных, *так как у меня есть информация, что ситуация здесь неблагоприятная*»⁵²¹. По-видимому, столь плачевное состояние обусловлено тем, что пленные всё ещё носили одежду и обувь, в которых воевали и были захвачены в плен, то есть и то, и другое было достаточно изношено. А потом в этой же одежде и обуви пленные трудились на физических работах по году и более. Интернированные же, прибывшие в лагерь в своей одежде и обуви и прошедшие здесь значительно меньший срок, в приказе не упоминаются, следовательно, можно предположить, что их внешний вид не требовал принятия «срочных мер».

Из стен смедеревской крепости вело два пути: освобождение и бегство. Так, Петрика Беги Вилмош из Субботицы сначала совершил побег, а затем вновь был арестован и допрошен военными органами⁵²². Впрочем, заключённый не избегал дальнейшего контакта с институциями правопорядка даже в случае законного освобождения, в соответствии с приказом военного министра. Вслед за вышедшим на свободу в его место рождения или проживания прибывал документ с напоминанием «следить за его передвижениями»⁵²³, так что те, кто был идентифицирован полицией как «большевик», «коммунист» и т. п., не избавлялись от этого ярлыка даже

⁵¹⁹ ВА. П-7. К-76. Ф-1. №1/1.

⁵²⁰ ВА. П-3а. К-47. Ф-8. № 58. Главный интендант Верховного командования, № 39552, от 3 мая 1919 г., шефу Главной почты Верховного командования.

⁵²¹ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/29 (курсив автора). Приказ министра армии и флота генерала Стевана Хаджича, конф. № 40820, который Верховное командование направило надлежащим командованиям 10 ноября 1919 г., № 45106. Текст, выделенный курсивом, в черновом варианте документа зачеркнут и поэтому в приказе командованиям отсутствует. Для сравнения, напр.: ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/16.

⁵²² ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 3/1. 102, 103.

⁵²³ ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 3/1. 86, 87, 130, 131.

на свободе. Этого, возможно, избежали иностранные граждане, как, например, румыны, которых в конце июля 1919 г. приказом военного министра передали французским войскам в Вршце. Впрочем, акты о передаче сопро-вождались списками их имен, которые впоследствии могли попасть в руки румынской полиции⁵²⁴.

Учитывая распространённость различных стереотипов о лагерях, важно подчеркнуть, что за время существования и функционирования не только лагеря в смедеревской крепости, но и других в исследуемой сети не было зарегистрировано ни одного случая смерти среди интернированных.

Наконец, в ноябре 1919 г. министр армии и флота генерал Стеван Хаджич «на основании рапорта об условиях размещения в Смедеревском городище и состоянии пленных и интернированных» приказал: «1) Распустить роту интернированных граждан в составе I батальона военнопленных «Австрийского». Всех заключённых из этой четы освободить и поступить с ними следующим образом: проживающих на нашей территории отправить по домам под надзор наших властей за их деятельностью и передвижениями. Граждан Венгрии, Румынии и Австрии отправить к Верховному командованию для высылки через границу. Русских и итальянцев, которые не хотят возвращаться в Италию, передать местным полицейским властям, чтобы им определили место проживания, где будет вестись надзор за их передвижениями и деятельностью. Тех, кто проживает не в самой Италии, а на территориях, оккупированных итальянцами, отправить к Верховному командованию для высылки через демаркационную линию, если они того пожелают, если же нет, то отправить к тем нашим окружным властям, где бы они хотели проживать. В будущем военные власти не будут производить интернирование, а будут сообщать о всех лицах, вызывающих подозрение, полицейским властям для осуществления надзора над ними... 3) После освобождения интернированных и репатриации австрийских пленных Начальству над военнопленными надлежит немедленно расформировать и ликвидировать штабы и военные части I батальона пленных «Австрийского» и по исполнении доложить»⁵²⁵. С подписанием этого документа смедеревская крепость перестала использоваться в качестве места содержания военнопленных, а также лагеря для предотвращения политической деятельности пёстрой массы «подозрительных лиц».

⁵²⁴ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/23; 5/24.

⁵²⁵ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/29.

ПОЖАРЕВАЦ

Об этой локации свидетельствуют всего три документа, согласно которым она действовала лишь пять месяцев: с марта по июль 1919 г.⁵²⁶. По сообщению одного неофициального источника, был приказ Верховного командования, по которому «надлежит арестовывать и интернировать всех, кто были действующими офицерами бывшей Австро-Венгерской монархии и ныне находятся на территории Королевства СХС, а также проживающих на территориях, занятых венгерскими большевиками, кто оказался на территории Королевства СХС»⁵²⁷. Вероятно, согласно этому «приказу» 3 апреля 1919 г. из Великой Кикинды было интернировано «множество лиц». О двоих из них достоверно известно, что их поместили в Пожаревацкий лагерь⁵²⁸. Судя по именам, оба, по-видимому, являлись представителями национальных меньшинств. Одного из этих жителей Кикинды, об освобождении которого перед Верховным командованием ходатайствовал его отец «Йован» 11 мая, звали Эмиль Шернхардт. О полученном ответе ничего неизвестно. Второго интернированного звали Дезидерие Винцки, он был адвокатом в Великой Кикинде. Прошение его брата об освобождении «из интернационного лагеря Пожаревац»⁵²⁹ военный министр генерал Стеван Хаджич отклонил 12 июля 1919 г. К сожалению, этим доступные данные о пожаревацком объекте исчерпываются. Однако чрезвычайно важен тот факт, что государственные органы эксплицитно именовали этот объект «лагерем».

ЛИВНО

В Ливно в течение мая 1919 г. были интернированы возвращенцы из России, подозреваемые в «участии в большевистском движении»⁵³⁰. После того как комиссар железнодорожной полиции в пограничном городе Копривнице выявил подозреваемых и надлежащему уездному ведомству в Ливно рекомендовал полицейский надзор в течение трех месяцев, земельное правительство Боснии и Герцеговины распорядилось об интернировании. Из троих интернированных, о которых сохранились фрагментарные сведения, двое были сербы — один столяр, другой крестьянин, а третий,

⁵²⁶ ВА. П-3. К-173. Ф-3. № 4/10; ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 3/1. 112, 113.

⁵²⁷ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/19.

⁵²⁸ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/19; ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 3/1. 112, 113.

⁵²⁹ ВА. П-4/1. К-100. Ф-1. № 3/1. 112, 113. Оперативный журнал регистрации входящих и исходящих документов Первого армейского округа, 15 июня–5 августа 1919 г.

⁵³⁰ К. *Isović*. *Odjeci*. S. 464.

хорват, тоже крестьянин. Спустя месяц земельное правительство отменило интернирование и подозреваемых поместили под трехмесячный полицейский контроль, который «по истечении указанного срока надлежит отменить в случае корректного поведения поднадзорных»⁵³¹. Этот пример показывает функциональную взаимосвязь двух видов мест изоляции — приёмных и интернациональных. И хотя из-за недостатка материала трудно с абсолютной уверенностью утверждать, что локации в Ливно и Копривнице были лагерями (так как доступные документы умалчивают о факторе массовости), они сыграли свою роль в сети импровизированных мест идентификации и изоляции политических противников.

ВАЛЕВО

Город Валево в качестве места интернирования использовался, по меньшей мере, два с половиной года — с марта 1919 г. по август 1921 г. Впервые в качестве одного из «центров» для «надзора» его упоминает начальник штаба Верховного командования воевода Живоин Мишич в связи с процедурой против русских, бывших военнопленных Дуалистической монархии, оказавшихся на территории Королевства СХС, которые подозревались в «инфицированности большевизмом»⁵³². Следующая информация, касающаяся «подозрительных и опасных русских», датируется 19 сентября 1919 года. Министерство внутренних дел передало земельному правительству в Сараево предупреждение русского военного атташе генерала Артамонова о том, что «после падения большевистского правительства в Венгрии большое число русских, состоявших в Красной гвардии, пересекли границу нашего Королевства и рассеялись по стране... Самое большое число этих русских, эвакуировавшихся из Венгрии с украинскими дорожными документами, осело в Загребе, однако они есть и в других городах. Многие из них носят форму русских офицеров, хотя таковыми не являются»⁵³³. Поэтому, по договорённости с русским военным атташе, их надлежит «найти и интернировать в Валево, предназначенное для интернирования подозрительных русских. Вышесказанное доводится до Вашего сведения с тем, что интернировать следует только тех русских, обнаруженных на Вашей территории, чья служба в Красной гвардии вызывает небезосновательные

⁵³¹ К. Išović. Odjeci. S. 466.

⁵³² ВА. П-3. К-173. Ф-3. № 4/10. Начальник штаба Верховного командования министру армии и флота, № 36823, от 10 марта 1919 г.

⁵³³ К. Išović. Odjeci. S. 542, 543. То же: АЈ. 507. Ф-5/112.

подозрения»⁵³⁴. Увы, из-за плохого состояния материала до нас дошло имя только одного русского, интернированного в Валево. Его звали Александр Павлович Невский, в одном из рапортов, датированном 1921 г., он фигурирует как «бывший русский офицер. Чрезвычайно мятежный тип и авантюрист. Тесно контактировал и сотрудничал с нашими коммунистами»⁵³⁵.

Следующее упоминание объекта в Валево относится только к 12 марта 1921 г., когда Департамент Баната, Бачки и Бараньи МВД отдал распоряжение Великому жупану Великого Бечкерека «интернировать в Валево Андру Клаубера, слесаря-механика из Старчева, на основании распространения им большевизма среди белградских рабочих, а также нелегального проживания в Белграде и пересечения границы без паспорта. Приказ выполнит Городская Управа Белграда»⁵³⁶. Клаубера, которому на тот момент было 30 лет, арестовала белградская полиция. При обыске в его квартире были обнаружены два приказа Верховного командования венгерской Красной гвардии, а также установлено, что он ездил в Вену в качестве представителя югославянских коммунистов. «На допросе в белградской городской управе он признался, что находился в Венгрии во время правления большевиков, а после их падения перебрался в Белград, где проживал под именем Андра Николич. Тогда же было установлено, что он оказывал моральную и материальную помощь венгерским эмигрантам»⁵³⁷. Определённое недоумение всё же вызывают эти два найденных приказа, поскольку опасному антигосударственному конспиратору не следовало бы хранить компрометирующий материал в своем жилище, а тем более документы столь незначительного содержания. По-видимому, в данном случае комплектность материалов доказательства не обошлась без «вмешательства» полиции, поскольку нередко она оставалась бессильной перед преступниками, ловко заматавшими следы своей деятельности⁵³⁸.

Второго интернированного, имя которого дошло до нас и который был представителем национального меньшинства в Королевстве СХС, звали «Янош Ханджа», обувных дел мастер из Старой Каньжи. О нём известно

⁵³⁴ К. *Išović*. *Odjeci*. S. 543. Помимо бывших пленных, среди этих русских могли быть и эмигранты первой волны, которые прибыли в Королевство СХС в мае–ноябре 1919 г. (*M. Jovanović*. *Досељавање*. С. 97–102).

⁵³⁵ *Комунисти*. I. С. 149.

⁵³⁶ АЈ. 507. Ф-160/28. МВД, Департамент Бачки, Баната и Бараньи, конф. № 355/1921. В другом документе (под той же сигнатурой в Архиве Югославии) означенная персона упоминается под именем *Арнольда* Клаубера, который из Баваништа переселился в Старчево, откуда ещё в 1911 г. отправился дальше в неизвестном направлении.

⁵³⁷ *Комунисти*. I. С. 98.

⁵³⁸ См., например, Иосифа Гайду, которого арестовали в Загребе и отпустили за недостатком доказательств: *Комунисти*. I. С. 216.

совсем мало, и согласно сообщению 1920 г., он был интернирован в Валево «за распространение большевизма среди рабочих»⁵³⁹.

Последний раз Валево в контексте изоляции упоминается в нескольких документах, составленных в процессе розыска органами правопорядка Грги Сударевича из Субботицы. Этот случай хорошо иллюстрирует действия полиции и роль места интернирования в этом механизме. По решению Министерства внутренних дел, Сударевича был интернирован с 7 мая по 6 августа 1921 г., когда начальник валевоского округа сообщил о его исчезновении. Давая описание внешности тридцатилетнего беглеца, одетого в серые штаны, чёрную гимнастерку, солдатские башмаки на шнуровке и зеленую кепку, Департамент общественной безопасности предупреждал, что тот «слывет одним из опаснейших коммунистических агитаторов»⁵⁴⁰. Его единомышленники верили, что «Грга всё может, когда хочет», а сам он заявлял, дескать, меня могут бить, но ничего не добьются, поскольку во имя идеи он готов на всё⁵⁴¹. Вопреки некоторой доле комичности, которая подчас свойственна погоням за «подозрительными субъектами»⁵⁴², по всей видимости, Сударевич действительно был опасным человеком и убеждённым коммунистом. Самым тяжким его преступлением стало убийство какого-то полковника. Повинуясь строгому наказу высших инстанций «предпринять всё возможное для поимки Сударевича»⁵⁴³, сыщики и жандармы буквально наводнили свои районы, и результат не заставил себя ждать. Грга попался государственному агенту Тодору Поповичу при попытке достать в Субботице новые документы, чтобы с несколькими соратниками отправиться в Венгрию для продолжения своей деятельности. При аресте 7 августа 1922 г., которым завершился его второй (!) побег из Валева, установлено, что всё время после побега он нелегально жил в Белграде, подкупив одного жандарма⁵⁴⁴.

У лагеря в Валево была одна специфическая черта, чрезвычайно существенная для понимания эволюции массовой изоляции в Королевстве СХС, а именно: интернированным, учитывая их поведение, разрешалось передвижение по городу, разумеется, под полицейским надзором⁵⁴⁵. Таким

⁵³⁹ Комунисти. I. С. 217. В соответствии с венгерским произношением его фамилию надо писать «Хенджи».

⁵⁴⁰ АЈ. 14. Ф-211. 17–18.

⁵⁴¹ АЈ. 14. Ф-102. 1098–1099.

⁵⁴² Известный драматург Бранислав Нушич увековечил эту фазу развития государственных институций в комедии «Подозрительный» («Сумњиво лице»).

⁵⁴³ АЈ. 14. Ф-211. 17–18.

⁵⁴⁴ АЈ. 14. Ф-102. 1098.

⁵⁴⁵ Концентрационный лагерь для антигосударственных элементов: Политика. № 4542. 13 ноября 1920. С. 3. Понятие «концлагерь» в то время использовалось в смысле сборного пункта, а не места массового истребления, с чем впоследствии оно стало ассоциироваться.

образом, интернирование в Валеве (а возможно, и в *городе* Смедерево) практиковалось как смягчённый вариант изоляции в противоположность тому, что обычно подразумевается под лагерем (колючая проволока, бараки, охрана). Это был некий вид переходной формы от принудительного пребывания в определенном населённом пункте к полной изоляции, возникшей позднее. Практика, однако, показала всю наивность желания властей удерживать интернированных в одном месте без создания непреодолимой *физической* преграды, а тем более организованных и опытных большевиков.

Обдумывая местоположение, откуда был бы затруднён побег, министр внутренних дел 1 февраля 1920 г. обратился к министру армии и флота с требованием подыскать «какое-нибудь подходящее место для интернирования, к примеру, в бывших австро-венгерских крепостях в Герцеговине или ещё где-то, либо какой-нибудь далматинский остров», поскольку «многих я интернировал в Валеве, где означенные лица должны были находиться под надзором полицейских властей, не имея права покидать город без их разрешения. Между тем большая часть этих людей оказалась в других областях нашей страны, где их обнаружили под другими именами»⁵⁴⁶. Имея дело с опытным, коварным и изобретательным противником, скрывавшимся за ложными именами и конспиративными адресами, который враждует в кругу единомышленников и сообщников и использует любую возможность для деятельности, власти должны были задуматься об усовершенствовании технологии изоляции. Прежде всего надо было найти новое, более подходящее для этого место.

МОСТАР

Медленно и фрагментарно проступают из бездны забвения смутные очертания мостарского лагеря, с которого началось данное исследование. Возникнув сначала как идея, затем став приговором в политической борьбе, мостарский лагерь в конце концов превратился в повседневность, присутствовавшую на страницах прессы. Согласно данным многочисленных источников, относящихся к этой теме, идею организовать лагерь на острове впервые высказал министр внутренних дел Светозар Прибичевич, но вынужден был удовольствоваться мостарскими бастионами⁵⁴⁷. Идея пришлась

⁵⁴⁶ Učešće. S. 343, 344. В сборнике сказано, что документ подписан министром внутренних дел П. Янковичем. Между тем министра полиции под таким именем никогда не было. До 19 февраля 1920 г. эту должность занимал Светозар Прибичевич, а его сменил Марко Трифкович. Вероятно, вместо Светозара Прибичевича подписал документ какой-то другой чиновник.

⁵⁴⁷ Spremaју тамнице // Радничке новине. 70. 24. марта 1920. С. 2; Učešće. S. 343, 344; ВА. П-3. К-177. Ф-5. № 5/29; 5/31.

по вкусу преемникам Прибичевича, и, по крайней мере, один из них, Милорад Драшкович, потребовал от председателя Покраинского правительства Далмации Ивана Крстеля выделить для размещения большевиков и надзора над ними «специальное место или, что было ещё лучше, какой-нибудь остров»⁵⁴⁸. Неизвестно, насколько Драшкович приблизился к осуществлению этого замысла, так как об острове Жирье сохранилось слишком мало сведений, чтобы его однозначно можно было считать лагерем.

Любопытно, что коммунистическая печать уже в марте 1920 г. опубликовала информацию о подготовке мест заключения. В газете «Радничке новине» под драматическим заголовком «Готовят темницы» появилось сообщение о том, что «от министра внутренних дел поступил приказ *бастиионы около Мостара переквалифицировать в темницы, куда будут бросать всех иноземных коммунистов*». Далее в анонимной статье говорится: «Этот план устранения коммунистов и интернирования их на далматинском острове предложил на одном из заседаний министров министр полиции бывшего правительства Г. Светозар Прибичевич. Нынешнее правительство лишь выбрало другое место, но, по-видимому, сама идея бывшего министра полиции всем очень понравилась»⁵⁴⁹. Остаётся загадкой, откуда коммунистам стала известна информация, которую министры обсуждали на своём совещании. Однако «комедианту случаю» было угодно, чтобы коммунисты, придя к власти в Югославии, реализовали идею столь ненавидимых ими министров полиции Прибичевича и Драшковича: с формированием лагерей на Голом Отоке и Святом Гргуре, узниками которых стали в основном убеждённые и проверенные коммунисты, жесткость лагерного режима пережила одну из самых резких эскалаций.

Самое раннее свидетельство о функционировании лагеря в Мостаре относится к началу августа 1920 г., а последнее датируется августом 1921 г.⁵⁵⁰ Подготовка к его организации началась в начале 1920 г., однако вследствие неполноты материала нельзя исключать того, что лагерь действовал до и после указанного времени. Специфичность этого объекта заключалась в том, что туда заключали исключительно иностранных граждан (чаще всего русских), причастность которых к большевистскому движению и антигосударственная деятельность не вызывали сомнений. И хотя этот объект сложно подробно анализировать, поскольку количество данных о мостарском лагере значительно скромнее, чем о смедеревском, следует отметить,

⁵⁴⁸ АЈ. 14. Ф-224, 291–292. Шифрованная телеграмма конф. № 10234, от 11 декабря 1920 г.

⁵⁴⁹ Спремају тамнице // Радничке новине. 70. 24 марта 1920. С. 2. Выделенная часть текста: «Радничке новине».

⁵⁵⁰ Против сумњивих и опасних странаца // Политика. № 4411. 4 август 1920. С. 3; АЈ. 507. Ф-27/11.

что он был важным звеном в развитии явления на территории Югославии. Мостарский лагерь в технологическом смысле явил собой вершину лагерной практики на её ранней фазе, и это создало условия дальнейшего дорабатывания технологии массовой изоляции.

В начале 1920-х гг. МВД было обеспокоено тем, что «многие большевики из России и Венгрии приехали в наше Королевство. Одни прибыли для пропагандирования большевистских идей и отравления ими нашего народа, другие же сбежали от наказания, грозящего им от остальных большевиков в их стране... При всём желании я бы не смог их изгнать из страны, как их изгнали из России, так как ни одно государство их не примет. Между тем мы должны их обезвредить, поскольку их влияние ощущается все сильнее, и в связи с этим назрела срочная необходимость изолировать их в таком месте, откуда они не смогли бы бежать и где были бы отрезаны от внешнего мира»⁵⁵¹. Идя навстречу просьбе Министерства полиции, Верховное командование обратилось с вопросом к командующему Вторым армейским округом, «можно ли какой-нибудь остров или герцеговинское укрепление для интернирования подозрительных личностей»⁵⁵².

В документах не объясняется, что возобладало при решении вопроса в начале 1920 г. в пользу мостарских бастионов, а не островной локации. Понятно, что массовая изоляция требует хотя бы минимум материальных условий для содержания большого числа заключённых и проживания их охраны, чего нет на пустынном острове, а, с другой стороны, населённый остров не обеспечивал надёжной изоляции, и с точки зрения возможности социальных контактов не сильно отличался от суши. На основании рапорта командующего Адриатическим дивизионным округом был сделан вывод, что наиболее подходящим местом, отвечающим всем условиям, являются только бастионы 5, 6 и 7, расположенные на холме Хум чуть повыше Мостара⁵⁵³. Эта голая, отвесная высота находится на правом берегу Неретвы в полутора километрах от центра города вниз по течению, в 436 м над уровнем моря.

Фактически это был укреплённый военный лагерь с объектами из камня и бетона, огороженный колючей проволокой, который воздвигла Габсбургская монархия, чтобы усилить свои позиции относительно Черногории и Италии, а также перекрыть подход к Мостару через долину Неретвы. Наиболее старые постройки этого оборонительного пункта относятся к периоду 1881–1888 гг., то есть после оккупации Боснии и Герцеговины, и уже во время Первой мировой войны они считались устаревшими, хотя

⁵⁵¹ Učešće. S. 343, 344.

⁵⁵² ВА. П-3. К-177. Ф-5. № 5/29. Штаб Верховного командования, № 47850, от 3 февраля 1920 г.

⁵⁵³ ВА. П-3. К-177. Ф-5. № 5/30; 5/31; 5/33.

в 1914–1917 гг. предпринимались попытки их модернизации. Когда в 1921 г. военная комиссия Королевства СХС произвела инспекцию объекта, её заключение было следующим: «Весь оборонительный объект в целях защиты от внезапного нападения обнесён колючей проволокой, снабжён цистернами, воздушными и сухопутными коммуникациями, а также помещениями для припасов... Состояние объектов очень плохое. Нет окон, дверей, сняты полы, вообще все деревянные предметы интерьера, а также все подвижные металлические детали..., поскольку местные жители громили и растаскивали всё, что попадалось под руку, даже цистерны, которые могли им пригодиться, уничтожили, изливая таким образом свой гнев против опустыленного австро-венгерского владычества»⁵⁵⁴. При таких обстоятельствах условия содержания лагерников, часть которых вполне могла заставить и комиссия, вряд ли были на высоком уровне, хотя не все помещения в одинаковой мере подверглись вандализму.

Помимо Министерства внутренних дел, ангажированного практически полностью, а также Министерства армии и флота, в формировании и эксплуатации этого лагеря принимали участие земельные правительств Хорватии и Славонии, Боснии и Герцеговины, Далмации, включая все им подведомственные инстанции. Первоначально передовую роль играло мостарское окружное начальство, к которому отсылали интернированных и с которым в подготовке объекта к приёму заключённых сотрудничал комендант города Мостара⁵⁵⁵. Между тем в апреле 1921 г. МВД изменило свой приказ, и с того момента решение о заключении в мостарский лагерь принимало само министерство⁵⁵⁶.

Доступный материал подтверждает, что в мостарских бастионах интернировали в основном граждан России, хотя было и «несколько болгарских, венгерских и австрийских агитаторов»⁵⁵⁷. Часть подозрительных русских могли составлять бывшие пленные, которые были головной болью властных органов практически с самого образования Королевства СХС из-за вероятности «заражения большевизмом». В силу этого начальник штаба Верховного командования воевода Живоин Мишич ещё в марте 1919 г. предлагал военному министру, что оптимальнее всего было бы «определить специальные центры, куда под конвоем следует препровождать указанных лиц и затем передать их полицейским властям, которые будут

⁵⁵⁴ ВА. П-17. К-164. Ф-5. № 1/4. 14. 15, 20, 21, 25. Отчёт инспекционной комиссии по осмотру бастионов Второго армейского округа, 26 августа 1921 г.

⁵⁵⁵ ВА. П-4/Ш. К-82. Ф-1. № 1/1. 115, 116, Оперативный журнал регистрации входящих и исходящих документов II армейского округа, № 6874, от 22 апреля 1920 г.; ВА. П-3. К-177. Ф-5. № 5/33; АЈ. 507. Ф-27/11.

⁵⁵⁶ АЈ. 14. Ф-167. 102; АЈ. 14. Ф-160. 39.

⁵⁵⁷ Политика. № 4542. 13 новембар 1920. С. 3.

осуществлять дальнейший надзор. — По прошествии времени, если будет позволять поведение указанных лиц, можно разрешить и более свободное передвижение»⁵⁵⁸. По релевантным оценкам, в 1920 г. в Королевстве СХС проживало всего около двухсот русских, бывших пленных Австро-Венгрии⁵⁵⁹, следовательно, они составляли меньшинство интернированных, прошедших через Мостар.

Другую категорию подозреваемых составляли русские беженцы или те, кто выдавал себя за таковых, поэтому в ноябре 1920 г., когда в Боку Которску прибыли остатки армии Врангеля, министр внутренних дел Милорад Драшкович направил телеграмму председателю Покраинского правительства Далмации Ивану Крстелю, где говорилось: «Подумайте также и о превентивных мерах против распространения вредоносных доктрин, которые они могут принести с собой»⁵⁶⁰. Ответ Крстеля был следующим: «На первое время им необходимо предоставить место для ночлега как можно дальше от жилищ местной безопасности и для того, чтобы их легче было держать под контролем»⁵⁶¹. Однако и до, и после этой переписки по государственным институциям, особенно по военным и полицейским канцеляриям, циркулировали предупреждения, что в Королевстве СХС находятся «ленинские агенты, скрывающиеся под личиной русских беженцев»⁵⁶². Вследствие этого, несмотря на убежденность, что, «несомненно, подавляющее большинство беженцев не приемлет большевизм»⁵⁶³, часть их всё-таки прошла через лагерь. Обоснованно или по навету — другой вопрос.

Специфическое психологическое состояние, характерное для беженцев, а также амбивалентное отношение общественного окружения к этой, во многом особой группе влекли за собой неожиданные и печальные последствия. Были среди русских беженцев те, кто «выкладывает слишком много информации, браня наиболее выдающихся личностей, так что человек не знает, что думать и стоит ли этому верить. Вследствие этого необходимо быть очень осторожным, принимая эти вести, и внимательно и скрупулезно их выверять, чтобы не совершить ошибки в отношении наших российских друзей. В то же время бесспорно то, что среди них в каж-

⁵⁵⁸ АЈ. 14. Ф-167. 102; АЈ. 14. Ф-160. 39. ВА. П-3. К-173. Ф-3. № 4/10.

⁵⁵⁹ М. Јовановић. Досљаванье. С. 96–97.

⁵⁶⁰ АЈ. 14. Ф-224. 240. Телеграмма № 23616 от 17 ноября 1920 г.

⁵⁶¹ АЈ. 14. Ф-224. 241–242. Телеграмма № 6124 от 18 ноября 1920 г. Цитируемый отрывок в документе подчеркнут самим Иваном Крстелем.

⁵⁶² АЈ. 14. Ф-132. 70. МВД, конф. № 1773/1921. Похожие предупреждения: АЈ. 14. Ф-145. 7; АЈ. 14. Ф-217. 481, 482.

⁵⁶³ АЈ. 507. Ф-41/8. Президиум земельного правительства Хорватии и Славонии, № 79 от 3 января 1921 г.

дой социальной прослойке есть большевистские агенты, действующие по убеждению или из-за материальной нужды»⁵⁶⁴. Отношение старожилов к русским варьировалось от неумеренного радушия и разумной опаски до некорректного и корыстного обращения.

Русскому военному атташе в Белграде даже пришлось предостеречь власти Королевства СХС насчёт русских, бывших военнопленных, которых, «хоть они заражены большевизмом», «население очень сердечно их принимает, как вообще всех русских»⁵⁶⁵. Случались и другие крайности, как, например, случай русской женщины Марии Прежилевской, которую её муж Лаза Сремац по возвращении из плена привёл в свой дом в деревне Ботош. Когда в полицию поступило заявление, где сообщалось, что упомянутая г-жа Прежилевская является «коммунистическим вождем» и что на основании Обзнаны её следует изгнать из страны, было проведено тщательное расследование. В результате выяснилось, что на женщину донесли её собственный муж и его родители, чтобы не выплачивать алименты за детей, законным отцом которых являлся Лаза Сремац. Г-жу Прежилевскую от высылки из страны спасли несколько видных граждан из местного населения, поручившихся полицейскому инспектору за её лояльность и гражданскую честность⁵⁶⁶.

То, что беженцы в такой непростой для них ситуации пытались сохранить собственное достоинство, создавало дополнительные осложнения. Полиция была уверена, что среди них есть большевистские агенты и «многие интеллигентные и честные русские это знают, но скрывают либо из страха, что их всех будут считать нелояльными, либо от стыда, и из национальной гордости не хотят своё «грязное бельё» выставлять на всеобщее обозрение»⁵⁶⁷. Эта наивная попытка сохранить достоинство в столь незавидном положении, в котором оказались эти люди, психологически понятна, но тщетна, а порой и контрпродуктивна. Испытания, выпавшие на долю беженцев, привели к сужению сознания, что, в свою очередь, вызвало болезненное стремление в изменившихся обстоятельствах сохранить прежний образ жизни, даже ценой игнорирования реальности.

Со своей стороны МВД прилагало усилия, чтобы избежать вероятия трагических недоразумений, устроив критерии для заключения в лагерь: «Интернированию в Хум подлежат только те, кто известны как опасные

⁵⁶⁴ АЈ. 14. Ф-132. 70. Рапорт командующего Потисским дивизионным округом, копию которого МВД, конф. № 1779, от 28 июня 1921 г., направило поджупану Бачко-Бодрошской жупани.

⁵⁶⁵ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 21/3. Командование IV армейского округа командующему Савским дивизионным округом, конф. № 2436, от 30 сентября 1919 г., со ссылкой на письмо русского военного атташе в Белграде, № 1200, от 16 сентября 1919 г.

⁵⁶⁶ АЈ. 507. Ф-160/14; Ф-160/21.

⁵⁶⁷ АЈ. 14. Ф-132. 70.

агитаторы большевизма и чья деятельность представляет угрозу нынешнему государственному и общественному порядку. Таким образом, исключительно в тех случаях, когда вина большевистской пропаганды установлена, необходимо подавать дело на рассмотрение Министерству, которое после изучения материалов дела примет решение»⁵⁶⁸. С другой стороны, четко предписывалось: «Семьи подозреваемых не отправлять в концентрационный лагерь в Мостаре, их надлежит оставлять там, где они проживают, на попечение государственной комиссии»⁵⁶⁹. Тем самым среди массы русских беженцев была обозначена группа, которая могла подвергнуться массовой изоляции: интернированию подлежали мужчины от 21 до 37 лет, в отношении которых есть неопровержимые доказательства, что они занимались пропагандистской деятельностью, воевали в рядах Красной Армии или жили под чужими именами. Насколько известно, это правило строго соблюдалось⁵⁷⁰.

Поименно известны только двадцать пять человек, интернированные в бастионах на холме Хум. На основании скудных документов всё же можно составить некоторое представление об этой группе. Хотя полиция Королевства СХС всех их считала российскими гражданами, а пресса именovala русскими и по национальности, один из них был гражданином Финляндии (Димитрие Яковлевич), а трое — евреями (Ефим Гольдштейн, Иосиф Фридман и Мирон Шварцман). Что касается их занятий, то четверо из них, как полагала полиция, были офицерами Красной Армии (один даже «подполковник»), четверо — рабочими, двое — студентами, один доктор юридических наук и один «гимназист». Большинство их проживало в Белграде (11 человек!), двое в Загребе, по одному человеку в Златаре (Хорватия), Панчеве и Доньем Милановце, об остальных нет сведений. Помимо распространения большевистских идей, являвшимся главным поводом для изоляции, об одном из них было выяснено, что ранее он уже был интернирован в Германии, ещё об одном, что он работал в редакции «Радничких новин», о двух других, что они поддерживали связи за рубежом (в Австрии и Болгарии). Кроме того, один из них контактировал с югославскими коммунистами, а у троих при задержании обнаружили фальшивые документы. Константин Кухалевский стал своего рода рекордсменом, поскольку полиция установила, что он имел четыре паспорта: русский, литовский, украинский и испанский⁵⁷¹.

⁵⁶⁸ АЈ. 14. Ф-145. 12. МВД, Департамент Бачки, Баната и Бараньи, конф. № 705/1921.

⁵⁶⁹ АЈ. 507. Ф-41/24. Советник бана Д. Маркович, № 2837, от 25 февраля 1921 г.

⁵⁷⁰ Комунисти. I. С. 4, 8, 9, 32, 47, 48, 52, 53, 59, 72, 96, 99, 112, 113, 144, 171, 182, 195, 208, 213, 227, 233; а также: АЈ. 14. Ф-217. 583–587.

⁵⁷¹ Комунисти. I. С. 4, 8, 9, 32, 47, 48, 52, 53, 59, 72, 96, 99, 112, 113, 144, 171, 182, 195, 208, 213, 227, 233; а также: АЈ. 14. Ф-217. 583–587.

По крайней мере, часть интернированных действительно составляли партийные коммунисты. Об этом свидетельствует тот факт, что именно эта группа наиболее организованно противодействовала властям и даже условиям интернирования. Сначала «Радничке новине», орган Коммунистической партии Югославии, ещё когда лагерь был на стадии планирования, развернули пропагандистскую кампанию против его основания. В статье «Готовятся темницы» утверждается, что «правительство несомненно планирует заточить в бастionaх близ Мостара, помимо наших иностранных товарищей, и нас, коммунистов Югославии»⁵⁷². Между тем, как показывает доступный материал, югославских коммунистов никогда не заключали в Мостар, а также нет доказательств, что были такие намерения.

Другая форма противодействия — продолжение агитации в самом лагере, которую вело «определённое число русских беженцев, особенно прибывших в первой партии и сразу принявших проповедовать коммунизм»⁵⁷³. Ещё одна форма противодействия — голодовка, начавшаяся в ноябре 1920 г. Сначала в ней участвовало пять интернированных, в декабре же это число сократилось до трех⁵⁷⁴. Точно неизвестно, чего именно они хотели добиться, сколько продолжалась забастовка, чем завершилась. Было, по крайней мере, два удачных побега, один из которых, 5 сентября 1920 г., был совершён невероятным способом: семь заключённых разоружили, раздели и связали троих жандармов, затем один из арестантов «...переделся в жандармскую форму и будто бы под конвоем повёл своих товарищей через город. Отойдя на приличное расстояние от города, они разбежались. За ним тотчас была послана погоня»⁵⁷⁵. Хотя 22 декабря 1920 г. они всё ещё не были схвачены, по крайней мере двоих впоследствии нашли и выслали из страны⁵⁷⁶. Второй побег совершил Никифор Ромотан, воспользовавшись случаем в тюремном отделении мостарской больницы⁵⁷⁷. Об остальных попытках бегства нет других сведений, кроме туманных газетных сообщений, что они совершались «в нескольких случаях»⁵⁷⁸.

⁵⁷² Спремају тамнице // Радничке новине. 70. 24 марта 1920. С. 2.

⁵⁷³ Политика. № 4542. 13 новембар 1920. С. 3. То же самое было отмечено и в Смедеревской крепости.

⁵⁷⁴ Политика, № 4542, 13. новембар 1920. С. 3; а также: «Протест русских коммунистов в мостарской крепости»: Политика. № 4551. 22 децембар 1920. С. 1.

⁵⁷⁵ Политика. № 4551. 22 децембар 1920. С. 1; остальные данные: АЈ. 14. Ф-217. 583–587.

⁵⁷⁶ Комунисти. I. С. 144 (Молин Боровский (Теодор)), С. 213 (Иосиф Фридман).

⁵⁷⁷ Комунисти. I. С. 182. Его фамилия, вероятно, была Ромотин. Чиновники Королевства СХС не раз доказывали, что им трудно дается написание иностранных имен и фамилий.

⁵⁷⁸ Политика. № 4542. 13 новембар 1920. С. 3. Здесь имеются в виду и валеvский, и мостарский лагеря.

Мостарский лагерь был небольшой, мог принять самое большое триста человек, а в марте 1920 г. мест хватило ещё для шестидесяти человек⁵⁷⁹. С учётом того, что дальнейшая процедура подразумевала высылку в Советскую Россию после интернирования, обычно через Цариброд и Болгарию, через этот лагерь, вероятно, могло пройти не более нескольких сотен арестантов. Принимая во внимание то, что их профиль был очень специфичен, а критерии для идентификации высокими, это можно считать очень большим числом.

Лагерь на холме Хум не был первым в этих краях. Во время I мировой войны в Мостаре располагался сборный лагерь для неблагонадёжного населения, в основном сербского, Австро-Венгерской монархии, но не в том же месте, а в какой-то «подземной пещере». Условия содержания там были исключительно плохими. Заключённые спали на голой земле вместе с уголовниками, при этом лагерники подвергались физическому насилию, а священников и уважаемых граждан нередко убивали «воины-мусульмане», которые препровождали их в другие лагеря⁵⁸⁰.

КЛИС

В Клисе в целях изоляции по политическим мотивам тоже использовался фортификационный объект. Эта была очередная попытка найти более надёжный способ изоляции опасных политических противников, которые, помимо всего прочего, обладали способностью «исчезать». В данном случае речь идет о средневековой крепости, расположенной в малонаселенной местности позади Сплита выше села Клис на неприступной голой скале. Известный коммунист межвоенного времени Вицко Еласка в своих воспоминаниях описывает заключение Иво Марича и группы коммунистов из Сплита: «В конце 1920 г. ...товарищи, которых посадили в крепость Клис, высланы в места рождения, а остальных из Сплита перевели в Сплитскую тюрьму св. Рока и через месяц освободили»⁵⁸¹. Ничего другого об этом объекте, к сожалению, неизвестно. Всё же хоть заключение в нём не приобрело массовости и функционирование его не было столь продолжительным,

⁵⁷⁹ ВА. П-3. К-177. Ф-5. № 5/31; АЈ. 14. Ф-160. 39.

⁵⁸⁰ Ђ. Станковић. Изазов. 2. С. 236–238.

⁵⁸¹ АЈ. 516. МГ-2899. С. 5. В 1941 г. Еласку интернировали итальянцы, и три года он провел в лагерьях на островах Устика и Ареццо (С. 22). После войны, будучи секретарем областного комитета Далмации, он попал на Голи Оток в пресловутую Петрову рупу (нору, дыру) (С. Грегорич. Историја логора ужаса // Вечерње новости. 18. јул 1999. С. 10). Впоследствии он утверждал, что, вопреки всему, остался предан «верс Марксизма-Ленинизма» (АЈ. 516. МГ-2899. 23, 24).

как у Мостара и Смедерева, Клис следует считать импровизированным местом изоляции по политическим причинам.

ЖИРЬЕ

Первым и единственным примером использования острова в целях изоляции политических противников на территории Королевства СХС можно назвать о. Жирье, самый удаленный из группы островов, расположенных напротив Шибеника. Об этом свидетельствует одиночное сообщение из совместных воспоминаний Вицко Еласки и Иво Марича, известных коммунистов того времени: «Начало подпольной работы застало товарища Иво Балькаса в интернирования на острове Жирье Шибеницкого района»⁵⁸². Неизвестно, шла ли речь о коллективной интернирования или отдельных её случаях, а также сколько функционировал этот объект, поэтому понятие «лагерь» неприменимо к нему. Вероятнее всего, о. Жирье стали использовать в целях изоляции в начале 1921 г., а причиной для этого послужил неудачный опыт интернирования в населенных местах, наподобие Валева и Смедерева.

ОТ ИНТЕРНАЦИОНАЛА ДО ИНТЕРНИРОВАНИЯ

Массовая изоляция проявилась во множестве видов, некоторые локации даже нельзя считать лагерями в полном смысле этого слова или, по крайней мере, источники умалчивают об этом. Другие локации не были специально предназначены для изоляции, заключённые содержались при военных подразделениях и в военных объектах, как это было в Белграде, Петроварадине, Бараньи, Загребе и т.д. В некоторых случаях трудно установить наличие фактора массовости (к примеру, Клис, Ливно, Жирье), а в Валево и *gorode* Смедерево физическая изоляция была неполной — допускалась свобода передвижения по городу и возможность контактов с местным населением. Однако все эти примеры очень важны для изучения явления, поскольку на этом опыте эволюционировала технология массовой изоляции. Лагерь с присущими ему атрибутами появляется только с началом интернирования в Смедеревской крепости, а Мостар, начавший функционировать летом 1920 г., где изоляция производилась массово, в соответствии с чётко сформулированными и последовательно осуществляе-

⁵⁸² AJ. 516. МГ-2054/2. 3.

мыми политическими критериями, технология которой была достаточно развита, представляет собой вершину эволюции массовой изоляции в Королевстве СХС.

Пример, когда в конце июля 1919 г. из Смедерева отпустили всех интернированных, чье место проживания и после передвижения границ находилось в Румынии, демонстрирует, что в процессе изолирования насколько возможно соблюдался критерий государственной принадлежности и правовые нормы. Начальник штаба Верховного командования воевода Живоин Мишич обосновал это следующим образом: «Нам действительно больше незачем держать этих людей, поскольку мы отдаем территорию; с другой стороны, *у нас нет на это права*. Просим решить вопрос *быстро*»⁵⁸³. Очевидно, что к проблеме лагерей интернирования Мишич подходит прежде всего как к государственному вопросу, а не как к идеологическому. Интернированных он рассматривал исключительно с точки зрения опасности, которую они представляли для государства, и на территории этого государства, им защищаемой. У большевиков же действовал надгосударственный принцип, поэтому их не смущали ни существующие государственные границы, ни морально-правовые нормы, имеющие силу в пределах этих границ. Это различие в моральной структуре и политическом мышлении давало коммунистам важное исходное преимущество по отношению к «старорежимникам» в Югославии.

Несмотря на заметное разнообразие политических ориентаций, правовых статусов, гражданств, национальных принадлежностей и вероисповеданий изолянтов в перечисленных объектах, большинство их всё же было интернировано за большевизм, а некоторые из них даже являлись организаторами движения и местными вождями. Вместе с этими людьми были изолированы бывшие австро-венгерские действующие офицеры и чиновники (габсбургские лоялисты); представители национальных меньшинств в Королевстве СХС, помогавшие своим историческим родинам в их претензиях на часть его территории (националисты, порой маскировавшиеся под «большевиков»); а также обыкновенные грабители и другие преступники. Помимо граждан Югославского Королевства, изоляции подверглось и определённое число иностранцев. При этом следует иметь в виду, что вышперечисленное не было взаимоисключающим, и отдельных индивидуумов изолировали на основании нескольких поводов.

Эволюция лагерей интернирования сопровождалась несколькими параллельными процессами. Во-первых, постепенное утрачивание разнообразия политических ориентаций и превращение лагерей в средство борьбы

⁵⁸³ ВА. П-3. К-168. Ф-5. № 5/23 (курсив автора).

с большевизмом. Во-вторых, рост числа побегов и эскалация других видов сопротивления, организуемых и осуществляемых коммунистами (недоказуем ни один пример бегства интернированных иных политических убеждений). В-третьих, постепенный переход интернирования из ведения армии в ведение полиции. Официально МВД стало вести интернирование с ноября 1919 г., после чего роль армии свелась к вспомогательной. В-четвёртых, постепенное слияние функционального различия двух видов лагерей (интернациональных и приёмных) с различием в государственной принадлежности изолянтов: интернациональные лагеря, куда заключали преимущественно собственное население (причем представителей национальных меньшинств среди них было непропорционально много) и порой иностранцев, становятся лагерями, предназначенными специально для иностранцев, в основном, русских, в то время как в приёмные лагеря в течение всего периода их существования, как правило, попадали граждане Королевства СХС независимо от национальности.

Доступный материал, посвящённый лагерям интернирования в Королевстве СХС, этим исчерпывается, однако вполне вероятно, что в будущем могут появиться источники, доказывающие функционирование ещё какого-нибудь объекта или приоткрывающие какой-нибудь новый аспект уже известных. Уже сейчас интригуют данные, что Стеван Габор из Мурской Соботы был «интернирован», а Александр Коблер из Сараева «выслан» в Люблян⁵⁸⁴. Действовавший там приёмный лагерь не предназначался для этого. О каком виде превенции тогда идёт речь? Документы об этом молчат, но лагерная тематика полна неожиданностей, и при её исследовании надо быть готовым к тому, что в любой момент из мрака забвения могут всплыть наружу новые сведения.

⁵⁸⁴ Комунисти. I. С. 42, 100.

Глава IV

Приёмные лагеря

Эта группа лагерей представляет собой вторую половину лагерной сети, созданной армией и полицией Королевства СХС. Однако подобные меры предосторожности предпринимались и в других государствах, куда прибывали или через которые проходили репатрианты. Италия организовала специальный карантин для репатриантов в городе Тарвизио, Австрия — в Вене, в Венгрии тоже были «концентрационные лагеря»⁵⁸⁵. С появлением этих объектов на границе Королевства СХС окончательно сформировался аппарат борьбы против «антигосударственных элементов», особенно большевиков. По своей функции эти лагеря отличались от предназначенных для интернирования, поскольку, как правило, они предназначались для приема, изоляции, дезинфекции, проверки, идентификации и допроса репатриантов из российского и итальянского плена, прежде чем они будут отправлены дальше.

Подготовка к прибытию большого числа пленных из России началась не позднее мая 1919 г., когда начальник штаба Верховного командования со ссылкой на приказ министра армии и флота отдал распоряжение командующему IV армейским округом «для сбора пленных выделить на своей территории место ближе к демаркационной линии и подготовить всё необходимое для их приёма и питания. В этом месте пленные из других армейских округов будут оставаться столько, сколько необходимо, а затем под конвоем и со списками их надлежит препровождать в те армейские округа, к которым они территориально относятся»⁵⁸⁶. В своих округах репатрианты проходили аналогичную процедуру в специально отведённых для этого локациях. «Пока пленные находятся в специальных локациях, необходимо установить слежку за ними и их поведением, а также надлежит немедленно послать запрос в места их рождения или проживания тамошним властям. Лояльных и честных следует отпускать домой, с неблагоприятными и опасными поступать сообразно закону. Цель вышеуказанных процедур — не допустить, чтобы вместе с пленными в страну проникли

⁵⁸⁵ АЈ. 516. МГ-188. 145; АЈ. 507. Ф-57/10; ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/21.

⁵⁸⁶ ВА. П-4/П. Ф-8. № 20/27. Командующий Боснийским дивизионным округом командующему II армейским округом, № 2094, от 6 июня 1919 г.

вредоносные элементы и вражеские агенты»⁵⁸⁷. Вряд ли кто-то усомнится, что за этими мерами кроется политический смысл.

Командующий Боснийским дивизионным округом полковник Маркович для размещения лагеря на своей территории предложил город Добой, поскольку, по мнению Марковича, там наличествуют все необходимые условия. Представленные им обоснования исключительно важны для установления критерия, по которому в военных кругах локация оценивалась с точки зрения возможности организовать там лагерь (в самом Добое такого объекта во времена Королевства СХС не существовало): «1. Добой — небольшой военный гарнизон. 2. Добой не является крупным пролетарским центром, поэтому нет опасности контакта пленных с рабочими. 3. Транспортировка пленных не будет представлять затруднений, так как город расположен на железной дороге. 4. В Добое достаточно барачков для размещения. 5. В Добое стоят войсковые части, одна из которых может взять на себя питание пленных. 6. В Добое для этой цели есть подходящий начальник гарнизона. Если опустить условие, что это место должно быть ближе к северной границе, то Вишеград и Рогатица больше бы подошли для этой цели: в них лучше условия для размещения, а кроме того, эти города значительно уединённее, так как движение через них не такое оживлённое, как через Добой, следовательно, изолировать пленных там было бы значительно удобнее. Наконец, население Вишеграда и Рогатице менее восприимчиво к идеям, которые нелояльные элементы имеют намерение распространять»⁵⁸⁸.

Между тем нет данных, что такой лагерь действительно существовал в каком-либо из перечисленных населённых пунктов с 1919 по 1922 гг., хотя их преимущества для этого очевидны. Именно в силу этих преимуществ в Добое во время Первой мировой войны Габсбургская монархия организовала один из крупнейших своих лагерей для сербского мирного населения⁵⁸⁹, а в Вишеграде в 1939–1940 гг. Королевство СХС открыло лагерь для коммунистов. Вероятно, в 1919 и в 1920 гг. решающим фактором в пользу Субботицы, Любляны, Дубровника и Марибора стала близость к границе. Поскольку время пощадило не весь материал, касающийся этих объектов, в данной работе наиболее подробно будет описан мариборский лагерь как наиболее типичный, особенно то, как проводятся следственные проце-

⁵⁸⁷ ВА. П-4/П. Ф-8. № 20/27. Командующий Боснийским дивизионным округом командующему II армейским округом, № 2094, от 6 июня 1919 г.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Австро-венгерский лагерь в Добое унёс около 10 тыс. жизней из 45791 прошедшего через него. Питание было крайне скудным, австро-венгерские офицеры совершали массовые акты насилия над женщинами (*Б. Станковић*. Изазов. 2. С. 238).

дуры. Остальные лагеря дополняют созданную картину, тем более если в них будет подмечено нечто, существенно отличающееся от Марибора.

ПОГРАНИЧНЫЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ КОМИССАРИАТЫ

Хотя первый приёмный лагерь, субботицкий, был основан только в сентябре 1919 г., определённые меры предосторожности применялись к репатриантам при их въезде в страну и ранее в течение того же года. Так, группу репатриантов из России, в марте 1919 г. прибывшую в Копривницу через Киев и Будапешт, полицейский комиссар на несколько дней поместил в карантин, пока шло расследование их причастности к большевизму. После того, как их отпустили по домам, над ними был установлен полицейский надзор, и время от времени у них производились обыски⁵⁹⁰. Согласно другому источнику, несколько человек из этой группы, которых комиссар заподозрил в большевизме, перед отправкой домой были интернированы в Ливно⁵⁹¹. Такие же процедуры в гораздо большем масштабе проводились и позднее в приёмных лагерях, поэтому пограничные полицейские комиссариаты можно считать их предтечей, а Копривницу — характерным примером. Есть сообщение, что в феврале 1920 г. поступило распоряжение ни одного репатрианта не пропускать через Копривницу, а всех направлять к военному представителю Королевства СХС в Будапеште майору Боди, а он — в Субботицу⁵⁹². О копривницкой локации больше нет никаких данных, поэтому она не выделена как лагерь. Тем не менее город на железной дороге вполне мог бы им стать, так как известно, что во время войны австро-венгерские власти организовали там постоянный лагерь для собственных неблагонадежных граждан. Интернированными были в основном сербы⁵⁹³.

Меры предосторожности по политическим причинам применялись к репатриантам и позднее на других направлениях возвращения, однако в силу меньшей интенсивности потока лагеря там не организовывали, ограничиваясь рамками полиции. Полицейские комиссариаты существовали до, во время и после окончания функционирования приёмных лагерей. Легальным путем и сравнительно многочисленными группами репатрианты пересекали границу близ Девджели и Пирота, где также располагались

⁵⁹⁰ AJ. 516. МГ-1060. 29–32.

⁵⁹¹ K. *Isović*. *Odjeci*. S. 464–466. См. раздел «Ливно» в главе «Лагеря интернирования».

⁵⁹² ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/21. Командование Осиекским дивизионным округом № 3762, от 9 февраля 1920 г.

⁵⁹³ Ъ. *Станковић*. *Изазов*. 2. С. 236.

полицейские посты⁵⁹⁴. Между тем в материалах нет никакого намёка на то, что там были организованы приёмные лагеря. Причина, вероятно, кроется в малочисленности возвращавшихся из России по этим направлениям, поэтому меры предосторожности, предпринимавшиеся в дипломатических представительствах, через которые проходили репатрианты, а также в полицейских и военных объектах на границе и внутри страны, считались достаточными⁵⁹⁵.

На тесную связь между пограничными полицейскими комиссариатами и приёмными лагерями указывают документы, в которых в мае и июне 1919 г. армия в пограничном городе Субботице освобождается от «полицейских и гражданских обязанностей», которые возлагаются на «особый полицейский комиссариат при городской управе в Субботице»⁵⁹⁶. Однако демилитаризация контроля въезда в страну по основным железнодорожным магистралям продолжалась недолго. Когда через несколько месяцев к границе потянулись многочисленные железнодорожные составы с репатриантами из России, армия вновь приняла участие в их приёме, поскольку репатрианты как военнообязанные были ей подведомственны. С другой стороны, нельзя было обойтись и без полиции, так как основная проблема относилась к политической, а следовательно, к гражданской сфере. В результате на полицейские комиссариаты (при содействии армии) было возложено решение технических вопросов, соответствующих сути проблемы: лагеря приёма и временной изоляции «подозрительных лиц». Такой гипертрофированный статус институция пограничного полицейского комиссариата сохраняла, пока был большой объем работы. После упразднения субботицкого лагеря в случае дальнейшего прибытия бывших пленных было решено: «Если такие лица приезжают без надлежащим образом оформленных дорожных документов, полицейским комиссарам следует поступать в соответствии с прежними распоряжениями»⁵⁹⁷. На практике это означало, что вновь устанавливалась процедура, имевшая силу до момента организации лагеря в связи с массовым притоком репатриантов.

⁵⁹⁴ ВА. П-4/II. К-89. Ф-3. № 8/6. 4.

⁵⁹⁵ АЖ. 14. Ф-161. 304; АЖ. 516. МГ-38. 4; АЖ. 516. МГ-138. 2; АЖ. 516. МГ-191. 11–12; АЖ. 516. МГ-961.

⁵⁹⁶ ВА. П-4/I. К-100. Ф-1. № 2/1. 97, 98; ВА. П-4/I. К-100. Ф-1. № 3/1. 2, 3, 57, 58. Оперативный журнал регистрации входящих и исходящих документов Первого армейского округа за 1919 г., переписка Верховного командования и Министерства внутренних дел.

⁵⁹⁷ АЖ. 14. Ф-161. 202. Поджупан Великого Бечкереса (Е. Пајдак?) подчинённым службам, конф. № 80/1921, на основании решения министра внутренних дел, от 23 апреля 1921 г.

СУББОТИЦА

Приёмный лагерь в Субботице действовал с сентября 1919 г. по март 1921 г. Министр Прибичевич так обосновал необходимость открытия лагеря: «На нашей границе напротив Нового Сегедина и Субботицы собираются большие группы бывших пленных, собственно говоря, наших граждан, которые хотели бы вернуться домой. Среди них есть те, кто возвращается из России, а есть и такие, кто служил в Югославянском большевистском батальоне в Будапеште»⁵⁹⁸. Именно это особенно беспокоило министра, поэтому, несомненно, превенция их политической деятельности стала главным мотивом для введения меры изоляции. С этой целью министр внутренних дел получил согласие Верховного командования, что репатриантов «примут и поместят в определённом месте в Субботице, где они проведут несколько дней в лагере (какой-нибудь казарме или бараках) до установления личности, после чего каждый из них получит документы для возвращения в место рождения»⁵⁹⁹. Далее по линии субординации всё шло своим чередом: министр армии и флота направил свое решение начальнику штаба воеводе Мишичу, который, в свою очередь, приказал командующему I армейского округа воеводе Петару Бойовичу «в подходящем месте в Субботице организовать «Приёмный лагерь» для всех наших подданных, возвращающихся из России, Венгрии и Австрии на родину»⁶⁰⁰. В этом документе, помимо характеристики предназначения объекта, впервые употребляется выражение «приёмный лагерь», следовательно, он важен в теоретическом и в чиновническом аспекте. Такой же документ был направлен командующему IV армейским округом, и тем самым армия северной половины нового государства была приведена в состояние повышенной готовности⁶⁰¹.

Помимо министра полиции Светозара Прибичевича и военного министра Стевана Хаджича в процесс организации этого лагеря и его предназначение были посвящены премьер-министр Любомир Давидович, министр иностранных дел Анте Трумбич, начальник штаба Верховного командования воевода Живоин Мишич, командующие армейскими округами, им подведомственные институты и исполнительные лица по линии субор-

⁵⁹⁸ ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/86. Министр армии и флота С. Хаджич Верховному командованию, конф. № 34992, от 14 сентября 1919 г., со ссылкой на МВД, конф. № 219, от 10 сентября 1919 г.

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/86. Согласно приказу Верховного командования, начальник штаба воевода Ж. Мишич командующему I армейским округом воеводе П. Бойовичу, № 43295, от 19 сентября 1919 г. (черновой вариант на обратной стороне резолюции министра армии и флота генерала С. Хаджича. Подчеркнутые слова: Ж. Мишич).

⁶⁰¹ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/17. 1.

динации, а также соответствующие земельные правительства. Принимая во внимание тот факт, что министр Прибичевич в упомянутом документе ссылается на свое «соглашение» с Верховным командованием, можно предположить ведение каких-либо консультаций с самим регентом Александром по вопросу основания лагерей или, по меньшей мере, его осведомленность о наличии лагерной сети. Из иностранных институций в транспортировке и охране репатриантов принимали участие венгерские гражданские и военные власти, с которыми поддерживал постоянные контакты военный представитель Королевства СХС в Венгрии майор Михайло Боди. С помощью венгерского правительства он организовал в Будапеште этапную комендатуру, где происходило освидетельствование и отчасти идентификация репатриантов перед их отправкой в Субботицу⁶⁰². Той же функцией обладало военное представительство Королевства СХС в Вене, действовавшее по принципу майора Боди.

Другая, более важная для нужд государства часть работы, осуществлявшейся в Венгрии, была возложена на комиссара полиции Байича. Этот чиновник прибыл в Будапешт осенью 1919 г. специально с целью выявления среди репатриантов из России большевиков и других подозрительных лиц. При выявлении и аресте таких лиц по его распоряжению их отправляли в субботицкий лагерь в руки его коллег. Прежние исследователи отмечали, что венгерские власти с большим пониманием относились к работе комиссара Байича и оказывали ему всяческое содействие⁶⁰³. После краха венгерской «революции» вполне понятно их нежелание иметь на своей территории субверсивных элементов, тем более иностранцев. Впрочем, так же поступали и другие европейские правительства, если им подворачивался случай выслать за пределы своих границ людей, подозреваемых в большевизме.

В субботицком приёмном лагере, как и в других, организованных по его образцу, компетенции армии и полиции с самого начала четко разделялись. Воевода Живоин Мишич отдал приказ: «Командующий I армией должен назначить одного офицера на должность начальника лагеря, который будет следить в нём за порядком и дисциплиной и не будет разрешать отлучаться отсюда никому без соответствующего документа согласно п. 3 данного приказа. С этой целью необходимо поставить часовых. Пока эти наши подданные пребывают в лагере, питаться они будут при подразделении, которое назначит командующий Потисским дивизионным округом. При освобождении из лагеря снабдить их провизией до места проживания»⁶⁰⁴. Приказом Мишича в обя-

⁶⁰² ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/61; ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/86; ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/21; АЈ. 507. Ф-167/25; К. *Isović*. *Odjeci*. S. 543, 544.

⁶⁰³ *Vinaver, Vuk*. *Jugoslavija i Mađarska 1918–1933*. Beograd, 1971. S. 101.

⁶⁰⁴ ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/86. Мишич Бойовичу, № 43295, от 19 сентября 1919 г.

занности полиции вменялось: «Министерство внутренних дел назначит своих чиновников, которые будут допрашивать этих людей, выдавать им документы и направлять в места рождения, где они будут находиться под надзором местных властей, а те, кто совершил какие-либо противоправные действия и в отношении которых будет проведено расследование, будут переданы надлежащим властям. Начальник лагеря не будет в это вмешиваться»⁶⁰⁵. Последняя фраза очень важна, поскольку доказывает чёткое осознание того, что политические пристрастия граждан, даже если речь идет об экстремальной идеологии, не входят в компетенцию армии, — этим должны заниматься гражданские институты. Насколько строго такое разделение соблюдалось, другой вопрос.

Наконец, воевода Мишич в своем приказе дал некоторые директивы относительно того, кого следует заключать в лагерь: «В «Приёмный лагерь» направлять всех наших подданных, у которых при переходе через демаркационную линию не будет при себе документов или в документах которых, выданных в Пеште, будет указана необходимость заключения в лагерь. Представительство в Пеште будет направлять в лагерь всех лиц, о ком нет данных, кто служил в венгерской Красной гвардии или просто состоял на службе у большевиков. То же самое относится и к представительству в Вене»⁶⁰⁶. Практически ни у кого из репатриантов не было никаких документов, поскольку по пути у них все было отобрано и уничтожено. Те же, кто был замешан в чём-то противозаконном, сами уничтожили свои документы во избежание идентификации. Некоторые прибывали даже без документов военных представителей в Будапеште или Вене, так что для установления их личности приходилось посылать запрос в место их рождения или проживания (предметом интереса было также их подданство и политическое прошлое)⁶⁰⁷. Время, требующееся для получения этих сведений, проверяемый проводил в лагере.

Вызывающих подозрение иностранцев старались не пускать в страну. Если кому-нибудь, например Еве Цукерман, все же удавалось проскользнуть мимо контрольно-пропускных пунктов и потом этих лиц арестовывали, то с ними поступали следующим образом: «По окончании срока заключения за нелегальное пребывание на территории Королевства СХС они высылаются в Австрию. Для высылки им надлежит явиться к комиссару полиции в Мариборе. На основании приказа министра внутренних дел № 8640 (об устранении иностранцев) они имеют право на бесплатный проезд в вагоне III класса»⁶⁰⁸. В кризисный период, наступивший непосредственно после войны, всем хватало собственных проблем. Кому хотелось решать ещё и чужие?

⁶⁰⁵ ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/86. Мишич Бойовичу, № 43295, от 19 сентября 1919 г.

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/86.

⁶⁰⁸ АЖ. 14. Ф-209, 220.

Репатриантов, чьё подданство Королевства СХС было установлено, чиновники Министерства внутренних дел отсылали в субботицкий лагерь. Здесь их делили на четыре категории: «1. Тех, о ком достоверно известно или существуют подозрения относительно их службы в красной гвардии/вражеской армии, по обвинению в вышеуказанном надлежит передать компетентным властям с целью проведения расследования и суда за уголовное преступление согласно §84 уголовного закона, который гласит: «Подданный Королевства сербов, хорватов и словенцев, который во время войны, ведомой против Королевства, поступил на службу во вражескую армию и воевал против Королевства и его союзников, осуждается как предатель на двадцать лет каторги». В дополнение говорю, что для возбуждения уголовного дела не обязательно активное участие в борьбе, достаточно лишь факта службы во вражеской армии. 2. Те, кого надлежит передать отдельным властям по требованию последних. 3. Тех, кого нет оснований подозревать в совершении уголовного преступления согласно §85 уголовного кодекса, а также в отношении которых отсутствует требование отдельных властей о передаче им указанных лиц, однако существует подозрение об их пристрастии к большевизму, надлежит снабдить особыми документами и направить их в места их рождения/проживания. Эти документы дают им право только на проезд до места их рождения/проживания, где по приезду они обязуются встать на учет у местных властей. 4. Тех, в отношении кого отсутствуют подозрения и кто не относится ни к одной из вышеперечисленных категорий, надлежит снабдить документами, дающими им право только на проезд до определённого места, где они будут проживать»⁶⁰⁹. На первый взгляд, приведённый документ вполне последователен и логичен, однако после более внимательного ознакомления с ним становится понятно, что это не совсем так, в силу чего его стоит проанализировать подробнее.

Во-первых, во время какой войны репатрианты могли служить в армии, вражеской по отношению к Королевству СХС, если оно само образовалось только после Великой войны? Во-вторых, закон, на который ссылается документ министерства полиции, в сущности является уголовным законом Королевства Сербии, в котором изменено название государства, поскольку конституцию и законодательство Королевства СХС ещё не успели принять. В-третьих, понятно, что все репатрианты служили в австро-венгерской армии, вражеской по отношению к Сербии! Однако это не могло послужить основанием для уголовного преследования, так как акт об объединении практически сводил на нет этот вид провинности. На кого же тогда могло пасть подозрение

⁶⁰⁹ АЈ. 507. Ф-5/115; АЈ. 507. Ф-167/25; К. *Isović*. Одјеси. S. 543, 544. МВД, конф. № 592, от 27 сентября 1919 г., земельным правительствам в Сарасво и Загребе. Из документа не ясно, кто его подписал, вероятнее всего, это был министр внутренних дел.

в службе во вражеской армии? Только на тех, кто служил в Красной Армии в России и Венгрии. Но в таком случае, когда и где некая большевистская армия воевала против Сербии или Королевства СХС? Только на территории самой России. Отдельные небольшие подразделения Добровольческого корпуса СХС, оставшиеся в России после переброски основных его сил на Салоникский фронт, считались частью сербской армии и участвовали в гражданской войне на стороне Белой гвардии. В составе большевистских подразделений им противостояли их же соотечественники других политических убеждений. Исклчительно эта тонкая нить, ведшая в горнило гражданской войны в России, давала какие-то реальные основания для преследования югославов-большевиков. Без этого никто не мог им ничего причинить в законном порядке.

Об условиях содержания в субботицком лагере известно немного. Для размещения заключенных предназначались бараки или казармы. Питание обеспечивалось из военных средств, его объём и качество приравнивались к питанию военнослужащих Королевства СХС, так как по статусу изолянты являлись военнообязанными. Когда субботицкий лагерь начал действовать, продовольственный кризис в армии, о котором шла речь в предыдущей главе, уже миновал. С учётом того, что пребывание в лагере должно было быть кратким, пока не будет установлена личность изолянтов и при помощи дипломатических представительств их политическая деятельность за время пребывания за границей, вопрос об одежде и обуви не возникал⁶¹⁰.

Количество людей, прошедших через лагерь трудно точно установить, поэтому приходится довольствоваться лишь приблизительными цифрами. В течение неполных пяти месяцев, с момента основания лагеря в сентябре 1919 г. до 31 января 1920 г., майор Боди отправил в Субботицу около 7 тыс. репатриантов «из Италии, России и других стран», что, вероятно, подразумевает Германию и государства, возникшие на территории бывшей Габсбургской империи⁶¹¹. Большинство их, по-видимому, прибыла из России, так как почти все репатрианты из Германии и рухнувшей Австро-Венгрии вернулись на родину до основания лагеря, а репатрианты из Италии прибывали в основном через Дубровник и Люблян. Следовательно, в среднем через лагерь ежемесячно проходило примерно 1400 чел. Если учесть, что лагерь функционировал на протяжении семнадцати месяцев, и предположить, что интенсивность притока репатриантов была всё время относительно одинаковой, получается, что в стенах лагеря побывало почти 24 тыс. чел. Однако, поскольку при миграциях с течением времени приток обычно становится менее интенсивным, точное число может быть и меньше.

⁶¹⁰ ВА. П-3. К-166. Ф-7. № 13/86; ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/5.

⁶¹¹ ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/21.

Субботицкий лагерь упразднили согласно решению министра внутренних дел Милорада Драшковича от 23 февраля 1921 г., а его функциями вновь наделили пограничные полицейские комиссариаты. Причина этого кроется в уменьшившемся массовом притоке репатриантов из русского плена через Будапешт и Субботицу, поскольку в решении министра процедура в отношении вновь прибывших оговаривается следующим образом: «если они ещё будут прибывать»⁶¹².

ЛЮБЛЯНА

Люблянский лагерь появился в январе 1920 г. и предназначался для приёма репатриантов из итальянского плена, а позднее туда стали заключать и прибывших из России⁶¹³. Последнее упоминание о функционировании этого лагеря относится к декабрю 1921 г.⁶¹⁴. Обращение с репатриантами из Италии значительно отличалось от того, как обращались с возвращавшимися из России, хотя вначале подозрения относительно первых о распространении ими идеологической «заразы» всё же существовали. Очевидно, что в случае люблянского лагеря полицейские власти радушным приёмом стремились повлиять на политические настроения репатриантов из Италии, дабы заручиться их расположением насчёт нового государства. Вследствие этого процедура, предусмотренная в Любляне для встречи репатриантов, разительно отличается от Субботицы и Марибора, а также существенно отличается от того, как в самом люблянском лагере впоследствии встречали бывших пленных из России. О том, каково было обращение с репатриантами из Италии, прибывавшими в Дубровник, к сожалению, неизвестно практически ничего, поэтому провести сравнительную параллель невозможно, хотя представляется вполне логичным, что оно вряд ли сильно отличалось от люблянского лагеря.

При приёме транспорта в пограничном городе Верде офицер Королевства СХС обменивался списками репатриантов со своим итальянским коллегой, который сопровождал состав до границы. В соответствии с четким требованием командующего Дравским дивизионным округом генерала Смилянича надлежало «на железнодорожной станции в Верде *создать обстановку радушия и нашего горячего участия в радости пленных*, что они

⁶¹² АЈ. 14. Ф-161. 202.

⁶¹³ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/25. Приказ командующего Дравским дивизионным округом генерала К. Смилянича командиру Савской дивизии, конф. № 9543/XV, от 16 января 1920 г.

⁶¹⁴ АЈ. 14. Ф-161. 295.

вернулись на родину»⁶¹⁵. Наряду с вышеуказанным строго следили за тем, чтобы состав, в который должны будут пересесть репатрианты из итальянского поезда, был подан вовремя и тут же отправлялся в Любляну, дабы не раздражать возвращавшихся долгим ожиданием. Точно так же всё происходило с теми, кто прибывал в Любляну через Тироль со стороны Беляка. Приказ генерала Смиляничя являет собой пример продуманного документа, отвечающего политическим интересам и соответствующего сиюминутной ситуации. Между тем его подробные указания касаются исключительно репатриантов из Италии. В случае репатриантов из России их первой встречей с родиной тоже можно было воспользоваться, чтобы повлиять на их политические настроения, однако это не принималось в расчёт.

При встрече бывших пленных из Италии на железнодорожной станции в Любляне царил расслабляющее радушная и оптимистичная атмосфера, что имело под собой конкретное политическое намерение: «Каждый новый транспорт с пленными принимать в торжественной обстановке на станции в Любляне. Участие во встрече будут принимать: Люблянский военный оркестр дравского дивизионного округа, почётная рота из 60 военных, назначенная начальником гарнизона, представитель командования Дравским дивизионным округом, местное начальство и начальник приёмного лагеря с необходимым личным составом и врачом. Помимо этого, гражданские власти и частные корпорации тоже изъявили желание участвовать в церемонии встречи... После приема на станции выдать пленным чай с ромом и по пять сигарет... Всем означенным пленным выдать горячую пищу и снабдить продовольствием на один день пути»⁶¹⁶. Сравнивая всё это с грубыми ругательствами, которыми осыпали репатриантов из России, едва они ступали на родную землю, с обнажёнными штыками, с построением под дождем в три часа утра, с угрозами и унижениями, ожидавшими их в Мариборском лагере, невольно задаёшься вопросом: неужели это происходило в той же самой стране, в одно и то же время? Увы, не приходится сомневаться, что происходило, вопреки недвусмысленному приказу «в Мариборе организовать работу так же, как в Любляне»⁶¹⁷. Между тем в реальности эти дальновидные указания затмил образ свирепого и коварного большевика, «жадного до пищи и грабежа», на которого не действуют красивые слова и поступки, а только принуждение и контроль.

За лагерь и за все в нём происходящее отвечал начальник гарнизона в Любляне. Начальником лагеря был назначен полковник Кох (Koch), а за его помощника — подполковник Драгичевич. У них на службе состояли

⁶¹⁵ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/25 (курсив автора).

⁶¹⁶ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/25.

⁶¹⁷ Там же.

три офицера. Начальником каждого барака решено было назначить по одному офицеру с двумя унтер-офицерами и восемью рядовыми. Основную безопасность осуществляла лагерная охрана, состоявшая из двенадцати солдат под командованием одного унтер-офицера. В качестве дополнительной меры безопасности предусматривалась усиленная охрана на железнодорожной станции, посылаемая туда перед прибытием каждого нового транспорта. В лагере также было четыре военных и четыре гражданских врача, которые помимо наблюдений за состоянием здоровья репатриантов следили за тем, чтобы перед приездом новой партии бывших пленных все помещения были заново продезинфицированы⁶¹⁸.

Люблянский лагерь располагался близ железнодорожной станции, для размещения людей использовались бараки. В лагере надлежало дольше задерживать только репатриантов с территории Словении, всех остальных пересылали дальше в Загреб с двусмысленным уведомлением, что «не прошёл дезинфекцию». Наряду со словенцами в Любляне также оставались на более длительный срок те, кто был сильно болен и по состоянию здоровья не мог продолжить путешествие. Их следовало направлять в люблянскую больницу. Попадая в лагерь, репатрианты должны были прежде всего вымыться и пройти дезинфекцию, после чего их переводили в помещения школы, где они ожидали транспорт для отправки домой. При себе они должны были иметь листки следующего содержания: «Возвращаясь из итальянского плена, (имя и фамилия) из (село, область, руководство) прошел дезинфекцию в приёмном лагере в (Любляне или Мариборе). Листок заверен печатью командования гарнизоном»⁶¹⁹. По прибытии на место рождения или проживания репатрианты обязывались в течение 24 часов явиться в местный муниципалитет, где им должны были выплатить причитающиеся им деньги, а также где они снова проходили освидетельствование, то есть вставали на учёт.

В отличие от других лагерей, о качестве пищи и условиях содержания в люблянском лагере можно рассказать достаточно подробно. За питание репатриантов отвечало продовольственное подразделение гарнизона, куда командировали ещё шестнадцать поваров из других подразделений. Поступило распоряжение «в приёмном лагере пленным выдавать горячую и хорошо приготовленную пищу согласно предписаниям. На завтрак выдавать чай с ромом. В распоряжении имеется достаточное количество сигарет, начальство должно решить, сколько сигарет полагается каждому пленному помимо того, что они получили на станции по приезде»⁶²⁰. По выходе

⁶¹⁸ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/25.

⁶¹⁹ Там же.

⁶²⁰ Там же. Об упомянутом «предписании» и стандартах см.: М. Милићевић, Војничка кухиња.

из лагеря репатриантов снабжали провиантом в дорогу домой. Пребывание в лагере не было длительным, и армия сделала всё возможное, чтобы оно было как можно более приятным, прежде всего «чтобы помещения, в которых разместили людей, отапливались... Для более комфортного размещения пленных начальник гарнизона предоставит начальнику лагеря необходимое количество соломенных тюфяков и подушек, а в случае их недостатка... будет выдана солома и сено для набивки. Начальник интендатуры выдаст все имеющиеся в наличии одеяла. Также Красный Крест готов предоставить 200 одеял... Если всего этого будет недостаточно, начальник гарнизона распорядится, чтобы ему подведомственные войска передали начальнику лагеря необходимое количество одеял»⁶²¹. Звучит очень хорошо. Однако, даже предположив, что вышеупомянутое распоряжение генерала Смилянича действительно было досконально выполнено в Любляне, не стоит упускать из виду также показатели, в соответствии с которыми условия содержания в других лагерях значительно отставали от люблянского.

О полицейском аспекте функционирования лагеря сохранилось мало сведений. По всей видимости, возвращавшиеся из Италии избежали следственных процедур и обысков. Причиной такого мягкого обращения, возможно, стал тот факт, что во время пребывания в Италии они все время находились в лагерях для военнопленных или на работах, то есть были лишены контактов с местным населением, тем самым не подвергаясь нежелательному идейному влиянию. С репатриантами из России, как известно, всё складывалось иначе. Второй фактор, успокаивавший военные власти, — это языковой барьер, преодолеть который в Италии было значительно сложнее, чем в России. Итальянские пленные не имели возможности вступить в ряды коммунистической партии, им не угрожала опасность подвергнуться интенсивному идеологическому влиянию коммунистов, они не могли прочесть пропагандистскую литературу на им знакомом языке. Попытки агентов итальянского государства в последний момент посеять среди репатриантов «бациллы» большевизма не дали ощутимых результатов. Принимая все это во внимание, процедура, которую генерал Смилянич определил для репатриантов из Италии, стала весьма мудрым решением.

С теми, кто прибывал из России, обращались совершенно по-другому. Из того скудного количества материала, который сохранился, можно установить, что от самой границы до лагеря их сопровождали жандармы и полицейские агенты, что в лагере армия и полиция их обыскивали и производили «политическое» дознание. При этом сами репатрианты «с осторожностью подбирали слова», как их наставляли ещё в России. После

⁶²¹ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/25.

этого они ехали домой, где по прибытии должны были явиться в местную жандармерию, а при попытке вести политическую агитацию их быстро упрятывали в тюрьму. Если при аресте у них находили запрещённые документы или литературу, полиция их изымала и уничтожала. Впоследствии полицейский надзор становился ещё строже. Вряд ли стоит напоминать, что о прибытии репатриантов оповещали все надлежащие инстанции — от Министерства внутренних дел до полицейских управлений в конечных пунктах назначения⁶²².

На агитаторов чаще всего указывали их же попутчики, если не в самом приёмном лагере, то в месте постоянного проживания. Иосип Еленфи на допросе в главном полицейском управлении Сомбора заявил: «Из России я ехал через Ригу с транспортом, в котором было тридцать человек, окончивших в России большевистско-коммунистическую школу и служивших в Красной армии. В пути они разговаривали о том, как по прибытии в Королевство сербов, хорватов и словенцев будут основывать тайные организации, долженствующие подорвать существующий порядок вещей нового Королевства... Означенные тридцать человек прибыли в Любляну 30. IV. текущего года, а 1 и 2. V. 1921 г. зарегистрировались в комендатуре по приёму военнопленных... Сначала я намеревался заявить на них в Любляне в упомянутой комендатуре, но поскольку тамошним официальным лицам, большинство которых составляют какие-то юнцы, я не решился доверить подобную информацию, то делаю это здесь»⁶²³. Данный документ в некоторой степени проясняет порядок фильтрации. Подробно допрашивали не всех репатриантов (в том числе и Еленфи), а только тех, насчёт кого предварительно поступали особые указания: уведомление дипломатического представительства или военной миссии Королевства СХС, заявление ранее прибывших репатриантов или подозрительное поведение самого репатрианта. Однако все возвращавшиеся в Любляне проходили освидетельствование. Те, кому удавалось уклониться от этой процедуры и о ком впоследствии выяснялось, что они в чем-то виновны или подозревались, все равно позднее могли быть высланы из страны.

Случалось так, что вместе с репатриантами, прибывавшими в Любляну, приезжали их русские жены и дети. Таким образом, люблянский лагерь предназначался не только для военных, но и для некоторых категорий мирных граждан (весьма малочисленных). Вышеупомянутый Еленфи прибыл с транспортом, насчитывающим «около 120 чел., вместе с женщинами

⁶²² АЈ. 14. Ф-161. 226; АЈ. 14. Ф-161. 295; АЈ. 516. МГ-305. 4; АЈ. 516. МГ-393. 3.

⁶²³ АЈ. 507. Ф-56/15. Инспектор Лазаревич правительству Словении согласно распоряжению министра внутренних дел, № 17473, от 25 июня 1921 г., с просьбой предоставить список этих лиц.

и детьми»⁶²⁴, а комиссар железнодорожной полиции в пограничном городе Ракек в декабре 1921 г. «с одним жандармом и агентом отправил в лагерь в Любляне» тринадцать мужчин и одну женщину⁶²⁵. Вуядин Грубор из села Рачич близ Бихача впоследствии рассказал, что его русская супруга во время путешествия на корабле из Петропавловска до Триеста родила близнецов, однако один из новорождённых умер в Любляне, а второй — по прибытии в родное село Грубора. Поскольку один из близнецов скончался в Любляне, то это единственный случай смерти, связанный с люблянским лагерем, о котором сообщают источники⁶²⁶.

Количество репатриантов, прошедших через этот лагерь, можно подсчитать только приблизительно. Известно, что из общего числа репатриантов из Италии, которое составляет 26 тыс., 15 тыс. побывало в дубровницком лагере. Принимая во внимание, что меньшее число прошло через лагерь в Мариборе и Субботице, а также учитывая то, что кому-то удалось миновать лагерь, получается, что люблянский лагерь принял около 10 тыс. репатриантов из Италии. К этому количеству необходимо приплюсовать неизвестное число репатриантов из России, которые сначала морем прибывали в Триест, а затем их отправляли в Люблян и дальше внутрь страны. Их, вероятно, было немного, так как кратчайший морской путь из России вёл через Дубровник. Люблянский лагерь мог использоваться тогда, когда мариборский и дубровницкий лагерь были переполнены. Следовательно, общее число прошедших через этот лагерь составляет примерно 13 тыс. человек.

ДУБРОВНИК

Меры массовой изоляции, применявшиеся в целях защиты от идеологической угрозы, которая, как полагали, могла таиться среди репатриантов, принимались и в Дубровнике. Согласно информации из доступного материала, дубровницкая локация функционировала с января 1920 г. по май 1921 г.⁶²⁷, однако существует большая вероятность, что она действовала до и после этого периода. Хотя ни в одном из документов открыто не упоминается термин «лагерь», на основании процедуры, применявшейся по отношению к репатриантам, и мотивов, которыми руководствовались власти Королевства СХС, можно заключить, что в Дубровнике существовал

⁶²⁴ АЈ. 14. Ф-161. 226. МВД, Департамент Бачки, Баната и Бараньи, 6903/1921.

⁶²⁵ АЈ. 14. Ф-161. 295. МВД, Департамент Бачки, Баната и Бараньи, 16755/1921.

⁶²⁶ АЈ. 516. МГ-305. 4.

⁶²⁷ ВА. П-3. К-166. Ф-8. № 14/29; АЈ. 516. МГ-907. 7-8.

приёмный лагерь, аналогичный действовавшим на севере страны. Первые предостережения о том, что среди репатриантов из Италии есть агитаторы, «распространяющие республиканские и большевистские идеи»,⁶²⁸ поступили компетентному руководству уже в сентябре 1919 г. Кроме того, в целях углубления очевидного неединства Королевства СХС, итальянцы пытались переманить на свою сторону хорватских националистов, а также симпатизирующих бывшему черногорскому королю Николе Петровичу. В этой связи в декабре 1919 г. некоторых хорватских и черногорских недовольных отделили от сербов и словенцев в особый лагерь близ Монте Казино, так как они пытались пропагандой разжечь их негативное отношение к новому государству. Посол Королевства СХС в Италии об этом узнал и в конце одного из своих отчётов счёл необходимым предложить, что «было бы нелишним обращать внимание на некоторых возвращающихся пленных и на корню пресекать любую агитацию, вызывающую брожение в войсках»⁶²⁹. Будущее, впрочем, показало, что его беспокойство было безосновательным.

К таким предостережениям добавлялись технические инструкции относительно транспортировки репатриантов, которые командующий IV армейским округом направил подчинённым ему командованиям. В инструкциях требовалось, чтобы начальники гарнизонов тех населённых пунктов, через которые транспорт с репатриантами въезжал на территорию IV армейского округа, заблаговременно информировал (по телеграфу и телефону) командования дивизионных округов о числе репатриантов и времени их прибытия, а также о том, кто из репатриантов находится в транспорте — иностранцы или граждане Королевства, чтобы вовремя подготовиться к их встрече⁶³⁰. Армии в этой работе помогала Ликвидация Народной обороны Боснии и Герцеговины, а также земельные правительства в Сараево, Любляне, Загребе и Сплите, которые на им подведомственных территориях должны были участвовать в организации приёма репатриантов и карантина для них⁶³¹. Характерно то, что командующий Савским дивизионным округом на основании этого запретил, «чтобы отдельные репатрианты сходили на своих станциях и шли домой, поскольку это делает невозможным освидетельствование, люди не получают документов и, что хуже всего, остаются без дезинфекции, разнося тем самым заразные болезни, что влечёт за собой

⁶²⁸ ВА. П-3. К-654. Ф-3. № 21/2.

⁶²⁹ АЈ. 336. Ф-14. Дос. IV/5. № 5563. МИД делегации на мирной конференции в Париже, конф. № 1029, от 1 февраля 1920 г.

⁶³⁰ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/29. 8. Командование Савского дивизионного округа нижестоящим командованиям, № 7459, от 13 февраля 1920 г.

⁶³¹ ВА. П-4/II. К-93. Ф-4. № 2/88. Ликвидация Народной обороны Боснии и Герцеговины командующему II армейским округом, № 346, 16 января 1920 г.

самые губительные последствия»⁶³². О выяснении политической позиции репатриантов из Италии и об обыске их вещей во время пребывания в Дубровнике до сих пор не сообщает ни один источник.

Отношение властей существенным образом изменилось, когда в дубровницкий порт Груж стали прибывать репатрианты из России. Первый транспорт, о котором достоверно известно, покинул Владивосток спустя месяц после того, как город заняли большевики, с которыми при посредничестве Красного Креста правительство Королевства СХС обговорило условия отправки своих граждан⁶³³. 3 марта 1920 г. от восточного берега Азии отчалил корабль под названием «Антилох» с 1089 солдатами Королевства СХС, 55 румынскими солдатами и 120 женщинами и детьми на борту⁶³⁴. Это означает, что мирные жители на «Антилохе» составляли 10%, соответственно, 10% изолянтов в дубровницком лагере. Хотя на основании одного-единственного сведения нельзя утверждать, что пропорция всегда была такой, эта информация очень важна, поскольку является единственным свидетельством о количестве женщин и детей на этих по преимуществу военных транспортах.

У начальника этого транспорта добровольческого капитана Павле Вайцеца по пути, длившемуся два месяца, возникали серьёзные проблемы. Прежде чем корабль достиг Гонконга, на борту вспыхнула эпидемия, охватившая треть пассажиров, так что «у врачей и Красного Креста работы было по горло»⁶³⁵. Заболевание, однако, не было смертельным, и никто за время пути не умер. Во время пребывания в Сингапуре репатрианты устроили мятеж против начальника транспорта, поэтому на борт был взят отряд английских полицейских, наведших порядок и на всякий случай сопровождавших их до Порт-Саида. Здесь репатриантов пересадили на «огромный парадный пароход» (вероятно, это было судно «Мария Терезия», австро-венгерский трофей союзников), который доставил их в Дубровник⁶³⁶.

Эпизод с мятежом на борту сам по себе незначителен, однако является собой характерный пример искажённого представления исторических событий последующей историографией в угоду политике. Согласно одному автору, «на борту судна «Килданон Катлу» начальник эшелона отдал приказ, Приказ № 36 от 15 августа 1920 г., взять под стражу Раду Бабича и держать его под арестом до прибытия в Дубровник. По пути Бабич пропал. Домой

⁶³² ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/29. 8. Командование Савского дивизионного округа нижестоящим командованиям, № 7459, от 13 февраля 1920 г.

⁶³³ АЖ. 516. МГ-1159. 18–19. Воспоминания Васо Штулича из Госпица.

⁶³⁴ ВА. П-4/II. К-89. Ф-3. № 8/6. 4.

⁶³⁵ АЖ. 516. МГ-1159. 19.

⁶³⁶ АЖ. 516. МГ-1159. 19.

он не вернулся. Капитан Павел Вайзец задержал судно в Индийском океане и запрашивал помощь у англичан, чтобы они подавили большевистский мятеж на борту. И он арестовывает людей, которые затем бесследно исчезают»⁶³⁷. Фактически в данном случае имеются в виду два морских транспорта, которые, по небрежности или намеренно, представлены здесь как один. Судно «Килданон Катлу» отправилось в плавание только летом 1920 г., а «Антилох», на котором капитан Вайзец действительно был начальником, в марте–апреле того же года. В интерпретации не приводятся источники утверждения, что мятеж носил политический характер и совершались тайные убийства, а самый грубый «промах» заключается в игнорировании того факта, что на борту «Антилоха» плыли части Добровольческого корпуса СХС, которые сражались против большевиков. Наконец, имеется свидетельство, что во время причала в Сингапуре для сотрудников Красного Креста пассажирами на «Антилохе» были «ОТРЯД ХРАБРЫХ СЕРБОВ, КОТОРЫЙ ДОЛГО И УПОРНО СРАЖАЛСЯ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИСТСКО-ЖИДОВСКОЙ ЧУМЫ»⁶³⁸. Возможно, не все поголовно, но в большинстве — да. А против тех личностей, которые пытались распространять недовольство, меры предосторожности были организованы в Дубровнике.

Военная миссия Королевства СХС во Владивостоке, направленная именно для того, чтобы организовать возвращение этих людей, 3 марта 1920 г. отправила транспорт в рейс по Тихому океану, а для надёжности вслед за ним выслала депешу Министерству армии и флота, где требовала «строжайшим образом обыскать солдат, так как некоторые везут с собой максималистские листовки с целью распространения там»⁶³⁹. Министр армии и флота совместно с министром внутренних дел тотчас же это исполнил. Превентивная процедура по прибытии в Дубровник, как с репатриантами с «Антилоха», так и с других транспортов, обычно длилась восемь дней. Сначала войска и полиция окружали корабль, затем пассажиры помещались в карантин, где производился обыск, изымался пропагандистский материал, если таковой имелся (включая и советские деньги), проводился допрос и дезинфекция, после чего репатрианты получали документы и бесплатно отправлялись по домам⁶⁴⁰.

Кое-кому из бывших пленных вопреки мерам предосторожности все же удавалось незаконно пронести через границу запрещённые издания. Так,

⁶³⁷ Н. Груловић. Југословени у рату. С. 312 (курсив Горана Милорадовича).

⁶³⁸ АЈ. 516. МГ-1159. 19 (прописные буквы в источнике).

⁶³⁹ ВА. П-4/II. К-89. Ф-3. № 8/6. 4. Министерство армии и флота командующему II армейским округом, конф. № 52286, от 11 марта 1920 г., со ссылкой на депешу № 149.

⁶⁴⁰ АЈ. 516. МГ-741. 5; АЈ. 516. МГ-907. 8; АЈ. 516. МГ-1159. 19–20; ВА. П-4/II. К-85. Ф-7. № 18/100.

Симо Приич из Срба в чемодане с двойным дном провез через Дубровник 20 большевистских брошюр, которые затем читал вместе с другими репатриантами. Своим односельчанам он порой рассказывал, что ему довелось пережить в России: « Я рассказывал людям о русской правде и революции. Я говорил так, как учили большевики на встречах... Вскоре пришли жандармы и отвели меня в тюрьму. Обвинение гласило: СИМО ПРИИЧ — активный пропагандист большевизма. Сначала я гордился этим. Да и как не гордиться, ведь меня преследовали как крупного политика. Так я думал. Из меня что-то выйдет... Эх! Организовать бы нам рабоче-крестьянское правительство!.. Меня предали военно-полевому суду в Оточце. Какой-то капитан РИС-ТИЧ приговорил меня к шести месяцам тюрьмы. У меня отобрали документы, которые выдали по приезду в Дубровник... А после того, как я отбыл срок? Несколькое лет ко мне приходили жандармы. Они говорили: «Мы пришли посмотреть, что делает опасный большевик». А потом обо мне забыли»⁶⁴¹. Или со временем убедились, что Приич в сущности не злокозненный «антигосударственный элемент».

В общей сложности в Дубровник прибыло восемь транспортов из Италии, из которых о семи известно, что количество доставленных ими людей составляло 13030 чел., то есть в среднем на один транспорт приходилось около 2 тыс. чел. Если предположить, что восьмой транспорт с неизвестным количеством пассажиров доставил приблизительно то же самое число людей, следовательно, через порт Груж в совокупности прошло примерно 15 тыс. репатриантов только из итальянского плена⁶⁴². По всей видимости, их статус был таким же, как у тех, кто прибывал через северо-итальянское направление, и обращение с ними со стороны надлежащих властей практически не отличалось от мер, перечисленных в приказе об основании лагеря в Любляне⁶⁴³.

Сколько было репатриантов из России, точно сказать нельзя. Группа, отправленная на борту судна «Антилох» 3 марта 1920 г., насчитывала около 1200 чел., о количестве же тех, кто был отправлен 2 февраля 1921 г., нигде не говорится, однако ясно, что трансокеанский рейс не отправится из-за нескольких сотен людей. Помимо этого, есть сведения, что кроме этих двух транспортов были ещё и другие⁶⁴⁴. Согласно информации поверенного в делах Королевства СХС во Владивостоке Божидара Пурича, после отплытия

⁶⁴¹ АЈ. 516. МГ-907. 8–9. Воспоминания Симо Приича из Срба (прописные буквы в источнике).

⁶⁴² ВА. П-3. К-166. Ф-8. № 14/29; ВА. П-4/II. К-85. Ф-7. № 18/98.

⁶⁴³ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/25. См. приказ генерала К. Смилянича (конф. № 9543/XV, от 16 января 1920 г.) в разделе «Любляна» данной главы.

⁶⁴⁴ АЈ. 516. МГ-907. 6; АЈ. 516. МГ-1159. 19; ВА. П-4/III. К-85. Ф-7. № 18/100; Н. Грulloвић. Југословени у рату. С. 312.

«Антилоха» в городе из 3900 осталось ещё около 2700 организованных репатриантов под союзническим командованием, однако «масса солдат перешла к большевикам, надеясь по суше через Россию вернуться домой»⁶⁴⁵. Какова могла быть численность этой перешедшей «массы солдат»? Пурич пишет, что два полка «разделились пополам», но опять-таки не указывает цифру. Если речь идет о половине от 2700, то во Владивостоке оставалось репатриантов ещё на один транспорт. Согласно этому же источнику, помимо организованных отрядов в Сибири на тот момент находилось ещё около 3000 подданных Королевства СХС, рассредоточенных по разным независимым отрядам или по лагерям, порой занятых на разных работах или в статусе беженцев⁶⁴⁶. Из них могли сформировать ещё два транспорта. Сколько в совокупности прибыло судов, неизвестно, однако, если все они достигли Гужа, через Дубровник могло пройти всего около 5 тыс. репатриантов с Дальнего Востока, что вкупе с 15 тыс. из Италии составят солидную цифру около 20 тыс. чел.

МАРИБОР

Волею различных исторических и общественных обстоятельств из всех лагерей, существовавших на территории Королевства СХС, больше всего материала сохранилось именно о мариборском. В силу этого в данной работе он будет проанализирован наиболее детально для того, чтобы пролить больше света на остальные локации в этой лагерной сети. Точно так же данные, имеющиеся на сегодняшний день о других лагерях, необходимо использовать в качестве дополнения к исследованиям мариборской локации, а все в совокупности следует считать попыткой реконструкции особого «типа» лагерей, действовавших в Королевстве СХС непосредственно после Первой мировой войны.

Точно указать промежуток времени, в который функционировал мариборский лагерь, представляется затруднительным. Как сообщает доступный материал, он начал действовать самое позднее в июне–июле 1920 г.⁶⁴⁷, что продолжалось по крайней мере до апреля 1922 г.⁶⁴⁸ Между тем есть серьёзные указания на то, что он был упразднен только летом или даже осенью того же года. Вопрос о лете возникает потому, что Верховный комиссар

⁶⁴⁵ АЈ. 507. Ф-122/6. Поверенный в делах в России Б. Пурич посольству Королевства СХС в Париже, март 1920 г. Дата и номер документа неразборчивы.

⁶⁴⁶ АЈ. 507. Ф-122/6.

⁶⁴⁷ АЈ. 14. Ф-224. 20. Лагерь в Мариборе, вероятнее всего, был основан вскоре после выхода приказа министра армии и флота, конф. № 3268, от 12 июня 1920 г.

⁶⁴⁸ АЈ. 516. МГ-193. 9; АЈ. 516. МГ-500. 12, 13. По свидетельствам репатриантов, которые побывали в этом лагере в марте–апреле 1922 г.

Лиги наций Фритьоф Нансен большинство репатриантов из России, для которых лагерь был организован, эвакуировал до 1 июня 1922 г.⁶⁴⁹ На осень как возможное время закрытия лагеря указывает то, что самый поздний из до сих пор обнаруженных отчётов помощника комиссара пограничной полиции в Мариборе о его работе в приёмном лагере датирован 9 ноября 1922 г.⁶⁵⁰ Основанию мариборской локации предшествовала годичная служебная переписка о том, где вблизи границы на железнодорожной магистрали, по которой через Вену прибывают репатрианты, следует основать лагерь. В конце концов выбор пал на Марибор, где в своё время Габсбургская монархия расположила свою большую тюрьму, куда во время Первой мировой войны заключали «предателей», то есть мирных жителей, считавшихся политически неблагонадёжными⁶⁵¹.

ОСНОВАНИЕ

В наиболее раннем из обнаруженных документов упоминается Птугй как место, где происходил сбор репатриантов, прибывающих из Австрии, а также оговаривается, что транспорт с ними должен следовать *только* по железнодорожному направлению Вена–Грац–Марибор–Птугй в целях облегчения контроля их приезда, а также «чтобы помешать проникновению в страну опасных элементов и вражеских агентов»⁶⁵². Выбор места дополнительно объяснил шеф военной миссии Королевства СХС в Вене генерал Маринович, который лично в октябре 1919 г. проявил заинтересованность в организации лагеря в Птуе, «поскольку Субботица расположена слишком далеко, и людям пришлось бы ехать через Словению, Хорватию и Славонию, чтобы попасть туда, а это удобная возможность совершить побег»⁶⁵³. Командующий Дравским дивизионным округом в ноябре 1919 г. эту идею поддержал, однако неосторожно упомянул, что железная дорога проходит через Шпилье, дальнейшая же переписка подхватила этот топоним как наименование будущей локации лагеря, так что это дошло даже до Верховного командования, хотя по сути никто не предлагал этот пункт в подобном качестве. Недоразумение окончательно разрешилось 4 декабря 1919 г., когда

⁶⁴⁹ Ъ. Поповић. Лига народа. С. 244.

⁶⁵⁰ АЈ. 507. Ф-57/21. МВД, № 4779, от 9 ноября 1922 г.

⁶⁵¹ Ъ. Станковић. Изазов. 2. С. 236.

⁶⁵² ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/5. Командование Осиекского дивизионного округа начальнику Бараньского гарнизона, № 1015, от 12 июня 1919 г., со ссылкой на приказ Верховного командования № 89658, от 26 мая 1919 г.

⁶⁵³ ВА. П-3. К-169. Ф-3. № 12/3. Военная миссия Королевства СХС в Вене Верховному командованию, № 6720, от 15 октября 1919 г.

командующий Дравским дивизионным округом заявил, что приёмный лагерь не будет организовываться в Шпиле, так как там «абсолютно» нет места, а в Мариборе, но если и там не будет хватать места, репатриантов будут направлять в его «филиал в Птуе»⁶⁵⁴.

Однако в середине января 1920 г., когда интенсивность подготовки к приёму репатриантов из итальянского плена достигла пика, командующий Дравским дивизионным округом всё ещё говорил о мариборском лагере в будущем времени, а для приёма предполагаемого излишка людей из Марибора назначил лагерь в Любляне, а не в Птуе⁶⁵⁵. Помимо этого, особенно показателен тот факт, что ни в одном из воспоминаний репатриантов из России не сказано ни слова о пребывании в «лагере» в Птуе⁶⁵⁶. Приказ Королевского хорватско-славонского земельного правительства от 20 декабря 1919 г. об аресте и препровождении в лагерь в Птуе троих подозреваемых в большевизме⁶⁵⁷ скорее является откликом неразберихи, имевшей место в процессе организации лагеря на направлении Вена–Марибор, нежели доказательством существования лагеря в Птуе. Достоверно можно утверждать, что лагерь в Мариборе начал функционировать только с июня 1920 г., когда на приказ, отданный министром армии и флота генералом Бранко Йовановичем, чтобы командующий IV армейским округом организовал лагерь для приёма пленных, возвращающихся из России через Вену, в одном из пограничных городов, королевский банский советник 8 июля 1920 г. ответил, что «лагерь образован в Мариборе»⁶⁵⁸. Вся предшествующая служебная переписка, в которой в стиле бюрократического каламбура упоминаются Шпиле, Птуй и Марибор, не является достаточным подкреплением версии о более раннем образовании лагеря, как и того, что существовала ещё какая-то локация на этом направлении, помимо мариборского лагеря. Косвенно это подтверждают воспоминания репатриантов, где не говорится ни слова об их пребывании в Мариборе до лета 1920 г., а с другой стороны, сведения о том, что репатриация из азиатской части России началась лишь в 1920 г. и продолжалась в течение всего 1921 г.⁶⁵⁹

⁶⁵⁴ ВА. П-3. К-169. Ф-3. № 12/3; № 12/5; № 12/6.

⁶⁵⁵ ВА. П-6. К-654. Ф-3. № 25/25.

⁶⁵⁶ Около 1300 воспоминаний хранится в Архиве Югославии, мемуарном фонде (516), и большую его часть составляют воспоминания репатриантов.

⁶⁵⁷ АЈ. 507. Ф-44/14. Приказ Королевского хорватско-славонского земельного правительства, № 2650, от 20 декабря 1919 г.

⁶⁵⁸ АЈ. 14. Ф-224. 20. Министерство армии и флота, общий военный департамент, конф. № 3268, от 12 июня 1920 г.

⁶⁵⁹ *F. Novak. Naši zarobljenici. S. 31.*

Жалкую картину путаницы, сопровождавшей формирование и функционирование мариборского лагеря, дополняет случай, произошедший там в сентябре 1921 г. Тогда, согласно отчёту полицейского чиновника, исполнявшего в лагере должностные обязанности, «командир 45-го пехотного полка, обходя лагерь с репатриантами, посадил под арест двадцать человек по причине того, что один из репатриантов указал на них как на коммунистов. Господин командир 45-го пехотного полка думал, что это новость»⁶⁶⁰. На тот момент это уже давно не было новостью, равно как и не являлся новостью факт функционирования в течение двух лет лагерей интернирования, когда комиссару железнодорожной полиции в Мариборе его помощник Пантич предложил «для тех лиц, на кого пало подозрение и в отношении кого это подозрение в какой-то мере подтвердится, определить особый район в стране, округ или подходящий остров в Далмации, куда бы они препровождались под конвоем, где бы им было запрещено любое перемещение за пределы выделенного района и где бы над ними осуществлялся надзор»⁶⁶¹. Как и многие другие до него, столкнувшись с идеями как с правонарушением, чиновник Пантич тоже подумал об острове и возможности методом «инсуляции» попытаться сохранить существующую систему ценностей. Между тем это было слишком поздно и слишком рано. Слишком поздно потому, что «вирус большевизма» уже проник в сознание многих слабых и разочарованных людей, слишком рано же потому, что ещё не установилась тоталитарная государственная структура, которой было бы под силу воплотить в жизнь такой проект на территории Югославии.

Из всего вышесказанного следует сделать вывод, что при основании лагеря в Мариборе управленческая структура, занимавшаяся этим вопросом, в полном объеме проявила политическую неосведомлённость, восточную медлительность, провинциальную нетактичность и отсутствие смысла в организации. Помимо этого создается впечатление, что по прошествии малого количества времени после основания лагеря наскучили их идейным вдохновителям и в дальнейшем функционировали как однообразно рутинное исполнение текущих дел. Возможно, не будет преувеличением задаться вопросом, имел ли кто-нибудь в Королевстве СХС целостное представление о существовании и функционировании этой разветвлённой сети лагерей? Или же все, кому довелось с ней соприкос-

⁶⁶⁰ AJ. 14. Ф-161. 265–271. МВД, Департамент Баната, Бачки и Бараньи, № 13349/1921, великим жупанам и граноначальникам с полномочиями жупанов. Цитата из доклада помощника комиссара железнодорожной полиции в Мариборе Живо Пантича, направленного под № 2570 в МВД. Копия.

⁶⁶¹ Там же.

нуться, знали только об отдельных её частях и интересовались только ими в той мере, как того требовали отдельные прецеденты?

ПОРЯДОК ЛАГЕРНЫХ ПРОЦЕДУР

Бывший пленный в России Франьо Новак позднее в своих воспоминаниях очень пластично передал впечатления репатриантов от приезда в страну: «Уже на первой железнодорожной станции при въезде на родину нас окружили жандармы с обнажёнными штыками и так сопровождали нас вплоть до конечной станции, где нам надлежало провести известное время в карантине. Нас загнали в заброшенные солдатские бараки, огороженные колючей проволокой и охраняемые конвоем. Мы ещё не успели толком разместиться, как в наш лагерь уже ввалилась толпа агентов, и начались бесконечные допросы и угрозы»⁶⁶². Новак не уточняет, о каком именно лагере идет речь, однако репатриантов из северо-западных областей Королевства СХС военные представители в Будапеште и Вене направляли в Марибор, следовательно, он, возможно, попал туда. Затем шли следующие этапы процедуры, как и в других лагерях включающие мытье, дезинфекцию, идентификацию иностранных граждан и их высылку через границу, а далее следствие, проверку и, наконец, классификацию репатриантов, являющихся гражданами Королевства, по степени подозрительности, от чего зависел последующий порядок процедур⁶⁶³.

Диалоги, происходившие между репатриантами и исполнителями власти в Королевстве СХС при встрече, наглядно показывают, насколько различны были их представления о ситуации, в которой оказались бывшие императорско-королевские солдаты: «Когда мы прибыли в Зидани Мост, ко мне подошел один югославский капитан и спросил, кто командир возвращенцев. Я ответил, что им и являюсь, а он спросил, мол, вы разве не знаете, что война закончилась в 1918 г., я же в ответ, что я-то, мол, знаю, когда война закончилась, а вот вам известно, что в России 20 млн км² площади»⁶⁶⁴. Сам факт проведенных лет в большевистской России был достаточной причиной для подозрений, а когда к этому ещё добавились результаты следствия, дежурный офицер заключил: «Будь моя воля, я бы всех вас вышвырнул из Югославии, ото всех вас разит большевизмом!.. Убирайтесь вон!..»⁶⁶⁵

⁶⁶² F. Novak. *Naši zarobljenici*. S. 32.

⁶⁶³ ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/5; АЖ. 14. Ф-161. 226; АЖ. 14. Ф-161. 265–271.

⁶⁶⁴ АЖ. 516. МГ-1145. 28. Воспоминания Иосифа Шмайзла из Осиека о возвращении из России, март 1921 г.

⁶⁶⁵ Там же. 29.

Несмотря на напутствие, этой группе репатриантов посчастливилось отправиться по домам.

Несравнимо больший шок испытали те, кого при переходе границы в ноябре 1921 г. близ Шентила поджидали российские военные⁶⁶⁶. Судя по всему, это были солдаты армии Врангеля, которых Военное министерство Королевства СХС наняло на пограничную службу⁶⁶⁷. У них накопился солидный опыт в противостоянии большевикам, и они с легкостью могли идентифицировать своих соотечественников, которые попытались бы затеряться среди массы репатриантов, что объясняет их задействованность в такого рода службе. Несомненно, эта встреча для всех имела глубокую эмоциональную окраску, поскольку некоторые бывшие пленные сражались на противоположной стороне в русской гражданской войне, кроме того, и россияне, и репатрианты проделали долгий путь, им на долю выпало множество испытаний, чтобы вновь встретиться на границе нового государства. Впоследствии один бывший пленный вспоминал, что вместо приветствий по случаю прибытия казаки Врангеля стали осыпать репатриантов ругательствами, а репатрианты оставили свои впечатления от неожиданной встречи в бесчисленных надписях на стенах барачков на русском и матерном языке: «Дождались нас, ... твою мать», «Уж теперь берегись», «Из-за русской заразы я сидел 7 дней», «И я сидел» и т.д.⁶⁶⁸

Полицейские органы начинали следствие, исходя из информации военных и дипломатических представительств Королевства СХС за рубежом, которые тоже допрашивали репатриантов и указывали на тех, кто представлял наибольшую опасность. Протоколы этих допросов затем сопоставляли и выискивали противоречия⁶⁶⁹. Помимо этого подозрения могли подтвердиться и на основании внешнего вида репатриантов. Сомнительным казалось, если кто-то из них вернулся в хорошей русской униформе, а особенно если на каком-нибудь была меховая шапка с оставшимся следом от пятиконечной звезды⁶⁷⁰. Как вспоминает Павал Кукец, в Мариборе у них «осматривали ладони и, если у кого-то не было мозолей, утверждали, что эти лица являлись большевистскими комиссарами»⁶⁷¹. По свидетельству многих, разувание, а также скрупулёзный осмотр багажа и одежды вплоть до распарывания швов составляли неотъемлемую часть лагерной проце-

⁶⁶⁶ AJ. 516. МГ-1144. 6.

⁶⁶⁷ М. Јовановић. Досељавање. С. 243–244.

⁶⁶⁸ AJ. 516. МГ-1144. 6. Воспоминания Леопольда Шмольца из Любляны.

⁶⁶⁹ AJ. 14. Ф-161. 229; AJ. 516. МГ-1297. 11; Т. Милenković. Povratnici. С. 209.

⁶⁷⁰ AJ. 516. МГ-1145. 29; I. Očak. Krlježa — partija. С. 88.

⁶⁷¹ AJ. 516. МГ-543. 18. См.: N. Popović. Jugosloveni. С. 181, 226, 450.

дуры⁶⁷². Так, при обыске репатрианта Васы Несторовича полиция нашла адреса «Симо Милюша, народного депутата, Джуро Цвинича, журналиста из Загреба, и Нахтигала из Марибора, Железнодорожный союз, известного здесь как вождь коммунистов. На вопрос, откуда у него все эти адреса, он только признался, что получил их от некоего Джаковича, который находится в Москве»⁶⁷³. Нестерович также признался, что будучи в России познакомился с Миланом Кодрней, Димитрием Джорджевичем (то есть Бугарским), Перой Костичем, Симой Марковичем и неким Садурой из Мостара. Таким образом, в руках полиции оказался человек, хорошо осведомлённый и тесно связанный с коммунистами.

Чтобы составить представление о том, как на самом деле проходили лагерные процедуры и как обращались с репатриантами представители органов правопорядка, необходимо обратиться к воспоминаниям самих репатриантов, ибо у них не было причин в чём-либо сглаживать истинную картину. На основании этих свидетельств можно выявить целый спектр методов, применяемых полицией, от самых мягких до самых суровых. В большинстве воспоминаний не говорится ни слова о каком-либо насилии или нанесении оскорблений, хотя припоминаются другие, менее существенные, детали⁶⁷⁴. Некоторые впоследствии категорически утверждали, что жандармы «никоим образом на них не давили»⁶⁷⁵. Другие вспоминают, что перед тем, как отпустить их по домам, жандармский полковник произнёс перед ними угрожающе-назидательную речь: «Кто из вас был в Москве и что он там делал? К счастью для вас, мы этого не знаем. Приказываю вам покончить с этим. Это наше королевство, а не большевистское логово. На этот раз мы вас прощаем. Нам известно, что среди вас скрываются большевики. Если мы не нашли их сейчас, мы их обязательно найдем в будущем... Идите по домам и занимайтесь своим делом. Но, если кто-нибудь из вас, — он остановился и выругался, — попытается распространять большевистскую пропаганду, — он вновь сделал паузу и впился взглядом в наши лица, — пусть он задумается. Любого такого расстреляют и заруют, как собаку. То же самое ожидает и его семью. Ясно? Марш по домам!..»⁶⁷⁶ Третьи свидетельствуют, что какой-то капитан, встречая их, произнёс слова приветствия и затем до-

⁶⁷² AJ. 516. МГ-296. 7; AJ. 516. МГ-543. 18–19; AJ. 516. МГ-1127. 25; AJ. 516. МГ-1257. 8; AJ. 516. МГ-1297. 11; AJ. 516. МГ-500. 12–13.

⁶⁷³ AJ. Ф-250–251. МВД, Департамент Бачки, Баната и Бараньи, конф. № 2614/1921. Вероятнее всего, речь идёт об известном коммунисте Джуро Джаковиче из Сарасво.

⁶⁷⁴ AJ. 516. МГ-6. 7; AJ. 516. МГ-108; AJ. 516. МГ-202. 7; AJ. 516. МГ-296. 7; AJ. 516. МГ-294/3. 36–37; AJ. 516. МГ-318. 9; AJ. 516. МГ-331; AJ. 516. МГ-500. 12–13; AJ. 516. МГ-1127. 25; AJ. 516. МГ-1297. 11–12 и т. д.

⁶⁷⁵ AJ. 516. МГ-457. 3.

⁶⁷⁶ AJ. 516. МГ-1257. 8–9. Воспоминания Васо Войновича из Войнович Брда, Крняк.

бавил: «А для коммунистов у нас имеется это!» — хлопнув по револьверу⁶⁷⁷. Четвертые (кто был в составе группы, прибывшей в Марибор в 3 часа утра) рассказывают, что их «высадили из вагонов, построили на какой-то поляне и продержали под дождём до рассвета». На репатриантов из этой группы, по воспоминаниям одного из них, жандармы «смотрели мрачно»⁶⁷⁸, держась на расстоянии и не желая даже вступать в разговоры. Каждое разочарование и неприятные происшествия вызывали у репатриантов, ставших чрезвычайно ранимыми вследствие длительного морального и физического истощения, сильнейшие душевные потрясения. По словам пятых, на загребском вокзале некоторым из них жандармы «даже отвешивали оплеухи и осыпали ругательствами»⁶⁷⁹. Один репатриант позднее утверждал, что его группу из двадцати человек, направленную в мариборский лагерь, за восемь дней пребывания там «подвергали ежедневным допросам» и «каждый день избивали»⁶⁸⁰.

Как видно из вышеприведённого, не обошлось без устрашения и физического насилия, но надо отметить, что эти меры не были слишком жестокими. Вопреки этому, случилось так, что в отдельных историографических трудах события времён русской гражданской войны странным образом «переносились» на территорию Югославского Королевства, приобретая вследствие «мелких» неясностей и двусмысленностей значение, которого они не имели в действительности. В данном случае речь, прежде всего, идет о «допросах», проводившихся «в дипломатических и военных представительствах в Одессе, Бухаресте, Будапеште, Вене, *на югославской границе, в лагерях и дома*», и далее утверждается, что применялись «инквизиторские методы зачисток от большевиков и большевизма со стороны военных и дипломатических представительств (особенно консульства в Одессе), а также *на границе в целом, когда продолжительной ликвидации подвергались наиболее выдающиеся участники Октябрьской революции*»⁶⁸¹. Хотя на первый взгляд может показаться, что это происходило в приёмных лагерях, конкретные источники, на которые ссылается автор данной интерпретации, вообще не относятся к событиям на границах Королевства СХС. Здесь имеются в виду события на юге России и попутных станциях, через которые проезжали репатрианты. Их заявления, на которые ссылается автор цитаты, были

⁶⁷⁷ AJ. 516. МГ-296. 7. Воспоминания Мате Грковича из Загреба.

⁶⁷⁸ AJ. 516. МГ-597. 17. Воспоминания Джуро Майцена из Загреба.

⁶⁷⁹ AJ. 516. МГ-543. 19. Воспоминания Павла Кукца из Загреба.

⁶⁸⁰ AJ. 516. МГ-193. 9. Воспоминания Йозефа Детки из Руского Села. Но были и другие подобные примеры: *N. Popović. Jugosloveni*. S. 181, 300, 427, 448, 507.

⁶⁸¹ *T. Milenković. Povratnici*. S. 209 (курсив Горана Милорадовича). В книге «*Radnički pokret u Vojvodini 1918–1920*» (Beograd, 1968. S. 118) Миленкович в отношении этих событий использует выражение «физическая ликвидация».

сделаны в Коренице и Загребе, то есть далеко и от границы, и от лагерей. Так, из-за ряда неточностей, пространственных и временных обобщений может сложиться впечатление, что на всех границах, которые пересекали репатрианты (особенно на «югославской границе»), их пытали и убивали! В том же самом тексте объекты, которые в пограничной зоне использовались для изоляции, зловеще именуется «концентрационными лагерями»⁶⁸², намекая на происходившее в них благодаря позднее сложившемуся стереотипу. Между тем в Мариборе не зафиксировано ни одного случая смерти — об этом не говорится ни в документации ряда государственных институций, ни в печати, ни в документах коммунистической партии, ни в воспоминаниях репатриантов. И тем более неправомерно говорить ни о каких «систематических истязаниях», «инквизиции» или «ликвидации».

Полицейским, ведшим следствие в Мариборе, самую большую помощь оказывали сами бывшие пленные, враждебно настроенные по отношению к большевикам⁶⁸³. Некоторые как «истинные патриоты» даже предлагали свои услуги в качестве полицейских агентов, чтобы хватать большевиков, которых знали в России⁶⁸⁴. Так, многие репатрианты указали на Антона Севера из Св. Ивана близ Загреба, комиссара Югославянской агитационной секции в Красноярске, что на нем лежала ответственность за страдания, заключение и гибель их товарищей в России⁶⁸⁵. Основной мишенью Севера были пленные офицеры Добровольческого корпуса СХС, и таким образом «по его навету арестовали и расстреляли поручика Джорджевича из Баната, остался в заключении подпоручик Стришевич, год находился в заключении подпоручик Йован Байин из Баната, арестованы подпоручик Байич из Баньи Луки и подпоручик Йован Шаинович из Словении»⁶⁸⁶. Антон Север был схвачен в Мариборе, а затем переправлен в Управление города Белграда для дальнейшего дознания⁶⁸⁷, где от таких тяжких обвинений защищался тем, что в своих поступках руководствовался судьбой остальных пленных, пытаясь обеспечить им возвращение домой. Полагают, что вступление в коммунистическую партию и посещение агитаторских курсов, к чему он принуждал пленных, тогда было единственным путем к спасению из России,

⁶⁸² T. Milenković. Povratnici. S. 209.

⁶⁸³ AJ. 14. Ф-106. 71–73; AJ. 14. Ф-136. 32; AJ. 516. МГ-202. 7; AJ. 516. МГ-244. 9.

⁶⁸⁴ AJ. 14. Ф-136. 32. Заявление Милана Торбицы из Майского Татника, поданное в Котарскую канцелярию в Глине 7 августа 1921 г.

⁶⁸⁵ Допрос Драгомира Делича из Яйце (AJ. 507. Ф-56/20), Джордже Петровича из Кнежины, Митаря Риджушича из Папрачи, Неделько Джуковича из Кнежины, Петара Браича из Санского Моста, Боже Крнетича из Алибег Дубовика и др.

⁶⁸⁶ AJ. 14. Ф-106. 71. Вместо «Словении», вероятно, должно быть «Славонии».

⁶⁸⁷ AJ. 14. Ф-106. 72. Управление города Белграда в просторечии называли «Главнячей», поэтому это название иногда встречается и в источниках.

где, как уже говорилось, «террор Советской власти велик»⁶⁸⁸. Север твердил, что его «совесть абсолютно чиста, все обвинения, которые они против меня выдвинули перед комиссаром, неприкрытое вранье»⁶⁸⁹. Однако при аресте в Мариборе вдали от «террора Советской власти» при нём была найдена коммунистическая литература, так что все последующие оправдания и трактовки заведомо теряли смысл⁶⁹⁰.

После расследования проводилась классификация. Для тех, кто вызывал наибольшие подозрения, в лагере «был отведён особый барак, куда поместили свыше четверти всех репатриантов, казавшихся тогдашним властям самыми подозрительными. Таким образом эту группу изолировали от остальных и сделали невозможным её передвижение по лагерю»⁶⁹¹. Изоляция внутри изоляции одновременно являлась предотвращением дальнейшей деятельности агитаторов среди репатриантов в самом лагере, а также служила для защиты самих изолируемых от тех репатриантов, у кого остались о них не лучшие воспоминания. Один такой случай описал полицейский чиновник Пантич в июле 1921 г., который среди вновь прибывших выделил восемь подозреваемых в том, что они «ленинцы». Затем он построил остальных репатриантов, на тот момент находившихся в лагере (более пятисот), чтобы они идентифицировали подозреваемых: «Как только я вывел этих восемь человек перед построенными рядами, двоих из них, Марковича и Ковачевича, репатрианты хотели линчевать и уже были готовы броситься на них. С помощью присутствующих жандармов и военных мне удалось оттеснить подступающую толпу, Марковича и Ковачевича, всё это время жавшихся ко мне, как затравленные, я отправил в тюрьму, и на допросе они признались в принадлежности коммунистам, каковыми они являлись и в России. Помимо этой парочки есть ещё несколько таких же, но их направили через загребский комиссариат на допрос и полицейский надзор, я же задержал наиболее опасных»⁶⁹².

В отношении тех, кого из лагеря направляли «надлежащим органам для проведения дальнейшего расследования», проводилось ещё более детальное следствие в белградской Главняче или на Джорджичевой улице в Загребе, после чего подследственные попадали под строгий полицей-

⁶⁸⁸ AJ. 507. Ф-56/20.

⁶⁸⁹ AJ. 507. Ф-56/20.

⁶⁹⁰ AJ. 507. Ф-56/20; Комунисти. I. С. 187.

⁶⁹¹ *F. Novak. Naši zarobljenici*. S. 32, подобное же сообщают и другие свидетельства: AJ. 516. МГ-331. 2; AJ. 516. МГ-1294. 11.

⁶⁹² AJ. 14. Ф-161. 265. Речь шла об известных агитаторах Светозаре Марковиче из Славонии и Томе Ковачевиче из Хорватии (см. и: AJ. 14. Ф-106. 37). Фамилия второго агитатора в источниках иногда звучит как «Ковачич», однако это тот же самый человек (его имя всегда упоминается вместе с именем Марковича).

ский надзор в месте проживания. Так, к примеру, Л. Сертич, М. Живодер и В. Харамия, ярые диссиденты из Добровольческого корпуса, служившие в полку «Матия Губец», впоследствии большевики, после ареста в Мариборе в Главняче провели 15 дней, а затем каждый из них в сопровождении жандарма был препровожден домой. В дальнейшем за ними велась слежка и время от времени проводились допросы⁶⁹³. Кроме того, основные сведения о таких лицах и их деятельности добросовестно собирались в одну книгу конфиденциального характера, преумножались и предоставлялись в распоряжение сил полиции на пограничных контрольно-пропускных пунктах и в крупных центрах внутри страны на случай, если кто-нибудь из зарегистрированных коммунистов попытается продолжить нелегальную политическую работу⁶⁹⁴.

Итак, уже в самом приёмном лагере обширную группу «подозрительных элементов» полиция разделила на две категории: более и менее подозрительных. И тех, и других «по прошествии срока карантина отпустили по домам с документом на право бесплатного проезда. Разница между подозрительными и менее подозрительными заключалась в том, что первых конвоировали агенты, которые каждого своего подопечного передавали жандармерийскому участку, так как эта категория лиц не имела право покинуть место проживания без специального на то разрешения»⁶⁹⁵. Списки подозреваемых комиссар пограничной полиции в Мариборе рассылал всем великим жупанам и градоначальникам с правами жупанов, а в конце этих списков непременно указывались имена «самых главных»: «Джорджевич, Григорич Павле, Филиппович, Томац, Кодрня, Сертич, Томин и т.д., чьи имена давно здесь на особом учете и о ком уже осведомлено Министерство внутренних дел»⁶⁹⁶. На случай опознания кого-либо из них имелось распоряжение «немедленно установить над ними строгий полицейский надзор и самым пристальнейшим образом следить за их работой и передвижениями, а власть должна постоянно их строго контролировать»⁶⁹⁷.

Случалось и так, что коммунистам удавалось преодолеть все фильтры, расставленные на их пути. Так, 25 июня 1922 г. комиссар железнодорожной полиции из Марибора сообщил, что в стране находится репатриант из России Иван Бачич из Херцега Нового. Поскольку проверка показала, что такого

⁶⁹³ AJ. 516 МГ-318. 9; AJ. 516. МГ-500. 12–13.

⁶⁹⁴ См. книгу: Комунисти. I.

⁶⁹⁵ F. Novak. Naši zarobljenici. S. 32.

⁶⁹⁶ AJ. 14. Ф-106. 19–20. МВД, Департамент Бачки, Баната и Бараньи, конф. № 2693/1921. «Джорджевич» («Георгиевич») — конспиративная фамилия Дмитрия Бугарского, который был кадром Коминтерна, генералом УДБ (Управа Државне Безбедности — Комитет Государственной Безопасности. — Прим. перев.).

⁶⁹⁷ AJ. 14. Ф-106. 22. Похожее: N. Popović. Jugosloveni. S. 477, 478.

человека не существует, он был объявлен в розыск⁶⁹⁸. Точно так же о Людвиге Фенеше ничего не знали в Чоке, месте его мнимого рождения, поэтому был сделан вывод, что полицейскому комиссару в Мариборе он сообщил ложные сведения, и о нем стали расспрашивать остальных репатриантов из России⁶⁹⁹. И Владислав Казинци никогда не появился в Субботице, следовательно, «он и есть то самое лицо, кто, выдав себя за Казинци в Мариборе, на допросе воспользовался фальшивым именем и документами»⁷⁰⁰. Если бы такового нашли и было бы установлено, что он подданный Королевства СХС, его бы отдали под суд. Если бы под чужим именем скрывался иностранец, его сначала отправили бы в один из лагерей интернирования, а затем выслали бы из страны. Однако были и такие, о ком доподлинно не было выяснено, когда и каким образом они вдруг появились в Югославском Королевстве.

Один из репатриантов, крепко связанный с партией и искусный в партийной работе, вместе с русской супругой не только ухитрился прибыть в новое Королевство, но и позднее встал во главе этого государства. В научной литературе есть разные точки зрения относительно времени прибытия Иосифа Броза в Королевство СХС. Иван Очак упоминает ноябрь 1920 г.⁷⁰¹; Стеван Павлович полагает, что Броз покинул Штеттин в марте, а в Кумровец прибыл в октябре 1920 г.⁷⁰²; *Энциклопедия Югославии* и Владимир Дедиер указывают на сентябрь⁷⁰³; сам же Броз утверждал, что в Югославию он вернулся в августе 1920 г.⁷⁰⁴ Поскольку научные работы в основном сходятся во мнении, что Тито покинул Россию в начале 1920 г., получается, он либо так долго находился в пути (от шести месяцев до года), либо в его биографии есть полугодовой пробел. Далее, согласно Дедиеру, «на границе его арестовали и затем отпустили»⁷⁰⁵. Этот арест мог произойти только в мариборском приёмном лагере, так как Броз прибыл через Австрию, а консульство Королевства СХС в Вене всех репатриантов направляло на родину через Марибор. Также интересно было бы узнать, где его потом держали в заключении, как долго и на каком основании, как и то, что в этот период происходило с его женой Пелагеей Белоусовой-Броз, с которой, предположительно, он приехал вместе. Опасаясь попасть под следствие, репатрианты, которым было что скрывать от властей, готовились к этому

⁶⁹⁸ AJ. 14. Ф-136. 615.

⁶⁹⁹ AJ. 14. Ф-164. 258.

⁷⁰⁰ AJ. 14. Ф-106. 79.

⁷⁰¹ *I. Očak. Krlježa — partija*. S. 86.

⁷⁰² *Stevan K. Pavlowich. Tito. Yugoslavia's Great Dictator*. L., 1992. S. 14.

⁷⁰³ *Enciklopedija Jugoslavije*. T. 2: Bosna — Dio. Zagreb, 1956. S. 236; *B. Dediđer*. Прилози. С. 91.

⁷⁰⁴ *Moj boravak u Rusiji*. S. 26.

⁷⁰⁵ *B. Dediđer*. Прилози. С. 91. См.: *N. Popović. Jugosloveni*. S. 16.

ещё в России или за время пути. Прежде всего, они старались брать с собой как можно меньше документов или других бумаг, на основании которых можно было бы заключить, чем они занимались в России⁷⁰⁶. Некоторые, страшась ареста, выбрасывали или уничтожали брошюры, листовки, личные документы, даже советские деньги, у других все это изымали власти транзитных государств или полиция на границе Югославского Королевства⁷⁰⁷. Через границу, как правило, удавалось перенести только партийные документы, напечатанные на кусках материи и вшитые в одежду, без которых обладатели этих документов не могли установить между собой контакт внутри страны, а также какую-нибудь крошечную фотографию⁷⁰⁸. Слушатели курсов, которые по приезде в страну намеревались продолжить свою большевистскую деятельность, пытались перед полицией предстать в гражданской одежде или австро-венгерской униформе, так как в отличие от других репатриантов в России они носили хорошие сапоги и русскую офицерскую униформу, что легко могло их выдать⁷⁰⁹.

Помимо попыток сбить с толку полицию, зафиксировано два, условно говоря, случая отпора властям Королевства СХС. Одна группа репатриантов из окна вагона, в котором они возвращались, выставила красный флаг. Полагают, что после этого происшествия была устроена процедура обращения с бывшими пленными⁷¹⁰. Другая группа репатриантов после освобождения из лагеря и размещения в одной из казарм в Загребе помешала офицеру (вероятно, шумом и криками) выступить перед ними с речью⁷¹¹. И это было всё, что они могли и были готовы предпринять против органов власти. У руководителей КПЮ имелись и другие поводы для разочарования: «Сима Маркович рассказывал, что большинство курсантов находятся в жандармерии и что по прибытии в Королевство они не объявляются партии, поэтому сюда мало и присылают»⁷¹². Нечто похожее подметил и впоследствии рассказывал Павел Грегорич, который сначала был австро-венгерским офицером, потом добровольцем, потом диссидентом, а потом вместе с другими, имеющими аналогичную биографию, перешёл к большевикам и стал преподавателем

⁷⁰⁶ AJ. 516. МГ-202. 7; AJ. 516. МГ-1144. 3; AJ. 516. МГ-1257. 8; AJ. 516. МГ-297/3. 36; *N. Popović*. Jugosloveni. S. 162.

⁷⁰⁷ AJ. 516. МГ-149. 15; AJ. 516. МГ-193. 9; AJ. 516. МГ-500. 12–13; AJ. 516. МГ-543. 18; AJ. 516. МГ-597. 18; *N. Popović*. Jugosloveni. S. 427.

⁷⁰⁸ AJ. 516. МГ-331. 2; AJ. 516. МГ-193. 9; *N. Popović*. Jugosloveni. S. 483.

⁷⁰⁹ AJ. 516. МГ-1297. 10.

⁷¹⁰ AJ. 516. МГ-149. 14.

⁷¹¹ AJ. 516. МГ-149. 14.

⁷¹² AJ. 14. Ф-161. 251. Допрос Васы Несторовича из Белой Церкви состоялся в Мариборе 18 августа 1921 г. По словам Несторовича, в то время и «курсы были упразднены, поскольку у них нет пищи».

на их курсах: «Никто из тех бывших офицеров не вступил в Партию, кроме меня»⁷¹³. Разница между ситуацией в России и Югославском Королевстве была огромна, во что поверили сами репатрианты и в большинстве своём успокоились. Об этом свидетельствуют многочисленные пятнадцатидневные отчёты Департамента государственной тайной полиции на территории Бачки, Баната и Бараньи, касательно репатриантов из России, в которых поведение большей части бывших пленных описывается как лояльное⁷¹⁴.

Упомянутый Павел Грегориц без проблем оказался в стране, изумляясь, как ему удалось избежать расспросов о его политических пристрастиях, и приписывая это обстоятельство «дезорганизации югославской власти». Однако, судя по дальнейшим действиям полиции, можно заключить, что в его случае это было сделано намеренно с целью слежения за его деятельностью и контактами, поскольку он входил в группу тех, кого заметили ещё в России и кто фигурировал в списках самых опасных большевиков⁷¹⁵. Это не единственный пример просчёта тех, кто планировал революционный переворот в Югославском Королевстве. Уже сама попытка насильственными методами, устрашением и шантажом «революционизировать» бывших пленных и перебросить их обратно в Европу в качестве «носителей вируса» будущей революции чаще всего имела противоположный эффект. Так, репатриант Божо Крнетич, указав на одного большевистского агитатора, который с ним и другими пленными был «очень груб», не сумел сдержать гнев: «Попадись мне Антон Север, загрыз бы его собственными зубами за то, что мы от него натерпелись»⁷¹⁶.

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ

Изоляция в мариборском лагере продолжалась сравнительно недолго. По свидетельствам репатриантов, их держали там 8, 9 или 11 дней, иногда три недели, а самым длительным оказалось пребывание сроком в месяц⁷¹⁷. Нет ни одного сведения, чтобы кто-то пробыл в лагере дольше этого.

До организации лагеря в Мариборе в январе 1919 г. для размещения репатриантов использовалась казарма, однако впоследствии от этого отказались⁷¹⁸, поэтому, как вспоминают репатрианты, лагерь состоял из «отвра-

⁷¹³ AJ. 516. МГ-294/3. 35.

⁷¹⁴ AJ. 14. Ф-105. 71–91; 257–321; 391–405; 518–531; 757–795; 1034–1083 и т. д.

⁷¹⁵ AJ. 516. МГ-294/3. 36–37.

⁷¹⁶ AJ. 507. Ф-56/28.

⁷¹⁷ AJ. 516. МГ-193. 9; AJ. 516. МГ-204. 3; AJ. 516. МГ-224. 9; AJ. 516. МГ-331. 3; AJ. 516. МГ-543. 18.

⁷¹⁸ AJ. 516. МГ-108. 2–3.

тительно сырых»⁷¹⁹ и «запущенных солдатских барачков, обнесённых колючей проволокой и охраняемых часовыми»⁷²⁰. Изначально бараки, вероятно, предназначались для австро-венгерской армии. Лежать приходилось на голый пол, а «стены барачков были исписаны горькими и ироничными фразами, содержащими остроумные и тяжёлые истины... Надписей на русском и словенском языке насчитывалось тысячи»⁷²¹.

Вопрос питания был решён задолго до образования лагеря на основании документа командующего IV армейским округом: «Эти пленные в период их пребывания в окружных городах, а также во время путешествия домой будут считаться военнообязанными, и им полагается армейский паек»⁷²². В воспоминаниях только одного репатрианта отмечено, что за время их восьмидневного пребывания в лагере «их плохо кормили»⁷²³. Следовательно, можно предположить, что приказ был в основном выполнен, и кормили репатриантов, как других солдат Королевства СХС в тот период.

Здравоохранение, формально являвшееся причиной основания лагеря, подразумевало, прежде всего, дезинфекцию и мытьё, о чём по выходе из лагеря бывшие пленные получали удостоверяющую справку, где говорилось, что они очищены от вшей⁷²⁴. Вследствие особого психического состояния репатриантов и ошеломляющего эффекта, который оказали на них меры предосторожности, каждый всё переживал по-своему: «До 26. IX. 1920 г. в Мариборе нас мыли и обрабатывали. Нас не обыскивали, но смотрели на нас всё же исподлобья, опасаясь, как бы мы их не заразили какой-нибудь заразой. Возможно, коммунизмом. С нами даже не хотели разговаривать. Кое-кто из нас так были всем этим потрясены и разочарованы, что собрались было ехать обратно в Россию. Люди поговаривали, мол, нас лучше принимали немцы, казаки и другие народы, чем наши. Бог весть, что с нами дальше теперь будет. Может, нас моют, чтобы перестрелять и чистыми закопать»⁷²⁵.

Ничуть не меньшим было постигшее их разочарование в отношении материальных ценностей. Иосиф Шмайзл из Осиека впоследствии рассказывал: «Среди репатриантов были и такие, кто имел драгоценности, золото, бриллианты и рубины. У меня самого было 86500 рублей... В Ямбурге... нам

⁷¹⁹ AJ. 516. МГ-1144. 3.

⁷²⁰ F. Novak. Naši zarobljenici. S. 32; AJ. 516. МГ-244. 9; AJ. 516. МГ-331. 2.

⁷²¹ AJ. 516. МГ-1144. 4. Автор этих воспоминаний Леопольд Шмольц ещё в 1966 г. отметил: «Те стены и ныне представляли бы собой знаменательный культурно-исторический документ о тогдашней власти и о тех, кто был под её сенью, если бы кто-нибудь тогда срисовал и сохранил».

⁷²² ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/5.

⁷²³ AJ. 516. МГ-149. 14.

⁷²⁴ ВА. П-7. К-97. Ф-7. № 16/5; AJ. 516. МГ-1144. 4.

⁷²⁵ AJ. 516. МГ-597. 17–18.

сказали, что никто не имеет право перевезти через границу свыше 80000 рублей... В комнате сидели два таможенных комиссара, у которых на столе лежали пистолеты, а рядом с ними стояли два солдата и все деньги и драгоценности, у нас изъятые, рассовывали по мешкам... Так многие репатрианты остались без ничего»⁷²⁶. Несомненно, эту сцену невозможно было забыть до конца жизни, а для ментального склада репатриантов, переживших это и об этом позднее рассказывавших, характерно то, что они не задавались вопросом, откуда у бывших военнопленных драгоценные камни и металлы. Их нельзя было заработать на полевых работах и бурлачеством, где труд пленников использовался чаще всего.

Несмотря на частые обыски, некоторым всё-таки удалось непостижимым (в любом случае сомнительным) образом провезти нажитые средства через многочисленные границы и этапные контрольные проверки, рискуя заплатить головой. Прибыв в Марибор, они узнавали, что советские рубли не имеют здесь никакой ценности, поскольку за пределами России их никто не признаёт. Благодаря этому факту до нас дошла почти надреальная картина физически и психически сломленных людей, которые в ветхой униформе различных стигнувших армий ходят по лагерному кругу по изорванным российским купюрам⁷²⁷. Так стены мариборского лагеря, ошестинившегося колючей проволокой, развеяли ещё одну из многочисленных иллюзий, которыми, преодолевая тысячи и тысячи километров в железнодорожных вагонах и утробах транспортных судов, грезили репатрианты.

КОЛИЧЕСТВО ПРОШЕДШИХ ЧЕРЕЗ ЛАГЕРЬ

Для того, чтобы с точностью установить количество людей, прошедших через лагерь, имеется недостаточно релевантных сведений. Авторы мемуаров об этом в основном умалчивают, однако, судя по количеству воспоминаний тех, кто прошёл через Марибор, на фоне общей массы мемуарного материала складывается впечатление, что большинство бывших пленных вернулось в Королевство СХС именно через этот лагерь. Того же мнения придерживался и репатриант Иосиф Демарин из Медулина в тогдашней Италии: «Большинство наших людей вернулось в старую Югославию через границу близ Марибора»⁷²⁸. Но сколько составляло это «большинство»?

⁷²⁶ AJ. 516. МГ-1145. 26.

⁷²⁷ AJ. 516. МГ-1144. 6.

⁷²⁸ AJ. 516. МГ-188. 45.

Согласно одному ценнейшему источнику, «через лагерь до конца октября 1921 г. прошло 14896 репатриантов из России»⁷²⁹. В мемуарах нет ни одного данного о том, что кто-то из репатриантов прошёл через мариборский лагерь до лета 1920 г. Если цифру 14896 репатриантов мы разделим на 16 месяцев — до тех пор лагерь ещё совершенно точно существовал — получается, что в среднем через него ежемесячно проходил 931 человек. Эта цифра соответствует реальности, она была ожидаема, поскольку вместимость лагеря проектировалась из расчёта «по меньшей мере, на 1200 пленных»⁷³⁰, что косвенно подтверждают данные о нахождении в лагере в один из периодов «свыше 500 человек» репатриантов⁷³¹, а также о длительности пребывания там самое большое месяца⁷³².

Если предположить, что интенсивность дальнейшего притока осталась на том же уровне, в течение последующих шести месяцев, до апреля 1922 г. (пока лагерь ещё функционировал), через Марибор могло пройти свыше 20 тыс. репатриантов. Если же интенсивность притока не изменилась до сентября 1922 г., самое позднее, когда закончилась миссия Нансена, количество репатриантов могло достичь 25 тыс. человек. Следовательно, это означает, что через Марибор, Субботицу и Дубровник прошло приблизительно одинаковое количество людей.

ПРИЁМНЫЕ ЛАГЕРЯ И ИХ «ОБИТАТЕЛИ»

Географическое расположение приёмных лагерей в полной мере оправдывает их название, а название в самом широком смысле объясняет их функцию. Они находились на въезде в Югославское Королевство, были проточного типа и выполняли роль идеологического и политического фильтра, а также карантина в санитарном смысле, имеющего целью предотвратить распространение заразных болезней. Вопрос, почему выбор пал именно на Субботицу, Люблян, Дубровник и Марибор, вряд ли нуждается в дополнительном пояснении: эти города располагались на главных транспортных направлениях, они были достаточно крупными, чтобы обеспечить размещение и питание лагерной охраны, врачей, администрации и других чиновников, и в них уже имелись объекты, которые можно было приспособить для выполнения поставленной задачи. Пребывание в этих лагерях редко превышало месяц. В течение этого времени полиция старалась собрать

⁷²⁹ T. *Milenković*. *Povratnici*. S. 210.

⁷³⁰ ВА. П-6, К-654. Ф-3. №25/25.

⁷³¹ АЈ. 14. Ф-161. 265.

⁷³² АЈ. 516. МГ-204. 3. Воспоминания Франца Долинара.

как можно больше информации о людях, прибывших в страну, особенно же об их политических пристрастиях и деятельности в период нахождения за границей. Основной целью расследования стали большевики, однако выслеживались и другие политические противники, особенно с сепаратистскими и ревизионистскими намерениями.

Специфика приёмных лагерей проявилась и в том, что в двух из них наличествовала заметная разница в обращении с репатриантами из Италии и России. Эта разница особенно очевидна в том, как происходила их политическая обработка. На вернувшихся из Италии влияние оказывалось с тем расчётом, чтобы привлечь их на сторону нового государства и развить их враждебность по отношению к нему. Отношение к ним было подчеркнуто благосклонным, а процедуры состояли из демагогических и пропагандистских мер. В противоположность этому при приёме и обработке репатриантов из России был задействован, как правило, репрессивный аппарат, что подразумевало следствие, проверку, устрашение, провокацию, слежку и некоторые виды физического насилия. Это, вероятно, считалось единственным средством против тех, кто вдыхал воздух революционной России.

На период возникновения приёмных лагерей уже имелся военный опыт лагерей для военнопленных, а также опыт лагерей интернирования в мирное время для политически неблагонадёжных граждан, поэтому недолго пришлось искать ответ на вопрос, как должны выглядеть и действовать приёмные лагеря. Гораздо большие проблемы возникли при поиске наиболее подходящих мест для их формирования. Первый приёмный лагерь начал функционировать в сентябре 1919 г., два других, вероятнее всего, в январе 1920 г., четвертый же — летом 1920 г., что свидетельствует о постепенном нарастании притока репатриантов, достигшего своего пика во второй половине 1920 г. и первой половине 1921 г.

Хотя о количестве прошедших через Любляну известно меньше всего, общую цифру в 82 тыс. репатриантов можно принять как вполне реальную. Из них 25 тыс. приходилось на репатриантов из Италии, остальные 57 тыс. прибыли из России. Однако, принимая во внимание то, что из России пленные возвращались и до падения Габсбургской монархии, а также то, что многие вернулись до организации лагерей, минуя какое-либо освидетельствование, равно как и фрагментарность документов, в которых содержатся сведения о количестве, напрашивается вывод о значительно большем числе тех, кому посчастливилось оказаться на родине, и числе умерших — также.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО РЕПАТРИАНТОВ,
ПРОШЕДШИХ ЧЕРЕЗ ПРИЁМНЫЕ ЛАГЕРЯ

МЕСТО- РАСПОЛОЖЕНИЕ ЛАГЕРЯ	КОЛИЧЕСТВО РЕПАТРИАНТОВ ИЗ РОССИИ	КОЛИЧЕСТВО РЕПАТРИАНТОВ ИЗ ИТАЛИИ	ВСЕГО
СУББОТИЦА	24000		24000
ЛЮБЛЯНА	3000	10000	13000
ДУБРОВНИК	5000	15000	20000
МАРИБОР	25000		25000
ВСЕГО	57000	25000	82000

В работе приёмных лагерей определённую роль сыграли иностранцы, русские, однако в отличие от лагерей интернирования здесь они состояли на службе по борьбе с большевизмом. В обобщённом смысле в этих лагерях разразилось противостояние между большевиками и их противниками, начавшееся ещё в России, притаившееся в поездах и на кораблях, на которых репатрианты прибывали в Королевство СХС, и не прекратившееся, когда его участники покинули лагерные бараки. Данные о тех, кто был идентифицирован как «антигосударственный элемент», остались в картотеках полиции, и впоследствии эти люди постоянно находились под подозрением в нелояльности и принадлежности политическому подполью, что в некоторых случаях было оправданно.

Заключение

Сеть лагерей, существовавшая в Королевстве СХС с 1919 г. по 1922 г., представляла собой один из видов массовой изоляции, которая в течение XIX и XX вв., принимая различные формы, постепенно охватила практически целую планету. Корни массовой изоляции уходят в начало XIX в. и связаны с разрушением средневековой общественной структуры и её системы ценностей и установлением гражданского общества с соответствующим идейным корпусом. В периоды эскалаций этого явления в политическую жизнь включались всё более широкие слои — в последние десятилетия XIX в. и позднее в кризисные моменты истории, особенно во времена войн и революций, накануне и после них, когда повышалось значение роли масс в истории.

По распространённости, экстремальным формам и разнообразию лагерная практика достигла вершины в 1930-е–1940-е гг., став его неотъемлемой характеристикой. За время своего существования явление массовой изоляции пережило три эскалации, на основании которых можно выделить три фазы его развития. Первая фаза — изоляция населения других государств или других этнических, национальных, расовых и религиозных групп. Продолжалась эта фаза с 1803 г., когда Наполеон Бонапарт впервые в истории подверг изоляции британских мирных граждан, до начала Первой мировой войны. Вторая фаза характеризуется заключением в лагеря населения собственной страны по причине подозрения в подверженности нежелательным политическим взглядам. Данная фаза продолжалась с 1914 г., когда Габсбургская монархия начала бросать в лагеря своих подданных славянской и романской национальности, коллективно подозреваемых в нелояльности, до появления лагерей истребления во Вторую мировую войну. Третья фаза была достигнута в 1941 г. с появлением «фабрик смерти», основным предназначением которых было полное уничтожение идеологически или политически нежелательного населения, причём до конца остается неразрешённым вопрос, появился ли первый такой лагерь в Независимом Государстве Хорватии или в нацистской Германии. Одновременно с появлением

и развитием каждой новой фазы зачастую либо в других сетях лагерей, либо в рамках той же самой сети продолжали функционировать лагеря из предыдущей фазы. Необычайное разнообразие и обилие лагерной практики породило различные заблуждения при попытке понять и истолковать феномен лагерей. Стереотипы, ошибки и упущения в процессе исследований по этой теме, как выяснилось, не всегда происходили по воле случая.

Наиболее пространный вывод, который можно было бы сделать по теме лагерей, заключается в том, что массовая изоляция возникала всякий раз, когда какая-либо управленческая структура ощущала потребность в устранении из политической жизни большой группы людей. Причиной этого чаще всего становилось проникновение или опасность проникновения нежелательных политических идей в более широкие слои населения. Доступность образования большому количеству людей, появление современных политических идеологий и современных средств их распространения дали мощный импульс развитию лагерей, использовавшихся как крайняя мера для пресечения нежелательных идей и позиций. С одной стороны, это обуславливает невозможность более раннего появления лагерной практики. С другой стороны, в лагерях люди одни над другими совершали то, что в других ситуациях и другими средствами совершали и раньше. Главные новшества — до того момента недоступный технологический уровень и невиданная массовость. Политические лагеря изоляции можно считать и обратной стороной двух процессов, характеризующих современную историю, демократизации и модернизации, что идентифицирует лагеря как одну из институций, типичных для гражданского общества.

Лагеря, появившиеся в Королевстве СХС с 1919 г. по 1922 г., стали завершающим этапом сложнейшего процесса, колоссального кругового путешествия, в которое Первая мировая война отправила миллионы людей. Значительную часть огромной массы военных и послевоенных мигрантов составили бывшие военнопленные, среди которых многие являлись гражданами новообразованного Югославского Королевства. Возвращаясь на родину, они приносили или могли принести определённые нежелательные идеи и опасные намерения. Принимая этот вызов, новое государство выполняло и свои международные обязательства, поскольку являлось существенным звеном так называемой системы безопасности в послевоенной Европе. В качестве одной из превентивных мер революционной угрозы была сформирована сеть *приёмных лагерей*, через которые репатрианты должны были пройти при въезде в страну, а для защиты от тех, кто уже находился в стране и питал те же самые политические пристрастия, была выстроена сеть *лагерей интернирования*. Оба этих вида лагерей составляли своего рода единое целое, так как, в сущности, причина их создания была одной

и той же. И всё же, есть основания усомниться, что кто-либо в Королевстве СХС отдавал себе отчёт в цельности этой лагерной сети, её комплексности и функциональной разнородности, потому что, хотя эти лагеря были детищем правительственных органов Югославского Королевства, центральной институции, которая руководила бы ими, не существовало.

Общую массу людей, прошедших через эти лагеря, можно разделить на тех, кто находился на территории, занятой Сербской армией, и тех, кто возвращался из плена в России и Италии. Первая группа в основном прошла через лагерь интернирования, и составляли её подозреваемые или идентифицированные как большевики габсбургские лоялисты, сепаратистки настроенные националисты, а также различные правонарушители. Составлявшие вторую группу прошли в основном через приёмные лагеря, где проводилось расследование их политических убеждений и деятельности во время пребывания за границей, а некоторых наиболее опасных и подозрительных порой отправляли и в лагерь интернирования для продолжения проверки. В обеих группах среди подозреваемых или идентифицированных в качестве противников нового государства наблюдается непропорционально большое число представителей национальных меньшинств, а следом за ними по численности следуют представители югославянских народов с бывших австро-венгерских территорий, вошедших в состав нового государства. Нет подтверждения, что кто-либо с территорий недавних Королевств Сербии и Черногории прошёл либо через лагерь интернирования, либо через приёмные лагеря. Особую категорию интернированных составляли иностранцы, чаще всего российские граждане. Меньшинство их составляли русские, бывшие австро-венгерские пленные, в то время как большинство их прибыло с волнами эмиграции из Советской России. Конечно, были и такие, кто неизвестно какими путями оказался в стране и чьи личности и деятельность так и не удалось до конца установить.

Характерно, что локации для изоляции выбирались либо на территории, ранее принадлежавшей Австро-Венгрии, либо на севере недавнего Королевства Сербии. Глубже внутри страны или на территории Черногории не существовало ни одного лагеря. Возникновению лагерной сети предшествовало интернирование на военных объектах, однако в них не хватало места (Белград, Петроварадин, Баранья), а также тщетная попытка интернирования без физического ограничения передвижения в городе Смедереве и Валево. Лагерями интернирования в сложившемся виде можно считать, прежде всего, Смедеровскую крепость и мостарские бастионы. Есть не вполне достоверная информация, что подобные объекты существовали в Ливно, крепости Клис и Пожаревце. В переписке государственных институций,

подыскивавших наиболее подходящие локации для лагерей, в качестве идеального места не раз упоминался «какой-нибудь далматинский остров». Эта идея между тем воплотилась только после Второй мировой войны, когда в Югославии образовалось партийное государство и в рамках его репрессивного аппарата лагеря на Голом Отоке и Святом Гргуре.

До ноября 1919 г. лагеря в Королевстве СХС находились в ведении армии, а затем были переданы полиции, хотя у армии сохранилась вспомогательная роль. Армейские органы за всё время существования лагерей организовывали транспортировку репатриантов, врачебный уход и дезинфекцию, снабжали их одеждой и провиантом, поддерживали дисциплину, полиция же проводила освидетельствование и следствие, обеспечивала безопасность и следила за поведением изолянтов после выхода на свободу. Для основания приёмных лагерей подыскивались наиболее подходящие для этого локации в крупных городах вблизи границы, а также на главных транспортных магистралах. Субботицкий и мариборский лагеря использовались исключительно для приёма репатриантов из России, в то время как в люблянской и дубровницкой направлялись преимущественно репатрианты из Италии, из России же значительно меньше. Обращались с репатриантами из России и Италии совершенно по-разному: с репатриантами из России значительно суровее, что объясняется меньшей интенсивностью враждебной индоктринации, которой подверглись репатрианты из Италии.

Для размещения лагерников, как правило, использовались фортификационные объекты и бараки за колючей проволокой, питание осуществлялось по армейским стандартам и из армейских ресурсов, предпринимались также меры по охране здоровья, особенно профилактика заразных болезней. В лагерях интернирования самой длительной была изоляция сроком в семь месяцев, а в приёмных лагерях самое краткое пребывание составило восемь дней, самое же длительное — один месяц. Порядок следственных процедур был стандартным и состоял из обыска, допроса, провокации, устрашения и применения некоторых форм физического насилия, а затем сопоставления и проверки полученных таким образом сведений. В этих лагерях никто не был убит, а все намёки на это, встречающиеся в югославской историографии, безосновательны и тенденциозны. Через приёмные лагеря прошло по меньшей мере 82 тыс. человек: 57 тыс. репатриантов из России и 25 тыс. репатриантов из Италии. Действительное количество бывших пленных, которые выжили и вернулись из России, было значительно большим, однако на данный момент документально это никак подтвердить нельзя.

Эффект от принятых тогда мер идеолого-политической предосторожности оказался двояким: в отношении безопасности цель была достигнута, так как первые попытки создания нелегальных революционных организа-

ций в Королевстве СХС потерпели неудачу в самом начале. С политической точки зрения был нанесён серьёзный урон, так как вследствие обращения с ними в лагерях многие репатрианты разочаровались и озлобились на новое государство, что породило новую нетерпимость. Суровые и порой чрезмерные действия власти, с одной стороны, были продиктованы психозом, вызванным победой большевиков в России и угрозой «экспорта» революции, а с другой — являются следствием недостатка политического такта, особенно у служащих государственной структуры, непосредственно имевшей дело с репатриантами. Тем самым только усугубилась уже назревшая взаимная ненависть среди бывших пленных, некоторые из которых сражались по разные стороны в русской гражданской войне.

Если сети лагерей, последовательно существовавших на территории Югославии, рассмотреть в расширенном историческом контексте, то можно заметить связь и взаимозависимость этого феномена с явлениями, процессами и событиями в плоскости международной истории. Для этого необходимо попытаться установить их роль в отношении общественной структуры, в которой они появились, а также дать им более широкое пространственное и временное определение. Первый важный аспект, который обнаруживается, касается демографических потерь и наших знаний о них, а второй указывает на двойственность функции лагерных систем, действовавших на территории Югославии, внешнеполитическую и внутривнутриполитическую, переплетавшихся и дополнявших друг друга.

1. Не требует специальных доказательств тот факт, что лагеря — сопутствующее явление кризисов и войн и тесно связаны с вопросом демографических потерь. Между тем в современной сербской историографии никогда не указывалось точное число югославов из Габсбургской монархии, участвовавших в Первой мировой войне, сколько их погибло, сколько искалечено, сколько находилось в плену и там умерло. Впрочем, эти данные остались тайной и для сербов из Королевства Сербии. Следствием этого явилось то, что невозможно было точно установить количество солдат и мирных граждан, вернувшихся из плена, а также сколько их прошло через лагеря в Австро-Венгрии и Королевстве СХС. Принимая во внимание, что в сербской истории эта проблема касается и других войн за последние двести лет, начиная от Первого сербского восстания и заканчивая войнами 1990-х гг., становится понятно, какой титанический труд ещё предстоит исторической науке. Одна из причин такого отношения к этому сегменту прошлого кроется в сфере политики. Когда известно число жертв, причины их гибели возлагаются на тех, кто несёт ответственность, а это чаще всего элита или её часть. С другой стороны, после войны к «мертвым душам» очень удобно взывать для разжигания патриотизма, во имя их можно требовать

возмещение военных убытков и т.д. Другая причина заключается в особенности сербского менталитета, подразумевающего самоотверженность и культ самопожертвования. Такой менталитет, с одной стороны, является плодом особого исторического развития, в котором часто присутствовала массовая гибель, а с другой — подобное самосознание делает возможным дальнейшие манипуляции и новые массовые жертвы.

2. Советский Союз ныне стал частью истории. Та же участь постигла и Югославию. Возникнув после Первой мировой войны и исчезнув в конце «холодной войны», эти два государства существовали параллельно, хронологически совпав с течением «краткого XX века». Если системы лагерей, существовавших на территории Югославии, рассмотреть в свете международных отношений, можно отметить, что их появление в значительной мере связывалось с существованием и функционированием Советского Союза, нежели с каким-либо другим международным субъектом в отдельности. Лагеря, организованные непосредственно после образования Югославского Королевства, имели своей главной целью защиту от большевизма. Сеть лагерей, существовавшая в Югославии с 1939 г. по 1941 г., преимущественно предназначалась для защиты от коммунистов, которых властвующая структура считала экспонентами Советского Союза. В лагеря, организованные на территории раздробленной Югославии и за её пределами оккупационными силами, заключали, прежде всего, сербов (подозреваемых в русофильстве), коммунистов (имеющих партийные связи с Советами) и евреев (считавшихся творцами большевизма). После победоносного прорыва Красной Армии в Центральную и Восточную Европу были созданы условия для заключения в лагерь и последующей экстрадиции из страны представителей немецких и итальянских меньшинств в Югославии со стороны коммунистов. Возможность дальнейшего расширения советского влияния сподвигла Запад на поддержку стабильной Югославии без воздействия СССР. Конфликт вокруг Информбюро спровоцировал создание сети лагерей для тех, кто подозревался в пророссийских взглядах. Крушение СССР обесмыслил эту проблему и обусловил рекомпозицию югославской территории. Вспыхнула гражданская война, Югославия распалась, что сопровождалось появлением новых лагерей. Так закончилась история многонациональной Югославии, произошла национальная гомогенизация и образовались новые государства. Из вышесказанного можно сделать вывод, что в истории Югославии скрыта нить, ведущая к самому эпицентру истории XX в., — Октябрьской революции, которая тянется до исчезновения важнейшего последствия этого события, советского государства. Хотя судьба Югославии во многом определяется этим фактом, он всё же недостаточно учитывается при оценке исторического значения страны и роли, которую сыграли её народы. Оши-

бочная оценка между тем может привести к серьезным девиациям в самоперцепции и понимании международного положения государства.

3. Когда речь идёт о происхождении, социальном и политическом профиле людей, прошедших через первую сеть лагерей, анализ расположения этих лагерей и факт предшествующего существования объектов в Дуалистической монархии порой в тех же самых местах заставляет задуматься, не была ли массовая изоляция в Королевстве СХС отчасти преемником габсбургского наследия. Поскольку, хотя институции, её создавшие, являлись, по сути, расширенным государственным аппаратом Королевства Сербии, корни феномена лагерей для политических противников уходят в социальную структуру, политические проблемы и революционный психоз, сотрясавший Дуалистическую монархию перед её распадом. Королевство Сербия и Черногория не обладали таким потенциалом. Это, вопреки государственно-правовому дисконтинуитету, указывает на континуитет между общественной структурой рухнувшей империи и новообразованного государства, причем лагеря стали лишь одной манифестацией многочисленных проблем, обременявших Австро-Венгрию и Югославское Королевство: национальная и религиозная гетерогенность, экономическая отсталость, институциональная неэффективность, политическая разрозненность, культурная неразвитость, географическое положение и запаздывание в процессах модернизации. В бессилии Югославии на протяжении всего её существования справиться с этими проблемами кроются предпосылки для многократных попыток создания сетей лагерей на территории этого государства. Если национальный аспект проблемы в первой сети лагерей в какой-то степени был завуалирован борьбой против большевизма, а в сети лагерей для сторонников Информбюро идеологическими и стратегическими причинами, то в период Второй мировой войны, в первые послевоенные годы и после распада Югославии появляются лагеря для заключения преимущественно представителей других наций и религий, лагеря, ставшие одним из средств для создания этнически чистых территорий. В этом проявилось стремление уничтожить одну из ярчайших особенностей югославского государства, ту самую, которая была унаследована от предшественников — Габсбургской и Оттоманской империй.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
ВВЕДЕНИЕ	
<i>Лагеря изоляции: возникновение, развитие, стереотипы, типология</i>	35
ГЛАВА I	
<i>Королевство СХС и революционная угроза</i>	69
ГЛАВА II	
<i>«Губительные бациллы большевизма» и их носители</i>	105
ГЛАВА III	
<i>Лагеря интернирования</i>	141
ГЛАВА IV	
<i>Приёмные лагеря</i>	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	219

Горан Милорадович

КАРАНТИН ИДЕЙ

**Лагеря для изоляции
«подозрительных лиц»
в Королевстве сербов,
хорватов и словенцев
в 1919–1922 гг.**

Редакторы русского текста
О. В. Эдельман и М. А. Колеров

REGNUM

Издательский Дом «Регнум»
115088, г. Москва, 2-й Южнопортовый проезд, д. 16, стр. 1, офис 227
www.ridr.ru

Серия SELECTA
под редакцией *М. А. Колерова*

Подписано в печать 09.07.2010. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,25. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «МТК press».
Ярославль, ул. Промышленная, дом 1, стр. 5.